

*Труды теоретико-лингвистической школы
в области общего и русского языкознания*
Воронежский государственный университет
Центр коммуникативных исследований
Кафедра общего языкознания и стилистики

Текст - дискурс - картина мира

Вып. 6

Продолжающееся научное издание



**Воронеж
2010**

Очередной (шестой) выпуск межвузовского научного сборника «Текст – дискурс - картина мира» (предыдущие выпуски 2005-2009 гг.) посвящен теоретическим и прикладным проблемам изучения взаимодействия текста, дискурса и картины мира. В сборнике представлены статьи ученых Воронежа, Саратова, Нижнего Новгорода, Москвы, Санкт-Петербурга, Ирака, Китая, Вьетнама, посвященные исследованию текста в традиционном, функциональном, прагматическом и когнитивном аспектах.

В некоторых случаях концепция присланных статей отличается от общепринятой трактовки анализируемой проблемы и расходится с мнением редакционной коллегии. Однако редколлегия считает возможной публикацию таких работ в порядке научной дискуссии.

Сборник предназначен для филологов, преподавателей русского языка и иностранных языков, литературоведов, преподавателей русского языка как иностранного, специалистов в области текста, дискурса, когнитивных исследований, культурологии и межкультурной коммуникации.

Редакционная коллегия:

д.ф.н. Вахтель Н.М., д.ф.н. Попова З.Д., д.ф.н. Стернин И.А.,
д.ф.н.Чарыкова О.Н. - научный редактор

Компьютерная верстка и оригинал - макет –
О.Н.Чарыкова, И.А.Стернин

© Коллектив авторов, 2010

Текст - дискурс - картина мира. Межвузовский сборник научных трудов. - Вып.6. / Научный ред. О.Н.Чарыкова. - Воронеж: «Истоки», 2009. - 200 экз.- 190 с.

От редколлегии

Предлагаемый вниманию читателей сборник продолжает тематическую серию публикаций, посвященных проблемам соотношения текста, дискурса и картины мира.

Сборник формируется в русле основной научной проблемы научной школы кафедры общего языкознания и стилистики «Язык и национальное сознание», но ориентирован на изучение национальной специфики текста и дискурса.

Редколлегия приглашает к сотрудничеству всех исследователей, занимающихся проблемами соотношения текста, дискурса и языкового сознания.

Электронный адрес редколлегии: sternin@phil.vsu.ru.

Вопросы теории

А.А. Припадчев

Речевая системность текста в данных смыслов

(на материале произведения композиционной формы «описание»)

В теории речи существенно разграничение понятий «семантика» и «смысл». Системообразование в речи, выявляемое через понятия «факторы» и «принципы», и речевая системность конкретных текстов, выявляемая через понятие «модели», в данных **семантики** уже были предметом нашего внимания и демонстрировались на материале текстов жанра «плач» и жанра «молитва» (Припадчев, 2006, с. 117–121; 2007, с. 66–76; 2008, с. 58–67; 2008, с. 13–24; 2008, с. 3–15). В новой серии статей системообразование в речи и речевая системность определенных текстов, в частности, композиционной формы «описание» рассматривается уже в другом аспекте, а именно: в данных **смыслов**.

Потребность в разграничении семантики и смысла возникла не сегодня. Ученые разных направлений в лингвистике при изучении текста и речи стали особенно настаивать на этом в конце XX века.

Необходимость разграничивать понятия «денотат» и «смысл» прослеживается по многим положениям Н.И. Жинкина: «Речевые знаки по требованию значений, вырабатываемых в процессе коммуникации, перестраиваются в эквивалентные для партнеров формы, в которых должно происходить быстрое узнавание и разборчивая реализация языковых единиц. Интеграция этих единиц образует предметный **смысл денотата** (выделено нами – А. П.) и тем самым возможность выразить его содержание в разных словах, в чем и состоит акт понимания» (Жинкин, 1982, с. 68).

«Проблема текста мало разработана, поэтому существенные вопросы речевой коммуникации остаются еще неясными. К таким вопросам относится, например, роль денотатов, различие между **значением и смыслом** (выделено нами – А. П.)» (Жинкин, 1982, с. 80).

Углубляя разграничение понятий «значение» и «смысл», Н.И. Жинкин не исключает наличия в тексте не только семантических моделей (идентификация денотатов), но и определенно говорит о присутствии в нем иных – смысловых моделей: «**Денотаты** (выделено нами – А. П.) интегрируются по ходу развития темы речи, и единство темы держится на идентификации денотатов. <...> **Смысловые** (выделено нами – А. П.) связи в отличие от грамматических не заданы заранее, их надо найти, открыть и интегрировать в модели. Тогда модель <...> будет смыслом отрезка речи. Иначе говоря, смыслом будет то, что предметно тождественно в разных лексических оформлениях» (Жинкин, 1982, с. 80–81).

Сосредоточиваясь на понятии «смысл», Н.И. Жинкин предлагает практические пути обнаружения смысла текста – наблюдать за смежными предложениями, постепенно расширяя радиус смежности до кристаллизации смысловых отношений структур: «Текстовый **смысл** (выделено нами – А. П.) – это интеграция лексических значений двух смежных предложений текста. Если интеграция не возникает, берется следующее смежное предложение, и так до того момента, когда возникает смысловая связь этих предложений» (Жинкин, 1982, с. 84–85).

К прозрению и предсказанию когнитивной лингвистики (Попова, Стернин, 2007; Попова, 2009) можно отнести высказывание Н.И. Жинкина о том, что смысл, формируясь до языка и речи, соотнесен не только с речемыслительной деятельностью, но и прежде всего с ментальностью в широком смысле этого слова: «Говоря о **смысле** (выделено нами – А. П.), мы попадаем в компетенцию интеллекта. <...> Интеллект сохраняет за собой только самую общую, но универсальную функцию управления – это кодирование в виде универсального предметного кода (УПК)» (Жинкин, 1982, с. 88).

Итак, по Н.И. Жинкину, смысл является интегралом значений. Смысл – это внутренняя форма языка, которую старался обнаружить В. фон Гумбольдт (Жинкин, 1982, с. 89, 96).

Непосредственно на понятии «смысл», без акцентирования понятия «значение», сосредоточивает свое внимание и нейролингвистика, осмысляя этот термин в приложении к тексту. А.Р. Лурия отмечает, что смысл текста – величина бóльшая, нежели смысл отдельных предложений и их последовательности: «Было бы неправильно думать, что **смысл** (выделено нами – А. П.) воспринимаемого текста исчерпывается смыслами отдельных предложений. Процесс понимания смысла целого текста несравненно сложнее. <...> Анализ понимания смысла целого текста так же не может сводиться к анализу последовательности предложений, <...> как и понимание предложений не сводится к пониманию просто следующих друг за другом отдельных слов» (Лурия, 1975, с. 173).

Уводя исследователей от искушения разбить смысл текста на кусочки смыслов, Р.А. Лурия предлагает понятие «модель» в приложении к смыслу: «Быть может, лучше всего <...> сложность **смысловой** (выделено нами – А. П.) структуры текста проявляется в басне (притче), процесс понимания которой может быть оценен как модель любого сложного процесса понимания текста» (Лурия, 1975, с. 174).

Для того, чтобы в поисках смысла текста переход от смысла отдельного элемента произведения к смыслу текста как целого был органичным, Р.А. Лурия советует предусмотреть «скрытые смыслы» в любом тексте, а не только в художественном: «Подлинное понимание **смысла** (выделено нами – А. П.) текста предполагает сначала интерпретацию скрытого смысла отдельного фрагмента, а затем – и общего смысла всего текста в целом» (Лурия, 1975, с. 175).

Обращая внимание на сложность процесса интерпретации смысла текста, Р.А. Лурия рекомендует учитывать многослойность смыслов текста, его «внешнее содержание» и «внутренний смысл»: процесс понимания текста «выходит далеко за пределы декодирования отдельных грамматических структур, включенных в текст; он требует абстракции от частного значения, выраженного отдельными элементами текста, и от сообщения, которое является его «внешним содержанием»; наиболее существенным звеном понимания текста становится его **внутренний смысловой** (выделено нами – А. П.) анализ» (Лурия, 1975, с. 176).

Во избежание претензий на единственно возможную интерпретацию смысла текста Р.А. Лурия допускает разные версии его смысловой структуры, предлагая понятие «глубина прочтения текста»: «Нет сомнения в том, что глубина прочтения текста может быть различной и что она варьируется от одного субъекта к другому, вероятно, в значительно большей степени, чем анализ «внешнего», грамматически оформленного значения предложений» (Лурия, 1975, с. 176).

Констатируя состояние дел в психологии и лингвистике в области изучения смысла, Р.А. Лурия пишет: «Мы не можем сказать больше о сложном психологическом процессе декодирования общего **смысла** (выделено нами – А. П.) текста. Эта проблема <...> еще очень мало изучена психологами. <...> Лишь в самое последнее время она стала тщательно изучаться некоторыми <...> лингвистами; однако здесь делаются только первые шаги» (Лурия, 1975, с. 177).

И далее: «В отличие от <...> изучения понимания отдельных предложений, понимание целых **смысловых** (выделено нами – А. П.) отрывков, их общей мысли и их внутреннего смысла, почти совсем не располагает сколько-нибудь достаточной литературой» (Лурия, 1975, с. 181.)

Обращаясь к тексту, авторы «Основ теории речевой деятельности» не используют понятий «семантика» и «смысл», но прибегают к терминам «универсалия речи», «психолингвистическая модель»: «При попытке психолингвистических объяснений речевых явлений необходимо, по-видимому, учитывать три аспекта: сам лингвистический факт, который может быть обнаружен на основе анализа текстов одного языка, его проверку на универсальность и его психологическую интерпретацию» (Основы, 1974, с. 139).

«Однако несмотря на некоторые успехи, достигнутые в психологической интерпретации извлеченных из текстов фактов, особенно фактов речи, большинство универсалий до сих пор не нашло психолингвистического объяснения» (Основы, 1974, с. 142).

И далее: «Рассматривая текст как материал для психолингвистических исследований, необходимо иметь в виду, что один и тот же текст <...> может интерпретироваться по-разному. <...> Вряд ли можно утверждать априорно, что в основе порождения данного типа высказывания лежит та или иная психолингвистическая модель. <...> В то же время нельзя

недооценивать возможностей, которые предоставляет текст для психолингвистических исследований» (Основы, 1974, с. 144).

Так долго кристаллизовавшееся различие понятий «семантика текста» и «смысл текста» в увлеченности моделированием процесса понимания текста стало снова уходить на второй план. По существу текст снова исключен из проблематики «язык – речь». А если это так, то потеряны и предметы лингвистики – язык, речь.

Но нет текста вообще. Есть конкретный текст с временными, ареальными, жанровыми и авторскими параметрами. Текст – это единство языка и речи. Основной механизм перехода языка в речь – нейтрализация языкового различительного означивания денотатов сходным речевым означиванием денотатов и смыслов денотатов. В каждом тексте этот процесс словесно проявляется по-разному. Поэтому и язык, и речь в тексте – величины искомые.

Речевая системность текста выявляется или в данных семантики (пространство, время, оценка и др.), о чем мы говорили в других работах, или в данных смыслов (универсальный – энциклопедический; национальный – контекстуальный и ситуативный; уникальный – прагматический, образный).

Если данные о речевой системности текста претендуют на статус научных, они должны предъявляться, как писал Ф. де Соссюр (Соссюр, 1977, с. 133), через понятия «факторы» и «принципы». Используемые нами и ранее, при обсуждении речевой системности текста в данных семантики, эти понятия применимы и при описании речевой системности текста в данных смыслов, что подтверждает их сущностность и универсальность.

Спят, наверное, конвоиры, едущие в отдельном вагоне. Не видят они того, что видит месяц... Торопят Сергея люди, столпившиеся у окна вагона, кричат:

– Не надо! В окно вылезем!..

Цапнул Сергей второй рукой обмотку, лягнул пружинистыми ногами бок вагона и, взмахнув руками, закувыркался под откос...

Сергей долго лежал не шевелясь. Он не ощущал присутствия своего тела. Кромешная тьма и тишь сжали его со всех сторон. Пробовал открыть глаза – войлок потемок не исчез. До слуха не доносился ни малейший шорох и звук (К. Воробьев. Убиты под Москвой. – Воронеж, 1988. – С. 53).

Типология смыслов текста

Энциклопедический смысл: плен во время войны (*состав – вагон – конвоиры – люди*).

Контекстуальный смысл: побег пленных (*лягнул бок вагона – взмахнул руками – закувыркался под откос – лежал*).

Ситуативный смысл: пленный после прыжка с поезда. В ситуации принимает участие Сергей (*Сергей – И.п.*), он (*Сергей – И.п.*), его (*Сергея – В.п.*), пробовал (*Сергей – И.п., м.р.*), до слуха (*Сергея – Р.п.*).

Прагматический смысл: не нейтральный. Автор стремится вызвать сочувствие к герою (*не ощущал – сжали – пробовал*).

Образные смыслы: тоже не нейтральные. Автор создает картину покинутости Сергея (*крошечная тьма и тишь – войлок потемок – ни малейший шорох и звук*). Для этого используются и приемы экспрессивного синтаксиса – тире между частями предложения (*Пробовал открыть глаза – войлок потемок не исчез.*).

Итак, речевые функции текстообразующих средств композиционной формы описания в данных смыслах: 1) выражение энциклопедического смысла; 2) выражение контекстуального смысла; 3) выражение ситуативного смысла; 4) выражение прагматического смысла; 5) выражение образных смыслов.

Партитура текстообразующих средств композиционной формы описания в данных смыслах: 1) серия существительных конкретной семантики предмета и лица (*вагон – конвоиры – люди*); 2) серия глаголов активного физического действия (*лягнул – взмахнул – закувыркался*); 3) серия из существительных в И.п., местоимения в И.п., глагола, допускающего именительный падеж, а также местоимения в В.п. и релятива в Р.п. (*Сергей – И.п., он – И.п., пробовал – предполагает И.п., его – В.п., до слуха – Р.п.*); 4) серия глаголов имплицитной оценки (*не ощущал – сжали – пробовал*); 5) серия из прилагательных и существительных эксплицитной оценки (*крошечная – войлок потемок – малейший*).

Факторы речевой системности текста

Фактор центрации речевого смыслового пространства

(одновременность, параллельность, совмещенность смыслов денотатов)

Данный фактор проявляется в том, что множество смыслов текста объединяются смысловым «фокусом» (доминантным смыслом). В композиционной форме описания доминантный смысл – «пленение – конвоиры», то есть сопровождающие увозимых на чужбину.

Фактор формирования смыслового «разреза»

(смысловой вертикали, смысловой модели)

Данный фактор проявляется в том, что при вертикальном развертывании текста (сверху вниз) смысловой «фокус» (доминантный смысл) многократно соотносится с одним и тем же денотатом.

В композиционной форме описания доминантный смысл «пленение – конвоиры» и его конкретизаторы – смыслы «исход – лежал в лесу», то есть был уже не в вагоне поезда, «одинокость как новая несвобода, как небытие – тишь, тьма» связаны с одним и тем же денотатом «Сергей».

Проявлением вертикального развертывания текста в аспекте смыслового пространства выступает смысловая модель «пленение» – «исход» – «небытие».

Компоненты данной модели связаны отношениями «частное – общее», причинности и противопоставления (исход – избавление от плена, но одиночество – не обязательный результат исхода). По отношениям

смыслов модель не монотонна. Но по типу она остается логоцентрической.

Фактор неекторности речевого времени

Данный фактор проявляется в том, что смыслы денотата «Сергей» не отнесены к прошлому, настоящему или будущему.

Неекторность обнаруживается в распределенности смыслов денотата «Сергей» по имплицитным модусам речевого времени – модусам последовательности «сначала» – «затем» – «потом» или модусам перечисления «во-первых» – «во-вторых» – «в-третьих»: «сначала» – пленение, «затем» – исход, «потом» – небытие; «во-первых» – пленение, «во-вторых» – исход, «в-третьих» – небытие.

Фактор тема-рематической модификации синтагм

Данный фактор проявляется в том, что смысловой «разрез» (смысловая вертикаль, смысловая модель) по положению денотата может соотноситься с темой синтагм (слова до предикатной синтаксемы) или с ремой синтагм (слова после предиката, включая и его).

Тема синтагм темпоральна и абстрактна (*долго – лежал*; интонационная и временная пауза – *не ощущал*; интонационная и временная пауза – *сжали*; интонационная и временная пауза – *пробовал*; интонационная и временная пауза – *не исчез*; интонационная и временная пауза – *не доносился*). Рема синтагм локальна и конкретна (*не ощущал – тела*; *сжали – со всех сторон*; *пробовал открыть – глаза*; *не доносился – шорох и звук*).

По положению денотата «Сергей» смысловая модель «пленение» – «исход» – «небытие» соотносится с темой синтагм (*Сергей – лежал*). Поэтому модель отличается абстрактными смыслами «пленение как несвобода – *конвоиры*», то есть стражники ночи, тьмы: или стражники первой стражи с 6 часов вечера до 10 часов вечера (плач Иеремии), или стражники второй стражи с 10 часов вечера до 2 часов ночи (книга Судей), или стражники третьей стражи с 2 часов ночи до 6 часов утра (книга «Исход»); «исход как обретение свободы – *лежал в лесу*», то есть обрел землю родную, обетованную; «небытие как новая несвобода – *тишь, тьма*».

Фактор сходного означивания

Данный фактор проявляется в том, что на основе первых четырех факторов в тексте обнаруживаются речевые серии полноточных слов со сходным означиванием смыслов денотата «Сергей»: «пленение» – энциклопедический смысл, серия *вагон – конвоиры – люди*; «исход» – контекстуальный смысл, серия *лягнул – взмахнул – закувыркался*; «небытие» – прагматический и образный смыслы, серии *не ощущал – сжали – пробовал*; *крошечная – войлок потемок – ни малейший*.

Принципы речевой системности текста

Принцип нейтрализации локальных значений слов темпоральными смыслами

Например, конкретность пространственного значения лица слова «Сергей» нейтрализуется абстрактностью темпорально организованных

смыслов: «сначала» – пленение, «затем» – исход, «потом» – небытие. Аналогом наречий времени «сначала» – «затем» – «потом» в тексте выступает наречие тоже времени «долго» и интонационные и временные паузы между предложениями. В древнерусском и старорусском позицию пауз обычно занимали текстовые темпоративы – сочинительные союзы *и* – *а* – *и* в теме синтагм.

В связи с этим на основе конкретности локальных значений (*Сергей*) и абстрактности темпоральных смыслов (*долго* плюс интонационные и временные паузы как нулевые темпоративы) между сериями полнозначных слов и релятивов выявляются речевые системные отношения функциональной иерархии.

*Принцип нейтрализации разных смыслов
единым содержательным «мотивом»*

Например, под влиянием текста смысловая нетождественность слов «лягнул» (отвращение к вагону), «закувыркался» (самосохранение при прыжке под откос), «лежал» (освобождение от плена) из-за их отнесенности к разным денотатам нейтрализуется на речевом уровне функцией выражения ими смысла «исход» (контекстуальный смысл).

В связи с этим между элементами одной серии полнозначных слов выявляются речевые системные отношения функционально-речевой синонимии.

*Принцип нейтрализации языковых значений полнозначных слов
речевыми релятивными значениями (смыслами)*

Например, серия «*крошечная тьма*» – «*войлок потемок*» – «*ни малейший звук*» с образным смыслом «небытие» появилась благодаря нейтрализации языковых значений слов (прилагательное – признаковость, существительное – предметность) речевым релятивным значением (смыслом) инактивности: денотат лишен жизненных циклов; антоним – активность: денотат не лишен жизненных циклов.

В связи с этим между элементами одной серии полнозначных слов выявляются речевые системные отношения нейтрализации.

*Принцип нейтрализации языкового различительного означивания
(языковых значимостей) сходным речевым (речевыми значимостями)*

Языковые значимости (совокупность различающих признаков) отделяют одно слово от другого. Речевые значимости (совокупность отождествляющих признаков) уподобляют одно слово другому.

Например, языковые значимости слов «лягнул бок вагона» – «взмахнул руками» – «закувыркался под откос» различны: категориальные значения – действие, предметность; грамматические признаки – прош. вр., м. р., сов. вид (*лягнул*); В.п. м.р., ед.ч. (*бок*); Р.п., ед.ч., м.р. (*вагона*); Т.п., мн.ч., ж.р., (*руками*); синтаксические функции – сказуемое, дополнение, обстоятельство.

Языковые значимости слов нейтрализуются в тексте речевой значимостью, то есть значением (смыслом) активности и функцией выражения этими словами смысла «исход» (контекстуальный смысл).

В связи с возможностью слова входить в разные серии (полифункциональность) между сериями полнозначных слов выявляются речевые системные отношения пересечения, объединения, дополнения.

Итак, факторами системообразования в речи как в данных семантики, так и в данных смыслов являются:

а) центрация и семантического, и смыслового речевого пространства; различие тут не в сущности процесса речеобразования, а в явлениях: доминантным значением в тексте выступает семантика лица, негации, оценки, а доминантным смыслом – смысл «пленение»; на уровне значения текст может быть полицентричным, а на уровне смысла – всегда моноцентричным в конкретной интерпретации;

б) формирование как семантического, так и смыслового «разреза»: семантические «разрезы» в тексте антропоцентрический, логоцентрический и аксиоцентрический, а смысловой «разрез» – логоцентрический (отношения общее – частное, каузации и альтернации); на уровне значения текст может быть полимодельным, а на уровне смысла – всегда мономодельным в конкретной интерпретации;

в) не векторность речевого времени и в данных семантики, и в данных смыслов: семантика лица, негации, оценки распределяется в тексте не по трем векторам языкового времени, а по множеству векторов речевого времени, что говорит о его не векторности; смысл «пленение» тоже распределен в тексте не по трем векторам языкового времени, а по множеству векторов речевого времени, что также говорит о его не векторности;

г) тема-рематическая модификация синтагмы как на уровне семантики, так и на уровне смысла: антропоцентрическая, логоцентрическая и аксиоцентрическая семантические модели в тексте приурочены к тематической и рематической зонам синтагм и характеризуются как конкретностью (антропоцентризация), так и абстрактностью (логоцентризация, аксиоцентризация), а логоцентрическая смысловая модель в тексте по положению денотата лица соотносится с темой синтагм и отличается абстрактностью;

д) сходное означивание и на уровне семантики, и на уровне смыслов: в данных семантики выявляются серии релятивов – местоимений со значением замещенного лица, имен релятивной семантики и отрицательных частиц, серия полнозначных слов – прилагательных и существительных оценки, а в данных смыслов – серии полнозначных слов, имен и глагольных форм, прежде всего энциклопедического, контекстуального, прагматического и образного смыслов; серия слов ситуативного смысла важна больше для семантики.

Принципами системообразования в речи как в данных семантики, так и в данных смыслов являются:

а) нейтрализация локальных значений слов темпоральными; различие и тут не в сущности процесса речеобразования, а в явлениях: на уровне семантики нейтрализуются локальные значения релятивов

темпоральными значениями и устанавливаются системные отношения функциональной иерархии между разными сериями релятивов; на уровне смысла нейтрализуются локальные значения полных слов темпоральными смыслами и устанавливаются речевые системные отношения функциональной иерархии между разными сериями полных слов и релятивов;

б) нейтрализация разных смыслов единым содержательным «мотивом»: в первом случае нейтрализуются смыслы релятивов и полных слов и между ними устанавливаются речевые системные отношения функционально-речевой синонимии; во втором случае нейтрализуются смыслы полных слов и устанавливаются системные отношения функционально-речевой синонимии между элементами одной серии полных слов;

в) нейтрализация языковых значений полных слов речевыми релятивными значениями (смыслами): в первом случае устанавливаются речевые системные отношения нейтрализации между элементами одной серии полных слов, индуцирующих релятивы, во втором случае устанавливаются речевые системные отношения нейтрализации между элементами одной серии полных слов, не индуцирующих релятивы;

г) нейтрализация языкового различительного означивания (языковых значимостей) сходным речевым (речевыми значимостями): на уровне семантики речевые системные отношения пересечения, объединения, дополнения устанавливаются между сериями релятивов и полных слов, на уровне смысла – между сериями полных слов.

Речевая системность именно текста «Убиты под Москвой» в данных семантики выявляется через семантико-структурные «разрезы» (модели) – антропоцентрический (*Сергей* – лежал, *он* – не ощущал, *до слуха* – не доносился), логоцентрический с отношениями негации (*не* – ощущал, *не* – исчез, *не* – доносился), аксиоцентрический (*крошечная тьма и тишь* – войлок потемок – ни малейший шорох и звук), а в данных смысла – через смысловой «разрез» (модель) – логоцентрический с отношениями общее – частное, каузации и альтернации («пленение – конвоиры» – «исход – лежал в лесу» – «небытие – тишь, тьма»).

1. Волохина Г.А., Попова З.Д. Синтаксические концепты русского простого предложения / Г.А. Волохина, З.Д. Попова. – Воронеж, 1999. – С. 6.

2. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации / Н.И. Жинкин. – М.: Наука, 1982. – С. 68; 80; 81; 84–85; 88; 89; 96.

3. Лурия А.Р. Основные проблемы нейролингвистики / А.Р. Лурия. – М.: Изд-во МГУ, 1975. – С. 173; 174; 175; 176; 177; 181.

4. Основы теории речевой деятельности / Под ред. А.А. Леонтьева / Основы. – М.: Наука, 1974. С. 139; 142; 144.

5. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: Восток-Запад, 2007. – 314 с.

6. Попова З.Д., Стернин И.А. Общее языкознание / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: Восток-Запад, 2007. – С. 333–334.
7. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2007. – С. 19.
8. Попова З.Д. Синтаксическая система русского языка в свете теории синтаксических концептов / З.Д. Попова. – Воронеж: Истоки, 2009. – 209 с.
9. Припадчев А.А. Теоретические основы исследования речевой системности текста / А.А. Припадчев // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2006. – № 2. – С. 117–121.
10. Припадчев А.А. Системный аспект речи / А.А. Припадчев // Идеи Фердинанда де Соссюра в современной лингвистике. – Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2007. – С. 66–76.
11. Припадчев А.А. Семиотический аспект речи / А.А. Припадчев // Текст – дискурс – картина мира. Вып. 4. – Воронеж: Истоки, 2008. – С. 58–67.
12. Припадчев А.А. Речевая картина мира / А.А. Припадчев // Культура общения и ее формирование. Вып. 20. – Воронеж: Истоки, 2008. – С. 13–24.
13. Припадчев А.А. Модели речи / А.А. Припадчев // Коммуникативные исследования. – Воронеж: Истоки, 2008. – С. 3–15.
14. Соссюр Ф. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр. – М.: Прогресс, 1977. – С. 133.

И.А.Стернин

О понятии эффективного делового общения

Понятие эффективного общения в целом и эффективного *делового* общения – одно из активно разрабатываемых направлений как в теории общения, так и в сфере обучения коммуникативным технологиям и практикам.

Для практики обучения общению имеет большое значение отчетливое представление о том, что такое эффективное общение и каковы его основные слагаемые, на базе чего возможна и организация обучения эффективному общению.

В самом общем виде эффективное речевое воздействие – это такое воздействие, которое позволяет говорящему через общение достичь поставленных им целей. Именно поэтому общение может быть эффективным для одного участника речевой коммуникации и оказаться неэффективным для его партнера.

Однако цели человека в общении могут быть разными. Целесообразно различать:

1. *информационную цель* - донести свою информацию до собеседника и получить подтверждение, что она получена;
2. *предметную цель* - что-либо получить, узнать, изменить в поведении собеседника;
3. *коммуникативную* - сформировать определенные отношения с собеседником (установить, развить, сохранить, поддержать и т.д. отношения с собеседником).

Эффективное речевое воздействие - это такое, которое позволяет говорящему достичь информационной цели (то есть его должны правильно понять), предметной цели (получить или узнать то, что ему необходимо) и коммуникативной цели - сохранить баланс отношений с собеседником, поддержать коммуникативное равновесие).

Если достигнуты только первые две цели, а коммуникативная не достигнута – (например, собеседник обиделся, оскорбился), такое общение оценивается как *результативное*, но не *эффективное* – результат есть, а коммуникативные отношения нарушены.

Коммуникативная неудача - это отрицательный результат общения, такое завершение общения, когда цель, которую мы ставили в разговоре, оказывается не достигнутой.

Коммуникативные неудачи постигают нас, когда мы неправильно строим свое речевое воздействие: выбираем не те способы речевого воздействия, не учитываем, с кем разговариваем, не выдерживаем правил бесконфликтного общения и т.д.

Эффективное общение помогает избежать коммуникативных неудач.

Существует также важное *условие эффективного речевого воздействия* - поставленная говорящим цель должна быть достижима (никакими приемами речевого воздействия, к примеру, мы не сможем добиться от собеседника, чтобы он нам достал луну с неба). В последнем случае неудача не будет коммуникативной.

Выделяют некоторые факторы речевого воздействия, в рамках которых действуют определенные коммуникативные правила, позволяющие в большинстве случаев сделать общение более эффективным. Приведем некоторые, наиболее важные.

1. Фактор соблюдения коммуникативной нормы

Правила:

- Соблюдайте нормы речевого этикета.
- Соблюдайте нормы культуры речи.

2. Фактор контакта с собеседником

Фактор контакта с собеседником связан с механизмом самоподачи: чтобы установить контакт с собеседником и поддерживать этот контакт, надо понравиться собеседнику.

Чтобы установить и поддержать контакт с собеседником, особенно важно соблюдать следующие правила бесконфликтного общения:

- произведите благоприятное внешнее впечатление;
- меньше говорите сами, дайте собеседнику поговорить о себе;
- укрупняйте собеседника;

- снижайте себя в глазах собеседника (принцип коромысла: не обязательно тянуть собеседника вверх, снижайте немного себя в его глазах);

- индивидуализируйте собеседника;
- говорите комплименты;
- отождествляйте свои интересы с интересами собеседника;
- интересуйтесь проблемами собеседника;
- вспоминайте положительный опыт.

3. Фактор содержания

Этот фактор объединяет правила, которые рекомендуют, о чем и в какой ситуации стоит говорить, а о чем не стоит.

Правила:

- говорите на тему, которая интересует или должна заинтересовать собеседника;
- больше сообщайте положительной информации;
- сведите к минимуму негативную информацию;
- не давайте советов, если вас не просят (если дать совет все же необходимо, облачайте его в форму заботы);
- чаще обращайтесь к собеседнику («закон имени»);
- приводите аргументы, не будьте голословны;
- приводите примеры из жизни;
- используйте приемы, повышающие убедительность сообщаемой информации;
- персонифицируйте свои идеи ;
- приводите конкретные подробности, детали

4. Фактор языкового оформления

Эта группа правил связана с выбором тех или иных языковых единиц и форм при выражении мысли.

- разнообразьте используемые слова; используйте синонимы, близкие по значению слова и обороты;
- используйте слова, вызывающие образы;
- используйте доверительные слова;
- используйте разговорную речь, не злоупотребляйте книжными словами;
- разнообразьте интонацию, не говорите монотонно;
- держите одинаковый темп с партнером;
- цифр приводите немного и округляйте их.

5. Фактор манеры

- Демонстрируйте дружелюбие, искренность.
- Демонстрируйте воодушевление.
- Демонстрируйте умеренную эмоциональность.
- Демонстрируйте физическую бодрость, подвижность

6. Фактор объема

- Будьте кратки.
- Говорите меньше собеседника.
- Говорите короткими предложениями.

7. Фактор расположения информации

- Важную информацию давать в начале и конце.
- Важную информацию повторять несколько раз в различных местах своей речи и разными словами

8. Фактор адресата

Фактор адресата предполагает, что необходимо учитывать тип собеседника или аудитории и обращаться к собеседнику или аудитории с учетом особенностей ее восприятия, уровня знаний, интересов. С разными людьми надо разговаривать и убеждать их по-разному.

Все факторы и приемы речевого воздействия направлены на модификацию коммуникативной позиции говорящего.

Коммуникативная позиция - *это степень авторитетности участника общения для собеседников, степень влиятельности его высказываний в конкретной ситуации общения.*

Виды коммуникативной позиции говорящего: *сильная и слабая.*

Сильной коммуникативной позицией обычно обладают начальники по отношению к подчиненным, взрослые по отношению к детям, старшие к младшим, более высокие к более маленьким, говорящие более громко - к говорящим тише, мужчины по отношению к женщинам.

Усиливают коммуникативную позицию говорящего, например, такие приемы речевого воздействия:

- повтор обращения («закон имени»);
- приближение к собеседнику;
- возвышение над собеседником;
- физический контакт с собеседником (например, прикосновение);
- открытые жесты, обращенные к слушателю;
- укрупнение собеседника (когда мы хвалим его, выделяем из других, делаем ему комплименты и т.д.);

- повышение громкости голоса, придающее речи авторитетность и уверенность;
- демонстрация доброжелательности мимикой, жестами;
- привлекательность нашего внешнего вида и мн. др.

Защищая свою коммуникативную позицию, мы не позволяем собеседнику оказывать на нас давление, помогаем себе «устоять» против его аргументации, нажима, можем защититься от навязчивого или просто неприятного собеседника.

Защитить свою позицию можно:

- увеличивая дистанцию между нами и собеседником,
- разместившись за препятствием (столом, букетом цветов и т.д.);
- отклоняясь назад при разговоре,
- принимая закрытые позы.

Ослабить коммуникативную позицию собеседника можно такими приемами:

- посадить его в низкое кресло,
- встать и расхаживать перед ним в процессе разговора,
- посадить собеседника так, чтобы у него за спиной было движение;
- посадить собеседника так, чтобы ему падал свет в лицо и др.

Таким образом, речевое воздействие может быть направлено на усиление коммуникативной позиции собеседника, на защиту говорящим собственной коммуникативной позиции и на ослабление коммуникативной позиции собеседника.

Деловое общение - это общение между собеседниками для достижения деловой, то есть предметной цели. В этом смысле *деловому* общению противостоит *светское* и *развлекательное* общение, которые не ставят предметных целей, а предполагают лишь коммуникативные цели - установление, поддержание, развитие, сохранение контакта, возобновление контакта.

К деловому общению относится производственное общение коллег в коллективе, общение на совещаниях и в процессе переговоров, в официальных местах (учреждение, магазин, справочное бюро, железнодорожная касса и т.д.) - словом, любое общение, в процессе которого вы хотите чего-то добиться от собеседника - получить от него что-либо, изменить его поведение, узнать необходимую говорящему информацию.

Деловое общение выступает в устной и письменной форме (в последнем случае говорят о деловой переписке, деловом письме) и может носить как официальный, так и неофициальный характер.

Виды делового общения: *запрос информации, деловое предложение, просьба, претензия, замечание, приказание, рекламирование* и др.

Сферы делового общения: *производство, быт, общественные отношения, политика, межличностные отношения.*

В узком смысле под деловым общением часто понимают чисто производственное общение - речевое общение между собеседниками, которые имеют необходимые полномочия от своих организаций и фирм для установления деловых отношений, разрешения деловых проблем или выработки конструктивного подхода к их решению.

Деловое общение реализуется в различных формах:

- деловой диалог (обычно краткий, в бытовых ситуациях)
- деловая беседа;
- деловые переговоры;
- деловые совещания;
- публичные выступления.

Основная форма делового общения – деловая беседа.

Под *деловой беседой* понимают речевое общение между собеседниками, которые имеют необходимые полномочия от своих организаций и фирм для установления деловых отношений, разрешения деловых проблем или выработки конструктивного подхода к их решению. В широком смысле слова под деловой беседой понимают любую беседу представителей каких-либо организаций или частных лиц, имеющую целью достижение какой-либо деловой (предметной) цели.

Умение вести деловое общение – важнейшее условие эффективной деятельности предпринимателя, руководителя и вообще любого профессионала, поскольку большинство результатов деятельности отдельного человека в современном обществе невозможно без участия в его деятельности других людей, с которыми необходимо взаимодействовать. Можно сформулировать основные, универсальные требования к деловому общению, соблюдение которых позволит достаточно эффективно воздействовать на партнера в любой ситуации, сделает речевое воздействие на партнера эффективным.

Основные из этих требований таковы:

*приветливость,
толерантность,
контактность,
этикетность внешнего вида и поведения,
культура речи и речевой этикет,
краткость,
умение слушать,
неутомляемость,
коммуникативная грамотность.*

Приветливость необходима для того, чтобы располагать к себе собеседников. Неприветливые люди не вызывают стремления иметь с ними дело. Для деловых отношений приветливость чрезвычайно нужна. У

китайцев есть поговорка: «кто не умеет улыбаться, тот не сможет открыть лавку».

Толерантность - это терпимость ко всем людям и умение общаться без конфликтов, умение прощать людям их несовершенства и решать проблемы со всеми категориями людей.

Контактность делового человека проявляется в его устремленности к контактам с людьми, в общительности, открытости, стремлении развивать отношения с большим числом людей, расширять свои человеческие отношения и связи.

Этикетность внешнего вида и поведения нужны для того, чтобы тебя хорошо встречали «по одежке». Людей, этикетно одетых и ведущих себя «культурно», высоко оценивают окружающие, с ними хотят иметь дело, общаться, иметь деловые связи, им охотнее идут навстречу. При прочих равных условиях любой человек предпочтет заговорить и установить деловые отношения с хорошо одетым и культурным человеком, нежели с бомжем или грубияном.

Культура речи так же необходима деловому человеку, как и культура внешнего вида и поведения. Культурная речь делового человека свидетельствует о том, что этот человек получил образование, что он следит за своей речью, умеет хорошо выражать свою мысль. Хорошая, культурная, грамотная речь, что очень важно, создает также впечатление профессиональной компетентности человека. И наоборот, если человек говорит с ошибками, некультурно, вульгарно, мы считаем, что его профессиональные качества не могут быть высокими, ему не следует доверять в делах.

Краткость в речи - очень важное качество делового человека, которому надо учиться. Особенно ценится краткость в России, у нас есть поговорка, прославляющая это качество речи - «коротко и ясно». Мы так и воспринимаем краткую речь - раз коротко, значит ясно, а раз ясно, то и убедительно. Кто говорит кратко, тот говорит правильно – так мы очень часто воспринимаем краткую речь. Конечно, это далеко не всегда так, но именно таким образом наше сознание воспринимает краткую речь: «краткость - сестра таланта».

Умение слушать - еще одно важнейшее качество для делового общения. Мы обычно не умеем внимательно слушать, и большое количество важной для нас информации упускаем. Мы стараемся скорее сказать то, что нам нужно сообщить, то, что мы решили довести до сведения собеседника, и при этом зачастую почти не слышим собеседника. Мы часто переспрашиваем, не умеем улавливать и выделять главную мысль у собеседника, учителя, лектора, политического деятеля, а поэтому часто и не понимаем в полной мере друг друга и принимаем неправильные решения. Умению слушать необходимо учиться - это умение значительно повышает эффективность нашего делового общения.

Неутомляемость делового человека. Нужно уметь в общении демонстрировать свободу, легкость и бодрость, независимо от своего

физического или психического состояния. Вы можете на самом деле быть усталым, огорченным, но не должны показывать себя таковым в общении, в деловом общении это не должно быть заметно. Активность, подвижность, хорошее настроение, физическая бодрость привлекают к деловому человеку массу людей, мы все любим активных и бодрых людей, положительно оцениваем их в общении. Как говорил Д.Карнеги, вокруг энергичного человека люди скапливаются как дикие гуси на поле озимой пшеницы. Усталому, грустному, скучному человеку всегда труднее произвести положительное впечатление на партнера, труднее решить свои деловые вопросы с другими людьми.

Коммуникативная грамотность - это знание законов, правил и приемов общения. Знание этих законов, правил и приемов делает наше общение намного эффективней, улучшает наши деловые результаты, облегчает жизнь, позволяет добиться успехов в работе, личных отношениях, продвинуться по служебной лестнице, приобрести друзей. Успешное деловое общение без коммуникативной грамотности невозможно, и первым в новое время понял это Д.Карнеги, открывший свою первую школу общения для деловых людей еще в 1912 г.

Таковы универсальные требования к эффективному деловому общению.

Необходимо также выделить некоторые условия эффективного общения:

Решаемость проблемы

Стремление собеседников к решению проблемы в обоюдных интересах.

В отсутствие данных условий вопрос об эффективности конкретного акта делового общения обсуждаться не может.

С.А. Лысенко

Функциональные стили литературного языка и разговорная речь. Вопросы взаимодействия и классификации

Вопрос о функционировании разговорной речи и ее месте по отношению к устной форме языка, а также к функциональным стилям литературного языка неоднократно поднимался в исследованиях российский лингвистов 20-21 вв. Исследователи, которые вплотную занимались вопросом функционирования русской разговорной речи: О.Б. Сиротинина, О.А. Лаптева, Е.А. Земская, В.Г. Костомаров и др. В своих исследованиях они отмечали большую системность разговорной речи по сравнению, как с устной речью, так и с функциональными стилями. «Объединяя для анализа факты различных видов устной речи, исследователь изучает не единую языковую систему, а обнаружение черт устности в различных языковых системах» (Е.А. Земская 1973. с.7).

Разговорная речь в различных исследованиях противопоставляется кодифицированному литературному языку (КЛЯ), причем не отдельным стилям, а всему КЛЯ в целом, занимая обособленное положение по отношению к функциональным стилям КЛЯ.

Для проведения более детального исследования по данному вопросу необходимо рассмотреть природу функциональных стилей. Проблемы изучения функциональных стилей русского языка были сформулированы следующими исследователями: Б. Н. Головин, М. Н. Кожина, О. А. Лаптева, О. Б. Сиротинина, О. Н. Шмелёв и др. Впервые вопрос о необходимости изучения функционального многообразия речи был поставлен М. М. Бахтиным, В. В. Виноградовым, Г. О. Винокуром в 20-30-е годы XX в. Их целью было разработать целостную концепцию употребления языка в речевой ситуации. Ту же цель преследовали и все последующие исследователи.

«Стили языка – это типы его функционирования, его структурно-функциональные варианты, соотнесенные с типами социальной деятельности и отличающиеся друг от друга совокупностями различий в степени активности средств языка, достаточными для их интуитивного опознавания в процессе общения» (Головин 1988).

О.М. Орлов описывает функциональный стиль как «совокупность языковых средств, свойственных той или иной сфере жизни, ... в разных условиях общения ... используются разные языковые средства» (Орлов, 2001)

При этом большинство исследователей отмечают, что функциональные стили не имеют четких границ. В каждом из них выявляется ядро с наиболее ярко выраженной спецификой и периферия, в которой специфика стиля ослаблена и наблюдаются частые пересечения с характеристиками иных функциональных стилей.

В.В. Виноградов определял функциональный стиль как «структурный облик функции языка» (Виноградов 1981) То есть, так как язык является социальным явлением и обслуживает различные сферы человеческой деятельности, то в различных сферах будет функционировать по-разному. Функционирование языка зависит от:

1. формы общения (устная/письменная),
 2. условий общения (официальное/неофициальное/контактное),
 3. типа работы сознания (обобщающее – познавательное, познавательно-оценивающее, информационно-эмоциональное и т.д.).
- (Виноградов 1981)

«Членение языкового континуума поэтому неоднозначно, но наиболее принято включение в систему функциональных стилей современного русского литературного языка 5-ти функциональных стилей: делового, научного, публицистического, художественного, разговорного» (Кожина 1993).

Академик В. В. Виноградов наряду со сферой общения в качестве определяющего функциональный стиль фактора выделял функции

коммуникации: общение, сообщение, и воздействие. Функциональные стили выделяются и конституируются именно на этой экстралингвистической базе.

Безусловно, все данные функции находятся в постоянном взаимодействии, но какая-то из них будет доминировать в каждом из функциональных стилей. Так, функция общения доминирует в разговорном, функция воздействия – в публицистическом стиле, в научном стиле ведущую роль играет функция сообщения, но при этом важна и сама фиксация знания (Виноградов 1981)

В. В. Виноградова и М. Н. Кожина указывают на двойственную системность языка, определяющую своеобразие функционального стиля. Первая отражает структуру языка, вторая – речевую ситуацию. В зависимости от того, какой из факторов этой системности брался за основу в качестве типологического делителя литературного языка, исследователями выделялось соответствующее количество функциональных стилей и принцип их организации.

Те лингвисты, которые считают функции языка главным стилеобразующим фактором (Гвоздев 1965, и др.), соответственно количеству основных функций выделяют 1) научно-деловой, 2) художественно-публицистический и 3) разговорный стили. Те, кто отдает предпочтение сфере функционирования языка, выделяют количество стилей соответственно количеству выделяемых сфер общения. Так, В. А. Аврорин выделяет 12 таких сфер и, соответственно, стилей (Аврорин 1975). Исследователи, исходящие из первенства в ряду стилеобразующих факторов типа работы сознания (Б. Н. Головин, М. Н. Кожина), выделяют научный, деловой, публицистический, художественный и разговорный стили. М. Н. Кожиной была предпринята попытка связать обе системности (языковую и ситуативную) посредством выявления влияния типа сознания на языковую избирательность, проявляющуюся, в том числе в выделении основной черты, стилевой доминанты (Кожина 1993).

Саратовская лингвистическая школа под руководством О.Б. Сиротининой решает проблему стилевой дифференциации комплексно. Представление о функциональной разновидности языка опирается на системность экстралингвистических факторов. О.Б.Сиротинина убедительно доказывает в своих научных работах, что именно совокупное действие всех этих факторов формирует стилевую доминанту, вокруг которой и на основе которой происходит системная организация всех параметров стиля, его специфических и наиболее вероятных свойств (Сиротинина, 1998).

Помимо традиционных пяти стилей, иногда выделяют научно-популярный, обиходно-деловой, разговорные стили, законодательный и административно-хозяйственный, технический и патентный деловые стили. Отпочкование стилей связано, в основном, с выделением новых сфер использования языка.

Рассматривая разговорную речь в своих исследованиях, лингвисты также не приходят к единому мнению по вопросу функционирования разговорной речи в пределах литературного языка. Исследователи, относящие разговорную речь к функциональным стилям (или набору стилей) (М. Н. Кожина, В.Г. Костомаров, Б. Н. Головин, Е. Н. Ширяев и др.), стремятся сохранить целостность разработанной ими языковой системы, которая опирается, прежде всего, на функцию и речевую ситуацию. Исследователи, которые видят в разговорной речи нечто большее, чем просто функциональный стиль (О.Б. Сиротинина, О.А. Лаптева, Е.А. Земская и др.) определяют ее как самодостаточную систему, в отличие от функциональных стилей.

Рассмотрим вкратце доводы, на основе которых в большинстве случаев происходит сопоставление разговорной речи с функциональными стилями кодифицированного литературного языка. Подробный анализ данных критериев приводится в статье Лаптевой О.А. «Устно-разговорная разновидность современного литературного языка и другие его компоненты»:

1) Однозначность выделения функции в коммуникации - у функциональных стилей функция будет более четко выражена, у разговорной речи намечается трудность в выделении единой функции в коммуникации, так как она будет широка и многогранна.

2) Тематический цикл – каждый функциональный стиль имеет определенный тематический цикл, который наиболее часто употребляется в данном стиле. Разговорная речь обладает большим количеством тематических циклов.

3) Самодостаточность системы – разговорная речь будет являться самодостаточной системой в отличие от функциональных стилей.

4) Нормативность – высокая степень строгости нормы в функциональных стилях и специфичность норм разговорной речи. И, тем не менее, наличие и обличительность нормы разговорной речи сближает ее со стилем.

5) Специфичность разговорной речи по отношению к функциональным стилям в плане наличия и использования невербальных средств.

Разговорная речь появляется в коммуникации, если удовлетворяются 3 основных условия: 1) неподготовленность речевого акта; 2) непринужденность речевого акта; 3) непосредственное участие говорящих в речевом акте (последний критерий в свою очередь не будет релевантным в случае использования разговорной речи на письме). При этом основным компонентом, формирующим разговорность речи является, по словам Земской Е.А., непринужденность речевого акта (Земская 1981). Разговорная речь представляет собой особую систему, имеющую специфический набор единиц и специфические законы функционирования в противопоставлении КЛЯ, поэтому многие исследователи русской разговорной речи выделяют ее как особую языковую систему, «которая, в принципе, является «разговорным языком»

(Лаптева 1976). Поэтому О.А. Лаптева вводит понятие «устно-разговорная разновидность литературного языка» (Лаптева 1976).

В данном исследовании мы поддерживаем мнение Е.А. Земской и О.А. Лаптевой по поводу обособленного положения разговорной речи по отношению к функциональным стилям письменной речи. Тем не менее, мы определяем ее как составную часть в пределах устной речи как системы. Разговорная речь, по мнению Е.А. Земской и О.А. Лаптевой выходит за рамки функционального стиля, являясь *более сложным и системным образованием*, и ее скорее стоит считать определенным набором функциональных «подстилей» (Кожина 1993), которые, в свою очередь, составляют оппозицию книжным стилям. По мнению М.Н. Кожиной, термин «подстиль» является общепринятым, однако степень его распространенности и отсутствие значимых противоречий в толковании дают основание принять его в качестве системной терминологической единицы. Количество подстилей, то есть степень внутренней неоднородности стиля, различно для различных функциональных стилей. Степень внутренней неоднородности стиля определяет количество подстилей как разновидностей основного варианта – стиля.

Разговорная речь является частью литературного языка, а, следовательно, проявлением одного из функциональных стилей – разговорного. Поэтому мы рассматриваем разговорную речь как стиль (далее «*разговорный стиль*»), хотя и более сложный и специфический, объединяющий в себе устные разговорные подстили. В свою очередь в письменной речи также обнаруживается разговорный стиль, который представлен в виде графически зафиксированного текста, с полным отсутствием невербальных средств, который теоретически также можно определить как функциональный стиль литературного языка. В таком случае намечается терминологическое столкновение, так как возникает противопоставление устно-разговорного стиля его письменному варианту. Поэтому предлагаем выделять 5 функциональных стилей литературного языка, которые, в свою очередь, по-разному будут реализовываться в устной и письменной речи. А так как в каждом стиле выделяется ядро и периферия, которая также будет обнаруживать в себе черты других функциональных стилей, предлагаем считать разговорную речь единым стилем, устная форма которого будет являться ядром, а письменная будет находиться на периферии. В таблице 1 приводятся стили, реализующиеся в устной и письменной речи.

Таблица 1.

Литературный язык	
Стили устной речи	Стили письменной речи
Разговорный стиль	Разговорный стиль
Официально-деловой	Официально-деловой
Публицистический	Публицистический
Научный	Научный

Художественный	Художественный
----------------	----------------

Графически место разговорного стиля в системе форм существования языка можно представить следующим образом:



Рис. 1.

Признавая разговорную речь функциональным стилем, ядро которого располагается в устной речи, мы сохраняем целостность форм существования языка.

Виноградов В.В. Проблемы культуры речи и некоторые задачи русского языкознания // Проблемы русской стилистики. – М., 1981.

Головин Б. Н. Основы культуры речи. 2-е изд., М., 1988.

Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. – М., 1981.

Кожина М.Н. Стилистика русского языка: Учебник для студентов пед. ин-тов по спец. 2101. – М., 1993.

Лаптева О.А. Русский разговорный синтаксис. – М., 1976.

Орлов О.М. Устные профессионально значимые жанры речи экономиста (Теоретические основы экономической риторики) – Саратов, 2001.

Сиротинина О.Б. Гольдин В.Е. Русский язык и культура общения для нефилологов: Учеб. пособие. – Саратов, 1998.

Национальная картина мира и ее языковая репрезентация

О. А Белоусова

Лексико – фразеологическое поле « работа» в русском языке

Базовое понятие когнитивной лингвистики «концепт» - глобальная смысловая единица, актуализирующая в процессе мыслительной деятельности индивида отдельные признаки и слои. Признано, что концепт выражается совокупностью разнообразных языковых средств, каждое из которых раскрывает его часть.

Минимальные содержательные компоненты, выделяемые на когнитивном уровне в рамках определенного концепта, осмысляются как концептуальные признаки: *определяющие*, без которых обозначенный словом объект не может быть отнесен к той или иной категории, и *характерные* признаки, отображающие специфические качества объекта, имеющие значение для носителей языка и культуры.

Данная статья есть опыт описания лексико- фразеологического поля концепта «работа» в русском языке, попытка определить его ядро и периферию, выявить его содержание на материале лексем, фразеологических единиц (ФЕ) и паремий, объективирующих данный концепт. Вычленение компонентов концепта осуществлялось с помощью одноязычных толковых словарей, частотного словаря Шарова, фразеологических словарей, словарей русских пословиц и поговорок. Активность изучения ФЕ и паремий сегодня не случайна: в них хранится отражение глубинных архетипов человеческого сознания, которые могут проявляться в современных стереотипах массового сознания, в рекламе, кино и т. п.

Анализ словарей показал, что в семантическом поле «работа» выделяется ядро и периферия. Ядерной семемой является «требующая усилий деятельность человека, направленная на достижение результата».

Ядерными являются следующие лексемы:

сущ.: труд, работа, дело, деятельность, занятие (общее наименование видов труда), рабочий, работник (общее наименование лиц, осуществляющих работу)

глагол.: делать, работать, трудиться, заниматься (наименование процесса труда)

прил.: рабочий, трудовой, деловой

В периферийную зону вошли семы с более конкретным значением из слов, имеющих имплицитно выраженные идеи труда и дериватов ядерных лексем:

Сущ.: бизнес, работка, работенка, дельце, халтура

Мастер, деятель, предприниматель, делец, трудяга

Глагол.: вкалывать, надрываться, управляться, халтурить, исполнять

Прил.: усердный, трудолюбивый, работающий, деятельный, предприимчивый

Концептуальный анализ ФЕ и паремий существенно расширяет содержание и объем концепта по сравнению с лексикографической интерпретацией: именно ФЕ и паремии заключают в себе совокупность мнений, выражаемых народом как лингвокультурной общностью. Анализ показал, что представления русского народа о работе и труде можно свести к 5 основным группам, включающим в себя следующие концептуальные признаки:

1. Характеристика труда как процесса:

« труд требует усилий и напряжения»

ФЕ

Мозолить руки; белого света не видеть; умываться потом; гнуть спину;
тянуть лямку; выбиваться из сил

ПАРЕМИИ

Чтобы рыбку съесть, надо в воду влезть,
Невелик кусок пирога, а стоит много труда.
Скоро сказка сказывается, да нескоро дело делается.
Москва не сразу строилась.
Не срубить дубка, не надсадя пупка,
Не разгрызешь ореха, не съешь ядра.
«труд изнуряет»
От работы кони дохнут.

2. Место труда в жизни человека:

«труд – это жизнь»

ФЕ

Жить своим трудом, работать с утра до ночи, работать от зари до зари,
зарабатывать хлеб насущный своим трудом, с головой уйти в работу

ПАРЕМИИ

Человек рожден для труда.
За работой дня не видно.
Без труда день годом кажется.
Благо людей в жизни, а жизнь в труде.
Бог труд любит.

«Труд необходим»

Без труда не проживешь.
Без труда не вытащишь и рыбку из пруда.
Не Боги горшки обжигают.
Без труда и станок ржавеет.
Под лежащий камень вода не течет.

«Сначала работа, потом отдых»

Делу время, потехе час.
Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня.
Куй железо, пока горячо.
На забаву час у труда никогда не отнимай.
Ранний час на работу.
Рано вставать – некогда пировать.
Кто рано встает, тому Бог подает,

«Лень мешает работе»

Работать лень – мигрень.
Работа не волк, в лес не убежит.
Дела не голуби – не разлетятся.

Дело не малина – в лето не опадет.

«Работа требует ответственного отношения»

Дело холодка не любит.

Дело мастера боится.

3. Типы поведения людей в зависимости от их отношения к работе:

«Труженики активны»

ФЕ

Мастер на все руки; мастер – золотые руки; и швец, и жнец, и в дуду игрец; горит в руках; работать в поте лица/ не покладая рук/ до седьмого пота/ не жалея сил/ засучив рукава/ денно и ночью; крутиться как белка в колесе; не лаптем щи хлебать

ПАРЕМИИ

Кто везет, того и погоняют,

Кто в кони пошел, тот и воду везет.

Заботливый себе всегда дело найдет.

Глаза боятся, а руки делают.

«Бездельники пассивны»

ФЕ

Из-под палки; с рывка да с тычка; с грехом пополам; бить баклуши; играть в бирюльки; лодыря гонять; лежать на боку; палец о палец не ударить; пальцем не пошевелить; плевать в потолок; считать ворон; разводить бадягу; тянуть канитель; чесать затылок; толочь воду в ступе; сидеть, сложа руки.

ПАРЕМИИ

Складно бает да дела не знает.

Белоручки чужие труды любят.

Замерзла тетка, на печи лежа.

Здоров в еде, да хил в труде.

Без дела сидит, в пустой угол глядит.

Бегают от работы, как собака от мух.

«Не все одинаково активны в работе»

Одни жнут, другие ждут.

Один с сошкой, семеро с ложкой.

За дело не мы, за работу не мы, а попеть, поплясать против нас не сыскать.

От меня работа не заплачет.

4. Результат труда (польза работы) в жизни человека:

«Работа приносит плоды»

ФЕ

Горы своротить, блоху подковать, сдвинуть с мертвой точки, сделать шаг вперед

ПАРЕМИИ

Где работно, там и густо, а в ленивом доме пусто.

Работа черна, да денежка бела.

Горька работа, да хлеб сладок.

«Ценны плоды своего труда»

Что с трудом дается, то и бережется.

«Труд кормит»

Труд человека кормит, а лень портит.

Дело в руках – хлеб в устах.

На полатах лежать – ломтя не видать.

«Какова работа, такова и награда»

Что посеешь, то и пожнешь.

Что попрядешь, то и потрясешь.

Работай до поту, так и поешь в охоту.

По работе и награда.

По труду и честь.

По работе и плата.

5. Результат безделья, нерадения, халатного отношения к работе:

«Нерадение и лень не приносят плода»

ФЕ

Топтаться на одном месте; не сдвинуться с мертвой точки; топорная работа;

ПАРЕМИИ

А воз и ныне там.

На полатах лежать, ломтя не видать.

Кто не работает, тот не ест.

Труд без пользы – то же безделье.

Пришло махом – пошло прахом.

Просто добыто – просто и прожито.

«Не всегда вложенные усилия приносят плоды»

ФЕ

Нагородить огород; наломать дров; наделать делов; Сизифов труд; Шемякин труд; мартышкин труд

ПАРЕМИИ

За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь.

Поспешишь – людей насмешишь.

И с топора не богатеют, а горбеют.

Трудом праведным не наживешь палат каменных.

Анализ наиболее часто употребляемых в современной устной и письменной речи в русском языке ФЕ и паремий позволяет утверждать, что они раскрывают существенные черты национального характера (трудолюбие идет рука об руку с ленью), позволяет расширить объем концепта, выявить дополнительные концептуальные признаки.

О.Е.Виноградова

Значение глагола «говорить» в современных текстах

Значение слова представляет собой определенное отражение действительности, закрепленное языковым знаком. Лексикографическое значение слова – один из возможных вариантов описания значения слова, не единственный и не исчерпывающий всего содержания значения, в чем легко убедиться, сравнив дефиниции одного слова в разных словарях.

В значении отражается широкий круг признаков, проявляющихся у предмета в разных ситуациях, в разные периоды его функционирования, признаков более и менее существенных. Определение значения должно отразить это разнообразие признаков, так как все они в широком смысле отражают практику, действительность (Стернин 1985, с.11-13).

С другой стороны, значение слова также зависит от многообразия отношений и живых взаимодействий слова с другими лексическими звеньями языковой системы, и поэтому бывает очень трудно разграничить и передать все значения слова даже в данный период развития языка. Многие признаки реально функционирующего значения в лексикографическом значении не отражены, и наоборот – некоторые признаки, вошедшие в лексикографическое описание, могут быть периферийными.

Исходя из этого, целью нашего исследования было сопоставить лексикографическое значение глагола «говорить», зафиксированное в различных словарях и значение этого глагола, реально присутствующее в современных текстах.

Так, для исследования нами были взяты следующие тексты: произведения художественной литературы (объемом 1 млн. словоформ), публицистика (1 млн. словоформ), а также учебно-научная литература (1 млн. словоформ).

В ходе работы, нами были выявлены три условные группы значений данного слова: первая группа - значения, совпадающие с лексикографическими значениями, вторая группа – значения, которые не были зафиксированы в словарях, третья группа – значения, зафиксированные в словарях, но не обнаруженные в данном объеме исследуемых текстов.

Следующие значения глагола «говорить» совпали со значениями, зафиксированными в различных словарях:

1. разговаривать, вести беседу

«Родители не просто не знают, как *говорить* с детьми на трудные экзистенциальные темы, — они порой не имеют ни сил, ни желания *говорить* с ними о чем-либо вообще.» [Т. А. Гаврилова. Страх смерти в подростковом и юношеском возрасте (2004) // «Вопросы психологии», 2004.12.14]

«И тогда мы, чтобы не нервничать, стали говорить о другом.» Елена Голованова. День победы Виктории (2002) // «Домовой», 2002.08.04

2. пользоваться, владеть устной речью

«*Говорит* Мэси начал примерно с двух лет. [А. П. Дубров, О. Л. Силаева, В. Д. Ильичев]. Кот, говорящий по-азербайджански // «Первое сентября», № 13, 2003]

«Вы знаете, что несколько лет назад была обнаружена одна английская семья, внутри которой у многих родственников был обнаружен некоторый дефект, касающийся языка, возможностей *говорить* и некоторых физических особенностей артикуляции.» [Вяч. Вс. Иванов. Задачи и перспективы наук о человеке (2007)]

3. владеть каким-либо языком

«Сандро хорошо *говорит* по-грузински, по-русски знает традиции разных народов. [Светлана Ткачева. Тамара Гвердцители: «Не умею учиться на чужих ошибках» (2003) // «100% здоровья», 2003.01.15]

4. произносить что-либо

«А голос, которым Он, в смысле я... *говорит*, — это же вообще кошмар, этого же не может быть.» [Евгений Гришковец. Одновремени (2004)]

«Однажды забрёл с утра, глазёнки сверкают что лампочки на новогодней ёлке, улыбка, в левом углу рта затаённая, так и рвётся наружу, *говорит* громко, словно обмолотить всех норовит.» [Виктор Астафьев. Затеси (1999) // «Новый Мир», № 2, 2000]

5. свидетельствовать о чем-либо, указывать на что-либо, сообщать что-н. своим внешним видом, выражать какую-н. мысль без помощи слов

«Об этом *говорит* и то, что книга практически полностью была готова к изданию. [В. П. Зинченко. Загадка творческого понимания (2004) // «Вопросы психологии», 2004. 02.10]

6. сказываться, проявляться в действиях, поступках словах и т.д., быть причиной характера чьей-то речи

«А. К.: Это в Вас *говорит* историк.» [Александр Казинцев. «Псков предлагал другой путь...» (2004) // «Наш современник», 2004.10.15]

7. выражать что-либо, быть содержательным (о словах)

«— Глеб Олегович, давайте на секунду вообразим, что ваше имя никому ни о чём не *говорит*.» [Александр Рыклин. Пусть игра стоит свеч (2003) // «Еженедельный журнал», 2003.04.08]

«Имя *говорит* за себя: по оформлению сайт Государственной автоинспекции строг и официален, словно поставой.» [Михаил Гзовский. Дружи с ГАИ и береги... «Мак-Ларен» (2004) // «За рулем», 2004.02.15]

8. подсказывать, предсказывать (о предчувствии, интуиции и т.п.)

«Это уже Франция — *говорит* ум, но сердце пока настороженно молчит.» [Виктор Грицюк. Магия пасторали (2004) // «Вокруг света», 2004.07.15]

9. обсуждать что-либо, толковать, высказывать мнение о ком-либо, чем-либо

«Зачастую о громких уголовных делах начинают *говорить* задолго до начала процесса.» Лед тронулся (2003) // «Газета», 2003.07.02

«Спустя какое-то время начинают *говорить*, что новым владельцам хозяйство досталось за копейки.» [Приватизация интеллектуальной собственности (2004) // «Мясная индустрия», 2004.10.25]

10. приказывать

«ПА *говорит*, чтобы я к ней с этим не приста́вала..» [Людмила Улицкая. Путешествие в седьмую сторону света // Новый Мир, № 8-9, 2000]

11. обладать даром красноречия

«Не *говорит*, а пишет, не забыв напомнить в конце, что «ключ от Мишиного комода в шерстяном платье». [Руслан Киреев. Чехов. Посещение Бога // «Нева», 2004]

12. существует мнение

«В последние дни *говорят*, что Абрамович готов распродать свою долю и в "Русале". [Владимир Попов. Страсти по «черному золоту». России прочат лидерство в мировой нефтяном экспорте. Но ценой утраты перспектив развития отечественной экономики (2003) // «Завтра», 2003.08.13]

«*Говорят*, именно в то время один из самых опытных российских спортивных чиновников — почётный президент Олимпийского комитета России и вице-президент Международного олимпийского комитета Виталий Смирнов якобы посоветовал своему преемнику "подчистить архивы".» [Андрей Митьков. «Мы все знали и без этой записки». Год назад спортивные чиновники знали, что у наших спортсменов будут искать допинг (2003) // «Известия», 2003.02.07]

Исследуя употребление глагола «говорить» в значениях «выражать словесно устно какие-либо мысли, мнения, сообщать факты и т.п., произносить что-либо» и «выражать, повествовать, сообщать печатно или письменно», мы пришли к выводу, что эти значения можно объединить, так как глагол «говорить» выступает в текстах в значении «выражать мысли, мнения, сообщать факты, рассказывать, повествовать» как устно, так и письменно. При этом мы выделили значение «произносить что-либо» как отдельное, так как оно четко указывает на устную речь.

13. выражать словесно устно или письменно какие-либо мысли, мнения

«Вот что о происхождении мысли *говорит* М.М. Бахтин: «В себе значимое содержание возможного переживания — мысль не падает в мою голову случайно, как метеор из другого мира, оставаясь там замкнутым и

непроницаемым.» [В. П. Зинченко. Таинство творческого озарения (2004) // «Вопросы психологии», 2004.10.12]

«В. Гейзенберг [48, 49], один из основателей квантовой теории, *говорил*: «Сложнее всего говорить на обычном языке о квантовой теории, непонятно, какие слова надо употреблять вместо математических символов.» [Владимир Горбачев. Концепции современного естествознания (2003)]

14. сообщать факты, информировать.

Был слўчай, когда адвокат ужё во время прёний стал *говорить* присяжным, что показáния добывáлись с применением насíлия. Лед тронулся (2003) // «Газета», 2003.07.02

«Тóлько моему́ отцу́ пока́ ничегó говорить не нáдо»[И. Э. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995-1999)]

15. рассказывать, повествовать

«Шахтёры здесь не бастуют ужё давнó, но, ёсли попросить шахтёра рассказáть о сидёнии на Горбáтом мосту́ у Бёлого дóма или о рёльсовой войнё, он мечтательно улыбнётся и начнёт говорить о результатах той слáвной борьбы — о наступившем наконёц продуктóвом избы́тии в óбласть, об автомобилях, котóрых пóсле забастóвок не имёл тóлько лени́вый, о пёрвом россíйском президёнте, котóрый своёй карьерой обязан íменно им, шахтёрам Кузбасса.» Константин Анохин. Город-уголь // «Коммерсантъ-Власть», № 15, 2002

«Фильм без недомóлвок *говорит* о тех, кто добровóльно становíлся посóбником гíтлеровцев, и рúшит стереотíп, что таких "добровóльцев" бýло немно́го.» [Юлия Кантор. Вернувшиеся из бездны. ОРТ показало фильм к 60-летию трагедии Бабьего Яра (2001) // «Известия», 2001.10.05]

В исследуемых текстах мы выявили новые значения глагола «говорить», которые не были отражены в словарях:

16. анализировать, исследовать

Если же *говорить* о взаимодействии психологии с другими дисциплинами, то наблюдается следующая тенденция: примерно с 1990-х гг. начался интенсивный процесс интеграции таких, казалось бы, разных дисциплин, как нейропсихология, психофизиология, дифференциальная психология, когнитология с эмбриологией, молекулярной биохимией и нейрогенетикой. [Г. Г. Аракелов. Нейронауки - основа развития психологии (2004) // «Вопросы психологии», 2004.10.12]

Ёсли *говорить* об осóбенностях толстóвского слóва, проявившихся в ётом отрýвке, то придётся отмётить его пóлную конвенциональность: отношёние мёжду выражёнiем и содержáнием услóвно. [Ю. М. Лотман. Символ в системе культуры (1982-1992)]

17. размышлять, рассуждать

«— Да, снимáясь, я чýвствую себя счастлiвой. Но ёсли говорить о счастьё вообще... Ёто же секúнды...» Елена Голованова. День победы Виктории (2002)// «Домовой», 2002.08.04

18. делать вывод

«Комментіруя сложівшуюся ситуацію, пресс-секретарь РТС Зоя Коновкова сказала "Времени МН", что "число сделок по акциям" Сибнефти "сегодня было небольшим, поэтому нельзя *говорить* об активных операциях с этими бумагами.» Алексей Полухин. Терминатор на фондовом рынке (2003) // «Время МН», 2003.08.02

19. называть

«Чтобы избежать удвоения терминов, А.Н. Леонтьев и предложил *говорить* о «личностном смысле.» [Б. С. Братусь. Леонтьевские основания смысловых концепций личности (2004) // «Вопросы психологии», 2004.08.10]

«И, как следствие, злоба на нас с мужем — сами же, два дурака, своими руками купили этот чёртов компьютер ("комп", как *говорит* Павлик) и теперь сами же локти кусаем!» [Елена Павлова. Вместе мы эту пропасть одолеем! // «Даша», № 10, 2004]

20. обращаться

«Королёва как Ширвиндова увидела, так затряслась: — Ах, — *говорит*, — хау ду ю ду, мистер Ширвиндов. Айм глет ту миг ю! Найс ту си ю! Ну, Державиндт начал губами шевелить, перевод слов искать...» [Григорий Горин. Иронические мемуары (1990-1998)]

«На неё потом приходила смотреть вся школа и растерянно тарасились учителя, снисходительно, по-хозяйски хлопает по спине маленького, будто выкупленного из рабства и подарённого барину на день рождения чилийца, *говорит* ему "ты", а тот в ответ, смущённо улыбаясь: "Vuestra merced"» [Алексей Варламов. Купавна // Новый Мир, № 11-12, 2000]

21. считать, допускать (в научных текстах)

«Будем *говорить*, что некоторая работа размещена (является размещенной) в расписании S, если она входит в одно из множеств $J_i(S)$ » [Э. А. Мухачева, Э. Ю. Орехов. Точный алгоритм составления расписания для одностадийной системы с независимыми параллельными машинами (2004) // «Информационные технологии», 2004.02.23]

«Будем *говорить*, что множество A является N-рекуррентно замкнутым, если выполняются условия 1-3, а вместо условия 4 выполняется следующее условие:» [. Распараллеливание рекуррентных программных циклов (2004) // «Информационные технологии», 2004.04.26]

22. обсуждать, дискутировать

«Второй вопрос, о котором в прошлом году пришлось достаточно подробно *говорить*, который и сейчас с новой силой поднялся — это вопрос о том, как себя ведут в отношении металлургии другие государства, в частности, как себя ведет Украина и как в связи с этим должна себя вести Россия.» [. Российская специфика: быстрое развитие на фоне противоречий (2004) // «Металлы Евразии», 2004.08.06]

23. заявлять

«Второй гласит: упредить одну из сторон, тем самым предотвратить конфликт. Третий *говорит* о прямой конфронтации. А любимая конфронтация это прежде всего инициатива в действиях и поступках.

[Владимир Авилов. Сибирский кулак. Шаг воина (2004) // «Боевое искусство планеты», 2004.03.11]

«Политик может *говорить*, что "народ" должен знать правду, а журналист заявлять, что его долг — всем предоставлять слово.» [Александр Ослон. Мир теорий в эпоху «охвата» // «Отечественные записки», 2003]

24. выступать публично

«Иван Степанович дважды пытался *говорить*, но его слова тонули в многотысячных выкриках: «Наздар!»» [Семен Борзунов. Бросок: Берлин - Прага (2004) // «Наш современник», 2004.05.15]

«Сразу в начале речи он объявил, что будет *говорить* не как литературный критик, а в предварительных набросках к речи записывал, что "и не в творчестве, не в поэзии лишь одной дело"». [С. Г. Бочаров. Из истории понимания Пушкина (1998)]

25. утверждать

Между тем только после достоверного обнаружения у них горизонтов событий и эргосфер (в случае вращающихся чёрных дыр) можно *говорить* об окончательном открытии чёрной дыры. А. М. Черепашук. Поиски чёрных дыр // «Вестник РАН», № 6, 2004

Результаты сопоставления лексикографического и контекстуального значения глагола «говорить» мы приведем в следующей таблице:

Лексикографическое значение	Контекстуальное значение
пользоваться, владеть устной речью	пользоваться, владеть устной речью
владеть каким-либо языком.	владеть каким-либо языком
выражать в устной речи какие-либо мысли, мнения, сообщать факты и т.п., произносить что-либо.	произносить что-либо выступать публично
	выражать словесно устно или письменно какие-либо мысли, мнения
выражать, повествовать, сообщать печатно или письменно	сообщать факты, информировать рассказывать, повествовать заявлять утверждать
вести беседу, разговаривать	разговаривать, вести беседу обсуждать, дискутировать
свидетельствовать о чем-либо, указывать на что-либо, сообщать что-н. своим внешним видом, выражать какую-н. мысль без помощи слов.	свидетельствовать о чем-либо, указывать на что-либо, сообщать что-н. своим внешним видом, выражать какую-н. мысль без помощи слов.
сказываться, проявляться в действиях, поступках, словах и т. п.,	сказываться, проявляться в действиях, поступках словах и т.д.,

быть причиной характера чьей-н. речи (о внутренних качествах, свойствах).	быть причиной характера чьей-то речи
обсуждать что-либо, толковать, высказывать мнение о ком-либо, чем-либо	обсуждать что-либо, толковать, сплетничать обсуждать, дискутировать
существует мнение	существует мнение
вызывать какие-л. чувства, мысли, воспоминания и т.п.	-
выражать что-н., быть содержательным (о словах).	Выражать что-либо, быть содержательным (о словах)
подсказывать, предсказывать (о предчувствии, интуиции и т.п.)	подсказывать, предсказывать (о предчувствии, интуиции и т.п.)
называть кого-н. как виновника чего-н.	-
шуметь или издавать звук, когда им что-либо выражается (устар.)	-
выражать какими-л. знаками, движением (устар.)	-
приказывать	приказывать
обладать даром красноречия	обладать даром красноречия
-	анализировать, исследовать
-	размышлять, рассуждать
-	делать вывод
-	называть
-	обращаться
-	считать, допускать

Проведя исследование контекстуальных значений глагола «говорить» и, сравнив их с лексикографическим значением, мы делаем вывод, что совокупность контекстуальных значений слова шире его лексикографического значения, зафиксированного в словаре. Следовательно, лексикографическое значение оказывается недостаточным для описания реального функционирования слова в речи.

Концепт «родина» в русской и американской лингвокультурах (сопоставительный аспект)

Концепты формируют картину мира носителей языка и обеспечивают основу взаимопонимания между представителями определенной лингвокультуры через «сгустки смысла», в которых воплощается дух народа. Лингвокультурные концепты являются «мировоззренческими или аксиологическими универсалиями» и могут быть семантически выражены в нескольких языках (Воркачев 2004, с. 53).

Концепт «родина», являющийся предметом исследования в данной статье, универсален для индоевропейской культуры: «Выражение древних римлян: *Late patet patria mea* «Широко раскинулась родина моя» - это архетип культуры. В этом частном случае – в осознании «земли, страны» как «широкой», проявляется общее свойство индоевропейских языков и древней индоевропейской культуры», - пишет Ю. С. Степанов (Степанов 1997, с. 511).

Обращение к высказываниям античных, западноевропейских и русских писателей, поэтов и философов позволяет заключить, что концепт «родина» обладает рядом инвариантных признаков, так как представления о родине и отечестве универсальны в сознании человека и не зависят от национальности и времени. Еще древнегреческие и древнеримские поэты воспевали любовь и служение отечеству: «*Знаменье лучше всех - за отечество храбро сражаться*» (Гомер); «*Отраднo и почетно умереть за отечество*» (Гораций); «*Любовь к родине превозможет все*» (Вергилий) (цит. по: [Ушакова 2005, с. 4-12]). При этом данный концепт имеет и специфичные признаки, обусловленные национальной культурой.

Многие ученые, предметом изучения которых является взаимосвязь языка и культуры, выделяют концепт «родина» как базовый для русского культурно-языкового сознания, уходящий корнями к архетипу «род» (Степанов 1997; Телия 1997; 2001). Как и всякий лингвокультурный концепт, он принадлежит одновременно языку и культуре, и, по мнению Ю. С. Степанова, является константой культуры. Константа культуры – это «концепт, существующий постоянно или, по крайней мере, очень долгое время» (Степанов 1997, с. 76). Выделенная Ю. С. Степановым константа культуры «родная земля» предстает как порождение двух культурных архетипов: архетипа «родной человек» (то есть род как прародитель) и архетипа «земля» (то есть «мать-земля») (Степанов 1997, с.170-181).

В. Н. Телия выделяет культурно и исторически связанные между собой концепты «родина 1» («малая родина») и «родина 2» («большая родина»), которые вместе с понятиями «отечество» и «отчизна» объединяются в концептуализированную область «*patria*» (Телия 2001). Концепт «родина»

культурно и этимологически связан с архетипом «род», а также «с еще более глубинным архетипом «матери-земли» как праматери всех возвращенных, живущих на этой земле или ушедших в нее поколений «своих», а также всего того, что порождено на «материнском лоне» земли, существует или существовало на ней, а потому – «своего, родного» (Телия 2001, с. 41).

Осознание кровной связи с родиной как национальная черта ярко проявляется в языке, особенно при сопоставлении русского языка с британским и американским вариантами английского языка: словам «родина», «отчизна», «отечество» соответствует, по мнению многих исследователей, одно нейтральное слово «country» в английском языке (ср. «Человек без родины» - «*A man without a country*»; «За Бога, царя и отечество» - «*For God, my country and the tzar*») (Тер-Минасова 2000: 176).

Сопоставление устойчивых сочетаний со словом «родина» в русском языке с их переводческими эквивалентами в британском и американском вариантах английского языка по данным англо-русских и русско-английских словарей, подтверждает мнение исследователей о том, что американцы и англичане для обозначения своей родины практически всегда употребляют слово «country»: *сражаться за родину* - *fight for country*, *предать родину* - *sell country*, *отдать жизнь за родину* - *give blood for country*, *любить родину* - *love country*, *служить родине* - *serve country* (<http://www.multitran.ru/>).

В английском языке, так же, как и в его американском варианте, существуют слова «motherland» и «fatherland», но они никогда не употребляются американцами применительно к своей собственной родине, несмотря на открытый патриотизм, проявляемый американцами. По мнению исследователей, эти слова применимы для определения родины иммигрантов: «A lot of immigrants feel affection for their motherland». Также слово «motherland» (или «mother country») иногда употребляется американцами для обозначения Великобритании как родины первых переселенцев (Тер-Минасова 2000, с.176). Слово «fatherland» ассоциируется у американцев с нацистской Германией, в отличие от самой Германии: в немецком языке слово «Vaterland» является нейтральным. Примечательно, что в немецком языке существуют стилистически маркированные слова «Heimat» и «Heimatland», которые использовались нацистами вместо слова "Vaterland". Кроме того, «Heimatland» - это название пронацистского журнала, популярного в эпоху гитлеровского режима (Бэйли 2007].

Слово «homeland» также редко употребляется американцами для обозначения Соединенных Штатов Америки, поэтому название организации, созданной после террористических актов в сентябре 2001 года - «The Department of Homeland Security» - кажется самым американцам странным. Хотелось бы в связи с этим привести слова американского журналиста Н. Раапана: «Today homeland is a Russian

political party and is also used to describe all of Russia. In 2002, Republican speechwriter Peggy Noonan wrote, "The name Homeland Security grates on a lot of people, understandably. Homeland isn't really an American word, it's not something we used to say or say now"» (Сегодня «родина» - это российская политическая партия, а также это слово используется для описания все России. В 2002 году составитель речей от Республиканской партии Пэгги Нунэн написала: «Название «Безопасность родины» раздражает многих людей, и по понятным причинам. Родина – это не настоящее американское слово, мы никогда его не употребляли и не употребляем» - пер. наш) (Raapana, 2007).

Об особом восприятии понятия «родина» русскими как особенности русской культуры говорит также английский лингвист и методист Брюс Монк: «The concept of "родина" arouses a lot of emotion in Russians. It is feminine, you regard it as your mother (родина-мать, родина-матушка). We have a different attitude to our country. We would never dream of calling it "motherland". Your people feel nostalgic during three-week Oxford summer courses of English. I lived in Russia away from my country for 9 years and I did not feel nostalgic. We are on different terms with our country. (Понятие родины в русских пробуждает много эмоций. Родина — женского рода, часто воспринимается как мать (родина-мать, родина-матушка). У нас другое отношение к своей стране. Нам никогда не пришло бы в голову назвать ее «матерью-землей». Ваши люди испытывают ностальгию, проходя трехнедельный курс английского языка в Оксфорде. Я прожил в России, вдали от родины, девять лет, и у меня не было ностальгии. У нас с родиной совсем другие отношения)» (цит. по: (Тер-Минасова 2000,с. 178). Таким образом, концепт «родина» задает разные коннотации у носителей русской и американской лингвокультур.

Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. /Пер. с англ. А. Д. Шмелева. - М., 2001.

Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. - М., 2004.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М., 1997.

Телия В. Н. Концептообразующая флуктуация константы «родная земля» в наименовании родина // Язык и культуры: Факты и ценности: К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова. – М., 2001.

Телия В. Н. Наименование РОДИНА как часть социального концепта «Patria» в русском языке // Языковая категоризация. Материалы круглого стола, посвященного юбилею Е. С. Кубряковой по тематике её исследования. – М., 1997.

Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М., 2000.

Ушакова О. Д. Мудрые мысли мудрых людей. Справочник школьника. – СПб., 2005.

Raapan N. Communitarianism. US Law In The Balance, 2007.

URL: <<http://www.rense.com/general76/lawis.htm>>;

Bailey R. What Does "Homeland" Mean to You?", 2007.

URL: <<http://www.reason.com/blog/show/121489.html>>.

Белый цвет в сознании этноса

(по данным ассоциативного словаря)

В последние годы в лингвистике наблюдается интерес к изучению соотношения языка и картины мира как идеальной модели действительности, существующей в сознании субъекта. Картина мира, по мнению З.Д. Поповой и И.А. Стернина, «включает как содержательное, концептуальное знание о действительности, так и совокупность ментальных стереотипов, определяющих понимание и интерпретацию тех или иных явлений действительности» (Попова 2003, с.5).

Цвет является одной из важнейших категорий как концептуальной, так и языковой картины мира. Изучение цветообозначений весьма актуально для лингвистов, поскольку эти лексемы отражают специфические для культуры данного этноса аспекты концептуализации мира и являются частью знаковой системы (цветового кода) (подробнее см. Быкова 2005, с.171).

Движение лингвистики к решению задачи воссоздания картины мира и изучению содержания национального языкового сознания осуществляется с разных позиций. Одним из новых направлений исследования этих вопросов является психолингвистика. Ассоциативные словари дают нам богатый материал для сопоставительного анализа, в результате которого мы получаем информацию о содержательной характеристике национального образа мира (подробнее см. Санчес Пуиг 2001).

Материалом для нашего исследования послужили данные статей blanco/ белый из словаря М. Санчес Пуиг, Ю.Н. Караулова, Г.А. Черкасовой «Ассоциативные нормы испанского и русского языков» (Санчес Пуиг 2001). Целью работы является выявление национально-культурных особенностей концептуализации одного и того же цвета в испанской и русской лингвокультурах.

При анализе материала мы опираемся на методику исследования, предложенную В.В. Корневой. Суть её заключается в том, что за основу берутся компоненты смысла, или архисемы, независимо от формы их выражения, т.е. категориальной принадлежности лексем и их грамматических характеристик (подробнее см. Корнева 2006).

Представляется целесообразным отдельно рассмотреть структуры концепта «белый» в испанском и русском языковом сознании. Согласно данным анализа реакций на стимул *blanco* доминантным признаком данного концепта в испанской культуре является сам цвет (208). Белый цвет в сознании человека тесно связан с другими цветовыми наименованиями. Наиболее распространенной ассоциацией в испанском

языке является *negro* (174), что объясняется существованием традиционной оппозиции белого и чёрного цветов.

Наряду с оппозицией белый-чёрный выявлено противопоставление белого другим цветам, поскольку они являются членами единого цветового спектра. Среди ответов респондентов встречаются не только основные цвета: *azul* (4); *rojo*, *verde* (2), но и промежуточные: *beige*, *gris*, *tinto* (1). В списке реакций также отмечена ассоциация *blanco* (1) и превосходная степень данного цветового прилагательного *blanquísimo* (1), а также его английский эквивалент *white* (1). При этом в ответах респондентов представлены не все цвета. В частности, отсутствуют жёлтый, розовый, фиолетовый и коричневый.

Одной из самых распространённых ассоциаций в испанском языке является родовое понятие *color* (20). Этим доказывается гипогиперонимическая связь, когда на стимул гипонима, в данном случае «белый», возникает ассоциация с гиперонимом, а именно «цвет».

Признак «цвет» выражен с помощью средств не только прямой номинации, но и косвенной. К числу последних относятся слова, обозначающие предметы, которые являются прототипами белого цвета. Важно отметить, что состав этой группы довольно велик – в неё входит 51 реакция. Универсальными прототипами цвета в основном являются природные явления, например, снег (для белого цвета), небо (для синего цвета) и т.д., что обычно зафиксировано в словарях. В то же время состав прототипов в каждой лингвокультуре значительно варьируется и зависит от среды обитания и особенностей жизнедеятельности данного этноса.

Согласно полученным данным, среди прототипов белого цвета в испанской лингвокультуре можно выделить следующие семантические категории: «природные явления», «артефакты», «продукты питания», «фауна», «человек». Наиболее многочисленной является группа «артефакты» (26). Она представлена такими прототипами, как *sábana* (6), *sábanas* (1), *hoja* (5), *papel* (5), *mantel* (2), *ropa* (2), *delantal* (1), *pared* (1), *pastillas* (1), *vela* (1), *velo* (1). Группа «природные явления» менее обширна (21) и включает в себя следующие прототипы: *nieve* (12), *nube* (8), *nubes* (1). Наименее репрезентированы категории «продукты питания», «человек» и «фауна», в которые входят *leche* (1), *ajo* (1); *diente* (1) и *cisne* (1) соответственно.

Наряду с прототипическими предметами выделяются также предметы, которые могут иметь белый цвет (10). К их числу относятся «артефакты» (*cama* 2, *bata* 2, *bandera* 1, *camisa* 1, *tela* 1) «продукты питания» (*chocolate* 1, *vino* 1) и «фауна» (*caballo* 1).

Вторым по значимости признаком белого цвета является «чистый», «чистота» (82): *puro* (32), *pureza* (27), *limpio* (22), *limpieza* (1). Данный признак имеет несколько интерпретаций: «лишённый примесей», «не запачканный», «прозрачный» (*transparente* 3, *agua* 1, *aúreo* 1). Чистота выступает также как физическое состояние человека и духовное качество (17). Невинность и чистота в испанском языке объективируются

лексемами: *inmaculado* (3), *virgen* (3), *virginidad* (1), *inocencia* (1). Чистота и целомудрие ассоциируются также со свадебным обрядом, невестой и её одеянием: *boda* (3), *novia* (3), *traje de novia* (1), *vestido de novia* (1).

На основе последнего признака формируется ещё одно значение – *sacro* (1) – «священный».

Значимым является также признак «светлый», «яркий» (44). Белым, как известно, может быть не только цвет, но и свет – *luz* (21). Данный признак выражен лексемами *claro* (11), *claridad* (2), *brillante*, *brillo*, *luminoso* (1). Интересно отметить, что наряду с ожидаемыми реакциями свет → день (*día* 2), свет → рассвет (*alba* 2) как начало светлого времени суток, светлым может быть и лето (*verano* 1), и луна (*luna* 1).

В отличие от остальных цветов белый является наименее заметным, ничем не примечательным, что порождает такие ассоциации, как *nada* (6) – ничего, т.е. отсутствие каких-либо черт, признаков; *insulso* (2), *soso*, *insípido* (1) – пресный, безвкусный; *algo* (1) – что-то неопределённое, неизвестное; *vacío* (1) – пустой, т.е. подразумевающий отсутствие предметов и их признаков. Следовательно, наряду с признаками «светлый», «яркий» белый цвет может интерпретироваться как «невыразительный» (12).

В противовес чёрному белый цвет, как правило, имеет положительную характеристику. Возможно, это объясняет наличие реакций со значением «красивый», «хороший», «приятный» (5): *pulcro* (2), *agradable* (1), *bonito* (1), *bueno* (1).

Белый цвет ассоциируется также с понятием его категориальной принадлежности – *adjetivo* (4).

Многие реакции на стимул *blanco* оказались индивидуальны. Их можно объединить по признаку «внутреннее состояние», «эмоция», которые воспринимаются сквозь призму цвета. В частности, в белые тона окрашены любопытство (*curiosidad* 1), гнев (*iras* 1), симпатия (*la simpatía* 1), безумие (*locura* 1), нежность (*ternura* 1), грусть (*triste* 1).

В испанском языковом сознании белый цвет проецируется не только на психоэмоциональные состояния, но и на многие другие абстрактные понятия. Белыми могут быть надежда (*esperanza* 4), мир (*paz* 4), душа (*alma*, 2), спокойствие (*tranquilidad* 2, *serenidad* 1), начало (*comienzo* 1), отражение, образ (*reflexión* 1), тишина (*silencio* 1), уверенность (*seguridad* 1), однообразие (*monotonía* 1), свобода (*libertad* 1), смерть (*muerte* 1) и траур (*luto* 1).

Следует отметить, что одни реакции на слово-стимул *blanco* являются мотивированными, другие – нет. К мотивированным реакциям относятся прототипы белого цвета, признак «чистый», «непорочный», значение смерти и траура. Белый цвет символизирует чистоту, свет, мудрость, добро, высоту духа; он нередко связан со сферой сакрального, а также считается атрибутом верховной власти. В символической традиции белый цвет соотносится с солнцем и золотом. В то же время разные оттенки белого цвета, в частности мертвенно-белый, несут негативную оценку,

соотносясь со смертью и луной (подробнее см. Словарь символов и знаков 2006, с. 217).

К немотивированным реакциям относятся в основном абстрактные понятия, а также такие реакции, как *fijo*, *cielo*, *diana*, *alas*, *humano*, *duro*, *nuclear*, *ojos*, *oscuro*, *tintalux* (1), которые не имеют однозначной интерпретации.

Часть ассоциаций отсылает к прецедентным феноменам. Состав их разнообразный: топонимы (*Madrid* 1, *Madrid* у *Valencia* 1, *Andalucía* 1), личные имена (*de John Woo* 1, *Yolanda* 1), названия сообществ (в данном случае название футбольного клуба – *Real Madrid* 1).

По степени мотивированности данные реакции также различаются. Так, например, сложно догадаться, что легло в основу ассоциаций *Madrid*, *Madrid* у *Valencia*, тогда как ассоциация *Andalucía* объясняется особенностями панорамы этой области Испании. Белые, плотно сомкнутые дома из обожжённой глины громоздятся вверх по холмам. Эти маленькие селения называются «*pueblos blancos*» – белые городки.

Реакция *Real Madrid* мотивирована, поскольку белый цвет является цветом основной формы игроков этого клуба.

Среди ассоциаций встречается имя известного кинорежиссёра *John Woo*. Возможно, ассоциация с белым цветом возникает в связи с тем, что одним из фирменных приёмов этого режиссёра являются белые голуби, которые предваряют концовку или судьбоносный момент фильма.

Реакция *Yolanda* имеет две версии интерпретации. Возможно, она связана с историей Испании и относится к принцессе арагонской, впоследствии ставшей королевой Франции. Возможно также, что речь идёт о сорте белого вина «Вилла Иоланда».

На основании частотности выделенных признаков можно судить о структуре концепта blanco. Ядро концепта составляют признаки «цвет» и «чистота». Признак «светлый» занимает околядерную зону. Признак «невывразительный» составляет ближнюю периферию. К дальней периферии относятся признак категориальной принадлежности, положительная характеристика, а также индивидуальные реакции, объединённые в группы «эмоции» и «абстрактные понятия». Ассоциации, заключающие в себе прецедентные феномены культуры, а также ответы, не имеющие однозначного объяснения, составляют крайнюю периферию.

При анализе материала обращает на себя внимание тот факт, что белый цвет в испанском языковом сознании имеет в основном положительные коннотации. Это объясняется тем, что издавна существует оппозиция белого и чёрного цветов, в которой белый выступает со знаком «плюс», а чёрный – со знаком «минус». По данным *Diccionario de dichos y frases hechas*, с давних времён проводились лотереи, где чёрный камень означал неудачу. В Греции и Риме на руководящие должности избирали путём вытаскивания из кувшина чёрных и белых бобов. Также отмечается, что в греческой мифологии Парки, Мойры, которые ткали нити жизни, из

белых ниток жизнь пряли счастливого человека, из чёрных – несчастного (подробнее см. *Diccionario de dichos y frases hechas*, 2007).

В то же время белый цвет у носителей испанского языка может вызывать и негативные ассоциации, репрезентируя такие качества, как гнев – *iras*, безумие – *locura*, грусть – *triste*.

Обратимся к описанию структуры концепта «белый» в сознании русского этноса. Согласно критерию частотности, наиболее значимым признаком для представителей русской лингвокультуры является признак «цвет» (176). Он так же, как и в испанском языке, объективируется средствами прямой и косвенной номинации. К числу первых относятся наименования других цветов или родовое понятие цвета: *чёрный* (119); *цвет* (45); *красный* (6), *зелёный* (2), *алый*, *жёлтый*, *синий*, *не чёрный* (1).

К числу вторых относятся прототипы белого цвета в русском языке (166), которые можно объединить в следующие семантические категории: «природные явления», «артефакты», «фауна», «флора», «продукты питания», «человек», «минеральные вещества», «транспортные средства», «организации». По частотности реакций наиболее распространённой является категория «природные явления» (114), отражающая в основном природно-климатические особенности России: *снег* (109), *лёд* (3), *айсберг* (1), *пар* (1).

Категория «артефакты» представлена разнообразными реакциями (23): *лист* (9), *парус*, *платок*, *простыня*, *свадебное платье* (2); *белье*, *наркотик*, *порошок*, *тюль*, *холст*, *фартук* (1). Остальные группы менее многочисленны. В частности, в состав категории «фауна» входят всего две реакции: *лебедь* (11), *аист* (9). Реакции *пароход* (3), *катер* (1), *самолёт* (1) выделяются в рамках категории «транспортные средства»; *ландыш* (1), *лилия* (1) – категории «флора». Группа «продукты питания» представлена лишь одной реакцией – *сахар* (5), группа «человек» – *зуб* (1), «минералы» – *мел* (1). К группе «организации» мы относим реакцию *ку-клукс-клан* (1), образованную путём метонимического переноса цвета одежды участников данной организации.

В русском языке широко представлена группа ассоциаций с предметами, которые могут иметь различную окраску, в том числе и белую (145). Среди последних встречаются реакции в категории «фауна» (70): *орёл* (28), *медведь* (10), *заяц* (8), *попугай* (7), *голубь* (4), *конь* (4), *пёс* (2), *баран*, *ворон*, *гусь*, *кот*, *олень*, *павлин*, *червяк* (1); «транспортные средства»: *автомобиль*, *корабль*, *трамвай* (1); «артефакты»: *шар* (6), *флаг* (4), *альбом*, *плакат*, *пол*, *столбы* (1); в группе артефакты отдельно выделяется подгруппа «предметы одежды»: *плащ* (3), *халат*, *галстук*, *костюм*, *сарафан*, *свитер* (1); «человек»: *человек* (6), *волос* (2), *живот* (1); «продукты питания»: *хлеб* (12); «флора»: *гриб* (2), *цветок* (2); «минералы и вещества»: *песок* (1); «здания»: *дом* (18).

Интересно отметить, что многие ассоциации являются лишь частью термина или специального обозначения какого-либо явления, например, [белый] медведь, [белый] гриб, [белый] дом, [белый] хлеб. Некоторые

реакции отражают обычаи или культурные особенности носителей русского языка. Речь идёт о такой ассоциации, как [белый] *танец* (2), явно имеющей в своей основе известную русскую традицию, когда дамы приглашают кавалеров на танец. Такой танец в русской культуре называется белым. Этноспецифичной также является реакция *тапочки* (1), возникающая по причине особенностей обычая хоронить человека в белых тапочках.

Вторым по значимости в русском сознании является признак «светлый» (35): *свет* (13), *светлый* (9), *яркий* (2); *день* (7), *солнце* (2), *горизонт*, *огонь* (1).

Третьим по частотности является признак «чистый» (11): *чистый* (9), *чистота* (2).

Остальные реакции и репрезентируемые ими признаки концепта «белый» являются индивидуальными. Среди них можно выделить группу «эмоциональное состояние» (3), представленную следующими ассоциациями: *нежный* (1), *радостный* (1), *прекрасно* (1).

Далеко не все ответы респондентов имеют однозначное объяснение: *ветер* (5), *вечер* (1), *кличка* (1), *кореш* (1), *луковица* (1), *не надевать* (1), *сон* (1), *сумма волн разной частоты* (1), *хаос* (1), *шум* (1), *я* (1). К ним относятся также имена лиц, известных респонденту: *Игорь* (2), *Андрей* (1), *Женя* (1).

Так же, как и в испанском языке, среди ассоциаций представителей русской лингвокультуры встречаются прецедентные феномены, однако в данном случае речь идёт о личных именах (*Белоконев С.* 1), о прецедентных текстах (*Бим 7*, *чёрное ухо* 1), исторических реалиях (*белогвардеец* 1) и названиях марок автомобилей (*Мерс* 1, *Мерседес* 1, *Москвич* 1).

Белоконев С. (1) – Депутат Государственной Думы Федерального Собрания РФ, член фракции «Единая Россия», первый заместитель председателя Комитета по делам молодежи. Предположительно, данная ассоциация возникает из-за наличия в составе фамилии корня «бел».

Одной из распространённых ассоциаций среди русскоговорящих является *Бим* (7), *чёрное ухо* (1). Данные реакции можно отнести к разряду прецедентных феноменов культуры, а именно художественных произведений. В силу известности повести Г. Троепольского чаще всего употребляется не полное название произведения, а лишь его часть (*Бим 7*, *чёрное ухо* 1). В группу художественных произведений также можно отнести ассоциацию *клык* (6), которая явно имеет в своей основе повесть Джека Лондона «Белый клык».

Источниками ассоциаций также могут выступать исторические события и персонажи. В частности, характерной реакцией этого типа является *белогвардеец* (1) – представитель русского национального патриотического движения, зародившегося весной 1917 г. для спасения разрушающейся государственности.

Как в испанском, так и в русском языках, наблюдается ассоциация белого цвета с транспортными средствами. Однако если в испанском языке опрашиваемые видят белым свой автомобиль (*mi coche*), то представители русской культуры уточняют марку машины (*Мерс, Мерседес, Москвич*).

Таким образом, ядро концепта «белый» в русском сознании составляет признак «цвет», окооядерную зону – признак «светлый». К ближней периферии относится признак «чистый». В состав крайней периферии входят индивидуальные реакции, объединённые в группу «эмоции», реакции, содержащие в себе прецедентные феномены, а также ассоциации, не имеющие однозначной интерпретации.

Обращает на себя внимание тот факт, что белый цвет имеет исключительно положительную характеристику, однако число таких реакций невелико (3). В то же время большая часть ассоциаций лишена какой бы то ни было коннотации.

На основе сопоставительного анализа реакций на стимул *белый* в испанском и русском языках можно сделать вывод о том, что структура концепта в вышеупомянутых языках не совпадает. Так, в испанском языковом сознании «белый» является полиядерным концептом, а в русской – моноядерным. Обращает на себя внимание то, что в целом совпадают основные признаки («цвет», «чистый», «яркий»), однако их значимость в сравниваемых лингвокультурах разная. Так, общим является признак «чистый», однако в испанском языке он входит в ядро концепта, а в русском языке относится к ближней периферии.

Кроме того, набор признаков, характерных для *blanco* в испанской лингвокультуре, значительно шире. В структуре этого концепта находят своё выражение такие значения, как «невыразительный», категориальная принадлежность, абстрактные понятия, которые полностью отсутствуют в русском языке.

Универсальность проявляется в доминантном значении признака «цвет». Средства прямой номинации выражения данного признака совпадают, однако на уровне средств косвенной номинации наблюдаются значительные различия в русском и испанском языках. Это объясняется тем, что набор прототипов цвета зависит от особенностей жизнедеятельности, быта, культуры того или иного этноса. То же самое относится и к группе реакций, представляющих собой слова, которые могут иметь разную, в том числе и белую, окраску. Общие для представителей обеих культур реакции (*снег, простынь, лист, бельё, фартурк, зуб, лебедь*) различаются количественным составом (ср. *снег* 109 ответов в русском языке и всего 12 в испанском).

Зачастую прототипы цвета составляют образы животного и растительного мира, традиционного крестьянского быта, производственной деятельности человека. Интересно отметить, что в качестве прототипов белого цвета в испанском языке выступают

артефакты, в то время как для русского языка характерны такие категории, как «транспортные средства», «фауна», «предметы одежды».

Набор прецедентных феноменов для каждой культуры также различен. Если для испанского языка характерны топонимы, имена собственные, название футбольного клуба, то в русском языке чаще встречаются названия художественных произведений, исторических реалий и марок автомобилей.

Обращает на себя внимание тот факт, что в русском языке белый цвет практически не несёт никаких коннотаций, за исключением очень ограниченного числа реакций, имеющих положительную оценку. В то же время в испанском сознании белый цвет нередко является аксиологическим, в большинстве случаев он имеет положительную характеристику, но иногда может приобретать и отрицательную.

При анализе ассоциаций невозможно не отметить следующие особенности: среди ответов представителей испанской культуры большой процент составляют абстрактные понятия, качества, эмоциональные состояния, что подчёркивает образность мышления испанцев, воспринимающих мир сквозь призму цвета. Ассоциации же носителей русского языка преимущественно связаны с конкретными предметами повседневного быта, будь то артефакты, представители фауны или флоры.

В заключение отметим, что проведённый сопоставительный анализ свидетельствует не только о том, что концепт «белый цвет» структурируется по-разному в испанской и русской лингвокультурах, но и о том, что цвет является важной частью картины мира этноса.

Быкова О.И. Этноконнотация как вид культурной коннотации (на материале номинативных единиц немецкого языка) / О.И. Быкова. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2005. – 277 с.

Корнева В.В. Ландшафтная лексика в языковом сознании этноса (по данным ассоциативного словаря) / В.В. Корнева // Вестник ВГУ, серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2006. – №1. – С. 16-23.

Попова З.Д. Язык и национальная картина мира / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – 3-е изд, доп. и испр. – Воронеж: Истоки, 2003. – 59 с.

Словарь символов / Авт.-сост. В.В. Адамчик. – М.: АСТ; Харвест, 2006. – 240 с.

Buitrago Alberto. Diccionario de dichos y frases hechas. – Madrid: Espasa Calpe, S.A., 2007. – 982 p.

ИСТОЧНИКИ ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА

Санчес Пуиг М. Ассоциативные нормы испанского и русского языков / М. Санчес Пуиг, Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова. – Москва – Мадрид: Азбуковник, 2001. – 496 с.

Проблемы описания семантики собирательных наименований лиц на основе контекстов

Исследование семантики наименований лиц затрагивает ряд проблем, связанных с понятием собирательности, которое трактуется как «нерасчлененное обозначение совокупности одинаковых или сходных предметов, представляемых как целое» (Ахманова 2007, с.435).

Известно, что к собирательным наименованиям лиц, в основном, относятся языковые единицы, которые имеют в своем составе существительное счетное (*тройка, сотня* и т.п.), либо собирательные существительные, которые «в форме единственного числа обозначают совокупность одинаковых или подобных отдельных предметов в отвлечении от этих последних» (Ахманова 2007, с. 466). Последние, как правило, появляются посредством аффиксального словообразования: *предпринимательство, чиновничество, юношество, дворянство, потомство, мещанство, зверье, дурачье, бабье, жулье, офицерье, простонародье, матросня, солдатня, ребятня, агентура, клиентура, нищета, беднота, пионерия, оппозиция, аристократия, профи*. Многие лингвисты в качестве собирательных существительных выделяют только те, которые имеют тройственный соотносительный ряд однокоренных слов, состоящий из «формы единственного числа и формы множественного числа собственно конкретных существительных и образованного от них собирательного существительного» (Реформатский 1960, с.393). При этом в словоформах, образовавших подобные ряды, обычно поддерживается семантическая корреляция, а к значению собирательного существительного добавляется признак совокупности, обозначающая объединения лиц, например, по социальной принадлежности или по виду деятельности: *бюрократ → бюрократы → бюрократия, крестьянин → крестьяне → крестьянство, режиссер → режиссеры → режиссура, профессор → профессора → профессура, староста → старосты → старостат, студент → студенты → студенчество*. Однако при формировании подобных рядов в семантике входящих в их состав собирательных наименований лиц в ряде случаев выявляются семантические приращения иного рода, вследствие которых параллельно с появлением признака совокупности лиц у данных языковых единиц происходит замена интегральной семы одной тематической группы на другую. Наблюдается семантическое смещение, сущность которого заключается в трансформации семантического признака, например, «служебное положение» в семантический признак «место работы»: *деканат (ректорат, секретариат, комиссариат)* – это не в целом существующие *деканы (ректоры, секретари, комиссары)*, но и совместно с ними другие сотрудники данного отдела или ведомства,

которые рассматриваются, как лица, различающиеся по статусу и объединяющиеся по единому для них месту работы.

К наименованиям лиц с собирательным значением также относятся и полисемантические языковые единицы, которые употребляются в форме единственного числа и служат для обозначения группы лиц: *мелюзга, ничтожество, посредственность, элита, позорище, вольница, подмога, публика, рвань, мелкота, сброд, шобла, кодла, бомонд, нечисть, плесень, пакость, шпана, свинство, серость, быдло, шантрапа, отребье, шваль, умора, бестолочь, мразь, хлам, челядь*. Некоторые из них образуют также форму множественного числа, например: *противник, соперник, эскорт, мерзость, враг, смена, толпа, власть*.

Подчеркнем, что собирательность свойственна значительному количеству нарицательных существительных, которые в целях достижения большей художественной выразительности употребляются в различных тропеических смыслах, например в виде метафоры, метонимии, синекдохи. Тематические группы подобных наименований лиц включают слова и словосочетания, служащие для обозначения территории проживания или местонахождения людей (континент, страна, область, поселок, улица) и населения, проживающего или находящегося на этих территориях; всевозможных помещений, служащих для проживания, работы, учебы, отдыха (дом, завод, институт, театр, галерка), и находящихся в этих сооружениях граждан; различных средств транспорта (пароход, поезд, трамвай, самолет) и пользующихся этим транспортом лиц; огромного количества организаций или объединений лиц во многих сферах человеческой деятельности (партия, труппа, братва, тусовка, отдел, комиссия, ревизия, армия, табор, хунта, когорта) и непосредственно входящих в состав этих общественных образований или выполняющих их функции людей.

При наличии вышеперечисленных групп наименований лиц возникает проблема анализа их семантики, которая на наш взгляд, может быть решена следующим образом. Поскольку данные языковые единицы исследуемого лексико-фразеологического поля служат для обозначения представителей некоторой группы лиц, характеризующихся общими признаками, на основе которых возможно отличить их от представителей какого-либо другого объединения лиц, то следует говорить о некоей совокупности лиц, которые обладают сходными особенностями и представляют собой единое целое формирование.

Рассматривая совокупность лиц в качестве семантического признака, целесообразно описывать наименования лиц со значением совокупности посредством архисемы «совокупность лиц», которая представляет собой разновидность архисемы «лицо» и различается с последней по семному конкретизатору. В связи с тем, что семемы со значением единичного лица и совокупности лиц по своим семным структурам, в большинстве своем, изоморфны, то описание рассматриваемых наименований лиц может быть осуществлено по аналогии с принятой практикой описания семной

структуры наименований единичных лиц. Например (здесь и далее примеры из «Национального корпуса русского языка»):

родня семема-1 – лицо, мужской или женский пол, находится в родстве с кем-либо, неоценочное, неэмоциональное, разговорное, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное – «Она́ *родня* ему́ кака́я-то, тётка, что ли» [В. Шукшин. Калина красная (1973)]; *родня* семема-2 – совокупность лиц, мужской или женский пол, находятся в родстве с кем-либо, неоценочное, неэмоциональное, разговорное, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное – «Выбрал Санкт-Петербург, где у меня́ *родня* проживает» [Е. Макаров. Пустите русских в Россию! (2003) // «Аргументы и факты», 2003.01.22];

контра семема-1 – лицо, мужской или женский пол, занимается контрреволюционной деятельностью, неоценочное, неодобрительное, разговорное, общенародное, в первые годы Советской власти, общераспространенное, малоупотребительное – «Да ты не отворачивайся, не отворачивайся! – зарычал он вдруг. – Ты в лицо гляди́, когда́ с тобой говорят, *контра* проклятая!» [Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 2 (1978)]; *контра* семема-2 – совокупность лиц, мужской или женский пол, занимаются контрреволюционной деятельностью, неоценочное, неодобрительное, разговорное, общенародное, в первые годы Советской власти, общераспространенное, малоупотребительное – «Андрейка явился на их собрание при всех регалиях. – Ах вы, *контра* недобитая! При белых небось как мышь под метлой сидели, пока те жильцы меня прятали!» [И. Ратушинская. Одесситы (1998)];

седьмая вода на киселе семема-1 – лицо, мужской или женский пол, состоит в дальнем родстве с кем-либо, неоценочное, неэмоциональное, разговорное, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное – «Он какой-то наш *родственник, седьмая вода́ на киселе́*» [Юрий Трифонов. Обмен (1969)]; *седьмая вода на киселе* семема-2 – совокупность лиц, мужской или женский пол, состоят в дальнем родстве с кем-либо, неоценочное, неэмоциональное, разговорное, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное – «Гуров их принял, хоть и были они дальними *родственниками* – так, *седьмая вода на киселе...*» [Т.Тренина. Русалка для интимных встреч (2004)];

голубая кровь семема-1 – лицо, мужской или женский пол, имеет дворянское происхождение, неоценочное, неэмоциональное, межстилевое, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное – «А сам он был красавец, высокого роста, то, что мы называем “*голубая кровь*”, и даже картавил как-то по-дворянски» [Ю. Башмет. Вокзал мечты (2003)]; *голубая кровь* семема-2 – совокупность лиц, мужской или женский пол, имеют дворянское происхождение, неоценочное, неэмоциональное, межстилевое, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное – «Все вы, *голубая кровь*, друг за дружку стоите, – ответил Жихарь» [М. Успенский. Там, где нас нет (1995)].

При описании семантики полисемантических наименований лиц возможно также использование дизъюнктивной архисемы «лицо или совокупность лиц», например: *посмешище* семема -1, 2 – лицо или совокупность лиц, мужской или женский пол, является предметом насмешек, нецензурное, неэмоциональное, межстилевое, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное – «И он опять ничтожнейший, презреннейший из людей, общее *посмешище*, шут гороховый, зарезанный дурак, предмет насмешки – для дьякона!!» [И. С. Тургенев. Конек Чертопханова (1872)] – единичное лицо; «Вечная нужда уродовала психику, превращая несчастных «совков» в *посмешище*» [Б. Грищенко. Посторонний в Кремле (2004)] – совокупность лиц.

По данным дефиниционного анализа, информация о собирательности или дискретности значения наименований лиц предоставляется в лексикографических изданиях непоследовательно и неполно. Например, согласно дефиниции БТСРЯ под редакцией С.А.Кузнецова такие лексические единицы как *безотцовщина*, *пехота*, *богема* относятся к разряду существительных с категориальным значением собирательности и не употребляются для обозначения единичного лица, при этом первое положение подтверждается примерами из «Национального корпуса русского языка», а последнее – примерами контекстов из данного источника опровергается:

безотцовщина семема-1 – лицо, мужской или женский пол, чаще детского или подросткового возраста, растёт без отца – «Никакого папы-генерала нет и в помине, Настя вообще *безотцовщина*» [Д. Донцова. Уха из золотой рыбки (2004)]; *безотцовщина* семема-2 – совокупность лиц, мужской или женский пол, чаще детского или подросткового возраста, растут без отца – «Или ее соседку, у которой тоже малые дети, и половина этих детей и так *безотцовщина*» [Л. Улицкая. Путешествие в седьмую сторону света // Новый Мир, № 8-9, 2000];

пехота семема-1 – лицо, чаще мужской пол, служит в пехоте – «Тише, *пехота*, – обернулся я, и солдат засмутился» [В. Аксенов. Пора, мой друг, пора (1963)]; *пехота* семема-2 – совокупность лиц, чаще мужской пол, служат в пехоте – «В это время прогремело «Ура!», и наша *пехота* дружно рванулась вперед» [В. Амельченко. Словно ласковые руки матери (2003) // «Военный вестник Юга России» (Ростов-на-Дону), 2003.03.03];

богема семема-1 – лицо, мужской или женский пол, принадлежит к слою творческой интеллигенции, не имеет устойчивого дохода, ведет беспорядочную жизнь – «Гоша, например... Артистическая *богема*...» [В. Белоусова. Второй выстрел (2000)]; *богема* семема-2 – совокупность лиц, мужской или женский пол, принадлежат к слою творческой интеллигенции, не имеют устойчивого дохода, ведут беспорядочную жизнь – «Ведь герои моих рассказов – зеки, фарцовщики, спившаяся *богема*» [С. Довлатов. Переводные картинки // «Иностранная литература», № 9, 1990].

Напротив, слова *союзник*, *посредственность*, *посмешище*, *обуза*, *профи* описаны в словарях как наименования отдельных лиц, и значение собирательности в их семантике не фиксируется, что, судя по анализу примеров из литературных и публицистических текстов, также не соответствует реальному положению вещей:

профи семема-1 – лицо, мужской или женский пол, обладает высоким мастерством и отличными специальными знаниями в какой-либо области – «И вот тут Илья поступил как настоящий профи» [Д. Смирнова. Октябрьская железная дорога (1997) // «Столица», 1997.05.13]; *профи* семема-2 – совокупность лиц, мужской или женский пол, обладают высоким мастерством и отличными специальными знаниями в какой-либо области – «Ты и твои ребята – все *профи*, я на вас надеюсь» [В. Морозов. Адмирал ФСБ (2004) // «Наш современник», 2004.04.15];

посредственность семема-1 – лицо, мужской или женский пол, заурядный, посредственный – «Ох, если бы дело было так просто, что простым промером можно было бы определить, где гений, где преступник, где просто золотая *посредственность*!» [Ю. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом, часть 1 (1943-1958)]; *посредственность* семема-2 – совокупность лиц, мужской или женский пол, заурядные, посредственные – «Культуру заполняла *посредственность* и впоследствии не пускала по-настоящему даровитых ребят» [П. Сиркес. Труба исхода (1990-1999)];

союзник семема-1 – лицо, мужской или женский пол, действует в союзе с кем-либо – «Все данные добыл с помощью Ларисы Ивановны. Она теперь наш главный *союзник*» [С. Данилюк. Бизнес-класс (2003)]; *союзник* семема-2 – совокупность лиц, мужской или женский пол, действуют в союзе с кем-либо – «Еще один *союзник*, которого государство должно привлечь на свою сторону, – это работники и население в целом» [Е. Гурвич. Одинокое государство ищет себе союзника (2003) // «Российская газета», 2003.02.06].

В ряде случаев контекстуальные примеры позволяют значительно дополнить словарные дефиниции с точки зрения собирательности / единичности значения в описании наименований лиц. Например, такие слова как *охрана*, *элита*, *подмога*, чаще всего рассматриваются составителями словарей в значении группы лиц, которые характеризуются неким общим для них признаком, выполняющим двойственную функцию: различительную или дифференциальную по отношению к другим лицам и объединяющую или интегральную для лиц данной группы. Основываясь на употреблении данных слов в процессе коммуникации, можно осуществить развернутый компонентный анализ данных лексических единиц по аналогии с упомянутым выше семантическим описанием наименований лиц:

охрана семема-1 – лицо, мужской или женский пол, охраняет кого-/что-либо – «В школы то зайти у нас проблема: *охрана* никого не пропускает, знакомиться с учителями на предварительной записи и на собрании

можно» [Наши дети: Дошколята и младшие школьники (форум) (2005)]; *охрана* семема-2 – совокупность лиц, мужской или женский пол, охраняют кого-/что-либо – «*Охрана* губернатора едва успела втолкнуть Лебеда в "Мерседес"» [М. Ламцов, В. Булдаков. Авторитетные собрания (2003) // «Аргументы и факты», 2003.01.29];

элита семема-1 – лицо, мужской или женский пол, относится к лучшим представителям общества или какой-либо его части – «Да вы что? – законно удивилась *элита* экономической мысли. – Этот человек уже несколько лет как министр нашего экономического развития» [А. Ивантер, Т. Гурова. Ющенко отравили, Грефа загипнотизировали (2004) // «Эксперт», 2004.12.20]; *элита* семема-2 – совокупность лиц, мужской или женский пол, относятся к лучшим представителям общества или какой-либо его части – «Интеллектуальная *элита* крупных городов также во многом пополнялась провинциалами» [Ю. Флоринская, Т. Рощина. Жизненные планы выпускников школ из малых городов (2004) // «Человек», 2005];

подмога семема-1 – лицо, мужской или женский пол, оказывает помощь кому-либо – «Ты, Мария, гибнущим *подмога*» [Э. Герштейн. Надежда Яковлевна (1998)]; «Главная *подмога* Мартиновны, Лельки-бригадирши брат, бухгалтер колхозный – головочка умная, лысая, недаром еще смолоду его Плешкой величали» [Б. Екимов. В степи (1998)]; *подмога* семема-2 – совокупность лиц, мужской или женский пол, оказывают помощь кому-либо – «Хоть и десяток их был, но все какая-то *подмога...*» [Слеза Аллаха (2003) // «Солдат удачи», 2003.03.12]; «Между тем подросла *подмога* – целых два автобуса частных охранников из агентства "Ветеран Афганистана"» [В. Мясников. Водка (2000)].

Анализ контекстного употребления многозначных лексем позволяет не только уточнить их семантические структуры с точки зрения включения в них сем совокупности или единичности лиц, но и выявить и зафиксировать вновь появляющиеся семемы, которые служат для обозначения наименований лиц. Например, в словарных дефинициях слов *криминал*, *позорище*, *накость* отсутствует их трактовка в качестве наименований лиц. Тем не менее, контекстуальные примеры позволяют сделать вывод о наличии такого рода семем в данных лексемах и принадлежности этих лексических единиц к исследуемому разряду лексики:

«Так что *криминал* к взлому двери отношения не имеет...» [О. Березовский. Сварщик из Астрахани станет нашим прокурором // «Калининградские Новые колеса», 2004.11.26] – единичное лицо или группа лиц, мужской или женский пол, относятся к преступному миру;

«Но этот путь тупиковый: рано или поздно власть обуздает *криминал*» [Конструктор для взрослых // «Калининградские Новые колеса», 2004.11.11] – совокупность лиц, мужской или женский пол, относятся к преступному миру;

«Олигархи – нувориши с неясным прошлым – это наше национальное *позорище*, которое мешает России войти в клуб развитых стран на равных»

[В. Новиков. Осень олигархов // «Санкт-Петербургские ведомости», 2003.03.15] – совокупность лиц, мужской или женский пол, навлекают своим поведением позор, бесчестье на кого-либо;

«Молчи уж, однорукий, – развернулась Ашхен. – *Позорище* мое» [А. Лазарчук, М. Успенский. Посмотри в глаза чудовищ (1996)] – единичное лицо, мужской или женский пол, навлекает своим поведением позор, бесчестье на кого-либо;

«Он знал, отлично знал людскую *пакость* и все ее разновидности: и дворянскую *пакость*, и революционную *пакость*, и чиновничью *пакость*» [Г. Орлов. Галерея масонских портретов // «Лебедь» (Бостон), 2003.08.04] – совокупность лиц, мужской или женский пол, делают пакости, вредят кому-либо.

Несомненно, для того чтобы опровергнуть или доказать наличие или отсутствие в полисемантических наименованиях лиц такой семемы, которая содержит сему, обозначающую совокупность лиц, компонентный анализ единиц данного корпуса лексики следует осуществлять с опорой на контекст. Так как релевантным может оказаться в таких случаях значение, основывающееся на одном из возможных «сценариев», то наличие некоторого потенциала возможных контекстов создает проблему точности (инвариантности) значения. Отметим, что тщательный и вдумчивый анализ контекстов и словарных дефиниций лежит в основе кропотливой и трудоемкой работы по описанию семантики наименований лиц, что позволяет в дальнейшем перейти к осуществлению основной цели контрастивных исследований – выявлению национальной специфики семантики лексико-фразеологических единиц исходного языка на фоне языка сопоставления.

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 4-е, стереотипное [Текст] / О.С. Ахманова. – М.: КомКнига, 2007. – 576 с.

Реформатский А.А. Введение в языковедение [Текст] / Под ред. В.А. Виноградова. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 536 с.

Большой толковый словарь рус. яз. [Текст] / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб: НОРИНТ, 2003 – 1536 с.

Национального корпуса русского языка [Электронный ресурс] / Электрон. дан. – Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН // w.w.w.ruscorpora.ru.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 4-е изд., дополненное. – М.: «ИТИ Технологии», 2003. – 941 с.

Особенности лексики, репрезентирующей оценочное восприятие географического пространства страны, в русской языковой картине мира

Как известно, при помощи слов не только называются отдельно взятые предметы и явления, но и выражается «определенное отношение к этим предметам и явлениям» (Шмелев 2006, с.163). Речь идет об *оценочной лексике*, которая реализуется с помощью слов, лексическим содержанием которых является обозначение эмоций: радости, тоски и др. (см. об этом: Шмелев 2006, с.163 – 168). По замечанию Е.В. Земской, явления оценки «занимают большое место в языке и жизни человека» (Земская 2006, с.41). Как справедливо отмечает Г.Н. Скляревская, «слово – не просто номинативная единица языка, но – сгусток эмоций, экспрессии, оценок...» (Скляревская 1997, с.166) и предлагает понимание оценки как «соотнесение выраженного словом понятия с уровнем аксиологической шкалы: «хорошо», «плохо» (там же, с.172). Обращение к понятию оценки в лингвокультурологических исследованиях аргументировано выявлением «посредством оценочных возможностей языка на лексическом уровне тех «неявных», «трудноразличимых», глубинных явлений, составляющих национально-культурное своеобразие русского языка» (Васильева 2001, с.109).

Так, в русской языковой картине мира представления о размере страны, который входит в сложную структуру географического фактора, реализуются с помощью параметрических прилагательных, непосредственно передающих представления о размере страны (*большой, огромный, широкий* и т. д.), лексики, опосредованно, образно передающей восприятие размера страны (*необъятный, беспредельный, простираться* и т. д.). Помимо названных лексических групп, зафиксирована лексика, в которой общее значение размера направлено на пространственный объект, однако она способна передавать «*чувства душевного подъема и спада*» (термин А.П. Евгеньевой, см.: «Словарь синонимов русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой), т.е. речь идет о лексемах, получающих дополнительные компоненты в зависимости от степени проявления размера. Следует отметить, что в лексике, называющей размер страны, сема «*большая*» получает дополнительный компонент, передающий *чувство душевного подъема* и транслирующий позитивную оценку большого пространства. Ср., например, по данным «Словаря синонимов русского языка» под ред. Л.П. Евгеньевой это чувство – *чувство душевного подъема* – передают такие понятия, как *раздолье, приволье, простор, ширь, даль*, а слова, имеющие противоположное значение, вызывают *чувство тоски*.

В МАС эти слова получают следующие толкования:

ДАЛЬ. 1. *только ед.* Далеко расположенное место (*разг.*). 2. Далекое пространство, видимое глазом (*книжн. поэт.*).

ПРИВОЛЬЕ. 1. Широкое просторное место, открытое свободное пространство. 2. *только ед., перен.* Свобода, отсутствие всякого стеснения, вольная жизнь.

ПРОСТОР. 1. Свободное, не стесненное ничем пространство. 2. Свобода, раздолье.

РАЗДОЛЬЕ. 1. Простор, широкое свободное пространство. 2. *перен.* Свободное, веселое времяпрепровождение, свобода поступать по-своему (*разг.*).

ШИРЬ. 1. Имеющий большое протяжение, пространный. 2. Охватывающий многое, обширный, большой, без ограничений, нестесненный. 3. Широкое пространство, простор.

Из толкований видно, что *простор*, *ширь* и т. д. – это большое пространство. Кроме того, во многих из лексем данного ряда развиваются переносные значения, отражающие особенности чувства, настроения (ср.: *приволье* – широкое просторное место, местность // полная свобода, вольная жизнь; *раздолье* – широкое свободное пространство // свобода поступать по-своему (*разг.*): *Ему теперь дома без родителей раздолье*).

В комментариях, помещенных в «Словаре синонимов русского языка» под ред. Л.П. Евгеньевой, перечисленные понятия представляют один синонимический ряд – *простор*, *ширь*, *даль*, *приволье*, *раздолье*, который употребляется, когда речь идет «об обширном свободном пространстве». Все эти слова имеют дифференциальные признаки. Ср.: **ширь** – ничем не ограниченный простор; **даль** обозначает обширное, далеко видимое пространство, как и лексема **простор**, часто употр. во мн. ч. (ср. *степные, морские просторы, дали*); **приволье** и **раздолье** в большей мере, чем другие лексемы, связываются с представлением о чувстве душевного подъема, ощущении простора, свободы. Все эти слова свойственны преимущественно приподнято-поэтической речи.

Лексика, называющая размер страны и содержащая дополнительный, оценочный компонент, стала предметом анализа лингвистов. Так, например, И.Б. Левонтина и А.Д. Шмелев пишут, что *простор* – одна из главных ценностей в русской картине мира и отмечают, что самое главное в *просторе* – это не зрительно воспринимаемая картина (хотя простор – это всегда зрительно воспринимаемое открытое пространство, чаще всего связанное с равнинным степным пейзажем или с чистым полем), а более сложный комплекс ощущений. Это понятие «исполнено не только любования, но и гедонистического восторга» (Левонтина, Шмелев 2005, с.66). А.В. Сергеева пишет, что «безграничность русской природы рождает в душе ощущение простора» (Сергеева 2006, с.66).

Перечисленные лексемы оценочного характера широко употребляются в художественных текстах. Как правило, в них чаще присутствует позитивная оценка большого государства. Ср: *В Ельце – городе моего детства – дома низкие, много неба, простора, вольности. Выпадет снег,*

и на всю зиму бело... А как радуешься первому санному пути, уходящему в **неведомую даль!** Строишь кругом и познаешь **русскую ширь**. (Н. Жуков, Из записей разных лет). А небо, а степь, **ширь, приволье** какое! Вот где жизнь! (Л. Раковский, Адмирал Ушаков). Вижу чудное **приволье**, вижу нивы и поля. Это **русское раздолье**, это русская земля! (русская народная песня «Вижу чудное приволье»). Чем-то чисто русским отзывалась вся эта картина **шири** и **раздолья**, небогатая красками, но полная **привольной** и вместе строгой красоты. (П. Боборыкин, В путь-дорогу...). Сюда, по новым им волнам, все флаги в гости будут к нам, и запируем на **просторе** (Пушкин, Медный всадник). Мы спускаемся с сеновала. От восхищения я чуть не вскрикиваю. Какая **неоглядная даль!** Далеко-далеко до самого горизонта катятся зеленые волны леса (И. Васильев, Земля русская) и мн. др.

Иногда подобная лексика выражает неоднозначную и даже отрицательную оценку размера страны. Ср.: *Русь! ... Онемела мысль перед твоим пространством. Что пророчит сей необъятный простор?* (Гоголь, Мертвые души). И знакомые взору **просторы** уж не так под луной **хороши**. Буераки, пеньки... косогоры **обпечалили русскую ширь** (Есенин, Этой грусти теперь не рассыпать). Пустыня, **грусть в степных просторах**. Синют тучи. Скоро снег. Леса на дальних косогорах как желто-красный лисий мех. Под небом низким, синеватым вся эта **сумрачная ширь** и пестрота лесов по скатам **угрюмы**, дики, как Сибирь (Бунин, Пустыня).

Противоположное чувство – чувство тоски, душевного спада – вызывает тесное, узкое пространство.

Лексема *тоска* часто ассоциируется с *тоской по родине*. В словарных статьях часто приводится сочетание *тоска по родине* (ср.: в «Толковом словаре» С.И. Ожегова *тоска* – «Душевная тревога, соединённая с грустью и скукой. *Т. по родине. Наводить тоску. Предсмертная т. Т. берёт*»), однако многие исследователи (А. Вежбицка, И.Б. Левонтина, Л. Муллагалиева, В.М. Соловьев, А.Д. Шмелев и др.) связывают это понятие с теснотой, отсутствием простора.

Следует отметить, что *широта, беспредельность* пространства в русском языковом сознании вызывает сложные ощущения и настроения, чем и осложняется семантика анализируемой группы лексики. С одной стороны, это *раздолье, приволье, радость от простора*. С другой стороны *широкое пространство, невидимость границ* вызывает чувство тоски. Следовательно, перечисленный ряд понятий способен вызывать различные чувства (от душевного подъема до спада), однако всегда содержат ту или иную оценку и нередко сопровождаются неоднозначными эмоциями. Кроме того, высказывания исследователей, примеры из художественных произведений, данные лексикографических источников позволяют заключить, что данные лексемы представляют ценностную значимость в русском национальном сознании. Перечисленные особенности анализируемой лексики требуют учета в

процессе учебно-познавательной деятельности иностранных студентов на занятиях РКИ.

Васильева Г. М. Национально-культурная специфика семантических неологизмов: лингвокультурологические основы описания. СПб, «Сударыня», 2001.

Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. А.Д. Шмелева. – М.: Языки славянской культуры, 2001.

Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. – М.: Языки славянской культуры, 2005.

Земская Е. А. Русская разговорная речь. Лингвистический анализ и проблемы обучения: Учебное пособие / Е.А. Земская. – 4-е изд., испр. – М.: Флинта: Наука, 2006.

Муллагалиева Л. К. Концепты русской культуры в межкультурной коммуникации: Словарь / Элективный курс для 10 – 11 классов школ гуманитарного профиля. М.: Ладомир, 2006.

Сергеева А. В. Какие мы русские? (100 вопросов – 100 ответов). Книга для чтения о русском национальном характере / А.В. Сергеева. – М.: Русский язык. Курсы, 2006.

Скляревская Г. Н. Оценка в современном русском языке // *Stadia Slavica Finlandensia*. Tomus XIV, Helsinki, 1997.

Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981 – 1984.

Словарь синонимов русского языка: В 2-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. – Л.: Наука, 1970.

Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика. Изд. 4-е, стереотипное. – М.: КомКнига, 2006.

Н.В. Федотова

Гендерная специфика концепта «отдых»

(по данным свободного ассоциативного эксперимента)

Нами было проведено исследование концепта методом свободного ассоциативного эксперимента. В эксперименте приняли участие 309 жителей г.Воронежа, представителей разных возрастных групп. Среди них 136 мужчин и 173 женщины.

Испытуемым предлагалось записать первое слово, пришедшее в голову во время эксперимента, на следующие стимулы: *время, музыка, дети, пустыня, тюльпан, отдых, жизнь, красивый, дверь*.

Результаты эксперимента

Отдых 309 – море 60, пляж 13, лето 12, каникулы 9, на море 7, сон 7, спать 7, природа 6, солнце 6, хорошо 6, отпуск 5, Сочи 5, дом 4, друзья 4, работа 4, речка 4, рыбалка 4, вода 3, лень 3, пиво 3, путешествие 3, труд 3, юг 3, активный 2, весело 2, веселье 2, всегда 2, выходные 2, диван 2, жизнь 2, лес 2, мечта 2, музыка 2, океан 2, приятно 2, радость 2, расслабление 2, секс 2, спокойствие 2, спорт 2, счастье 2, телек 2, турбаза 2, удовольствие 2, вечеринка, белый песок, бухать, в Англии, в деревне, время, все время, выходной, Гавайи, гармония, горы, дача, длинный, еда, желанный, за границей, за рубежом, зло, кайфовый, камеди клуб, кирпич, клевый, книга, компания

физиков, компьютер, короткий, красивый, круиз, круто, Крым, лагерь, лазурное небо, лафа, легко, лежать, летом, лучший, любовь, мало, Мальдивы, мать, море, любовь, море, пальмы, моря и океаны, на юге, наслаждение, настроение, незабываемый, необходимо, ничегонеделание, нужен, обалдеть, отлично, отрыв, палатка на берегу, пальмы, песок, пляжный зонтик, пляжный лежак, погружаться, покой, постоянный, пруд, работать, развлечения, расслабиться, расслабление, релаксация, санаторий, свободное время, Север, секс, спокойный, танцы, телевизор, тишина, у моря, удача, Украина, уставать, футбол, халява, хороший, хотя бы, просто поспать, черное море, читать, шашлык, шезлонг на берегу моря.

Полученные результаты были обработаны методом прямой когнитивной интерпретации (Попова, Стернин 2007, с. 203). Ассоциаты интерпретировались как языковые репрезентации определенных когнитивных признаков, образующих содержание концепта. Ассоциаты, близкие по своему семантическому содержанию, обобщались в интегральный когнитивный признак, который формулировался словесно. Для наименования формулируемого когнитивного признака выбиралось наименование наиболее частотной реакции или наиболее нейтральное в стилистическом отношении слово.

Проведенный эксперимент позволил ранжировать ответы испытуемых по яркости, то есть по их относительной силе, очевидности для языкового сознания носителей языка. Для каждого когнитивного признака, выделенного экспериментально, может быть вычислен индекс яркости (далее – ИЯ) как отношение числа ии, выделивших данный признак к числу участников эксперимента (Левицкий, Стернин 1989, с. 96). В результате мы получили следующую модель содержания исследуемого концепта:

Ядро

Когнитивные признаки – лексические объективации	ИИ
на море – море, на юге, у моря, черное море, шезлонг на берегу моря, юг, Сочи, вода, море, пальмы, моря и океаны, Крым	0,29

Ближняя периферия

на пляже – пляжный зонтик, пляжный лежак, белый песок, песок, пальмы	0,06
спать – сон, хотя бы просто поспать	0,06
лето – летом	0,04
хорошо – хороший, клевый, кайфовый, лучший, обалдеть, отлично, круто, удача	0,04
необходим после работы – работать, труд, уставать	0,03
каникулы – каникулы	0,03
солнце – солнце	0,02
радость – радость, счастье, удовольствие	0,02
на природе – природа	0,02
на диване – диван, лежать, лень	0,02
с друзьями – друзья, компания физиков	0,02

Дальняя периферия

спокойствие – спокойствие, спокойный, покой	0,01
смотреть телевизор – телевизор, телик, камеди клуб	0,01
рыбачить – рыбалка	0,01
на речке – речка	0,01
дома – дом	0,01
все время – все время, всегда, постоянный	0,01
весело – весело, веселье	0,01
активный – активный, спорт	0,01
расслабление – расслабление, расслабиться, релаксация	0,01
путешествовать – путешествие	0,01
пить пиво – пиво	0,01
слушать музыку – музыка	0,01
в выходные – выходные, выходной	0,01
за границей – за границей, за рубежом, в Англии	0,01
на турбазе – турбаза	0,006
заниматься сексом – секс	0,006
иметь свободное время – свободное время, время	0,006
приятный – приятно	0,006
на океане – океан	0,006
необходимый – необходимо, нужен	0,006
мечтать – мечта	0,006
в лесу – лес	0,006
читать – книга, читать	0,006
жить – жизнь	0,006
есть – еда, шашлык	0,006
на островах – Мальдивы, Гавайи	0,006
недостаточный – мало, короткий	0,006

Крайняя периферия

бесплатный – халява	0,003
смотреть футбол – футбол	0,003
на Украине – Украина	0,003
в тишине – тишина	0,003
танцевать – танцы	0,003
на Севере – Север	0,003
в санатории – санаторий	0,003
развлекаться – развлечения	0,003
на пруду – пруд	0,003
отдаваться полностью – погружаться	0,003
в палатке – палатка на берегу	0,003
буйный – отрыв	0,003
ничего не делать – ничегонеделание	0,003
незабываемый – забываемый	0,003
иметь хорошее настроение – настроение	0,003
наслаждаться – наслаждение	0,003
с семьей – мать	0,003

любовь – любовь	0,003
легкий – легко	0,003
лафа – лафа	0,003
хорошая погода – лазурное небо	0,003
в лагере – лагерь	0,003
в круизе – круиз	0,003
красивый – красивый	0,003
играть в компьютер – компьютер	0,003
желанный – желанный	0,003
продолжительный – длинный	0,003
на даче – дача	0,003
в горах – горы	0,003
гармоничный – гармония	0,003
на вечеринке – вечеринка	0,003
в деревне – в деревне	0,003
бухать – бухать	0,003

Анализ структуры концепта *отдых* показывает, что концепт в языковом сознании ИИ – жителей Воронежа разных возрастных групп – имеет ярко выраженное ядро (*на море*), не менее яркую ближнюю периферию (*на пляже, спать, лето, необходим после работы, каникулы, хорошо, солнце, радость, на природе, отлично, на диване, с друзьями*), а также разнообразные по содержанию и оценке дальнюю и крайнюю периферию, что свидетельствует о высокой когнитивной ценности и коммуникативной релевантности данного концепта в сознании испытуемых.

Выявление гендерных особенностей исследуемого концепта может быть проведено по трем параметрам: наличие/отсутствие гендерно специфичных когнитивных признаков, различие яркости совпадающих когнитивных признаков, различие в ранге когнитивных признаков в мужском и женском языковом сознании (различие в полевой организации концепта в гендерной концептосфере).

Яркость мужских и женских признаков совпадает или близка:

спать	0,05	0,06
хорошо	0,02	0,02
солнце	0,01	0,02
радость	0,01	0,02
спокойствие	0,02	0,01
с друзьями	0,01	0,02
рыбачить	0,02	0,01
на речке	0,01	0,01
дома	0,01	0,01
все время	0,02	0,01
активный	0,01	0,01
расслабление	0,01	0,02
путешествовать	0,01	0,01
слушать музыку – музыка	0,01	0,01
приятный	0,01	0,01

на океане	0,01	0,01
мечтать	0,01	0,01
в лесу	0,01	0,01
за границей	0,01	0,01
жить	0,01	0,01

Более яркими являются мужские признаки:

необходим после работы	0,05	0,01
каникулы	0,04	0,02
на природе	0,03	0,01
отлично	0,04	0,01
на диване	0,03	0,01

Более яркими являются женские признаки:

на море	0,19	0,34
на пляже	0,04	0,07
лето	0,02	0,06

Чисто мужские когнитивные признаки

Необходимый, есть, бесплатный, смотреть футбол, в тишине, на Севере, в палатке, с семьей, любовь, легкий, лафа, хорошая погода, в лагере, в круизе, играть в компьютер, продолжительный, гармония – 0,01.

Чисто женские когнитивные признаки

Весело – 0,02, на турбазе, иметь свободное время, читать, на Украине, танцевать, в санатории, развлекаться, на пруду, отдаваться полностью, буйный, ничего не делать, незабываемый, иметь хорошее настроение, наслаждаться, красивый, желанный, на даче, в горах, на вечеринке, в деревне, бухать – 0,01.

Анализ гендерной специфики концепта *отдых* показывает, что для мужского когнитивного сознания более существенными являются признаки *необходим после работы, каникулы*, которые говорят о большей степени рациональности мужского языкового сознания. Отдых *на диване* чаще представляют себе мужчины. Признаки *на природе, отлично* также ярче выражены по представлениям мужчин. В когнитивном сознании женской половины испытуемых *отдых* представлен следующими характерными признаками: *на море, на пляже, лето*. Это говорит о предпочтениях женщин пляжного отдыха.

Левицкий В.В. Экспериментальные методы в семасиологии / В.В. Левицкий, И.А. Стернин. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1989. – 193 с.

Попова З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 314 с.

Федотова Н.В. Гендерный аспект концепта «отдых» / Н.В. Федотова // Значение. Смысл. Концептосфера. Межвузовский сборник научн. трудов. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 120–131.

Чан Тхи Нау

Фитонимы «берёза» и «бамбук» в русской и вьетнамской лингвокультурах

Лингвокультурный потенциал концепта дерева объясняется его этнолингвистической природой, связанной с нормами бытования социума. Такие деревья как берёза и бамбук играют особую роль в культурах России и Вьетнама, а соответствующие им лексемы являются самыми популярными фитонимами в русском и вьетнамском языках. Ввиду этого сопоставление образов этих деревьев представляется актуальным для задач лингвокультурологии.

Как известно, в русской культуре берёза является традиционным национальным деревом, которое символизирует родину. Берёза в русском сознании воплощает девственную красоту, верность. Это дерево связано с образом женщины, с такими особенностями женской натуры, как хрупкость и выносливость, застенчивость и открытость.

С давних времен берёза связана с бытом русского человека: она освещала жилище (лучина); согревала (березовые дрова); мыла (веник, с которым ходили в баню); лечила (березовый сок исстари ценился и как лакомство, и как целительный напиток).

Слово «берёза» используется во многих устойчивых словосочетаниях *любить до самой берёзки* (любить до самой смерти); *накормить берёзовой кашей* (наказать); *стройная как берёза* (о красивой девушке).

Берёза не только согревала, освещала, мыла, но и украшала. В давние времена новый год начинался не ёлкой, а берёзой. «Берёзовый» новый год существовал до середины XIV века (до 1343 г.), когда начало года было перенесено на сентябрь, на время сбора урожая.

В некоторых праздниках, народных песнях и хороводах использовались березовые ветки. Праздник берёзки сохраняется и до настоящего времени. Традиционной является роль берёзы и в свадебных обрядах. Березовая ветка – это знак согласия девушки выйти замуж, а ветка сосны, ели или дуба обозначает отказ. Берёза словно осеняет всю жизнь русского человека. Берёза у могил на русских кладбищах, погостах. Под берёзой плакали, берёза видела слезы. Так в русской культуре сложился особый образ - *плакучая берёзка*. Действительно, берёза «плачет», когда в ней начинается движение сока, который идет от корней вверх по стволу и капельками просачивается через кору.

О распространении берёзы на русских землях говорят многочисленные названия сёл и рек, а также название местности. Обычны и русские фамилии, производные от слова «берёза»: *Берёзкины, Березины, Березовы...*

Символические значения берёзы в русской культуре чрезвычайно разнообразны. Они относятся к традиционным праздникам, приметам, поверьям и быту нации. Береза включалась в разнообразные магические обряды еще с дохристианских времен. В сознании русского народа существуют приметы, связанные с берёзой: *Из берёзы течет много сока – к дождливому лету; когда береза перед ольхой лист распустит, лето будет сухое, если ольха первая – мокрое* и др.

В художественной литературе берёза имеет множество символических и метафорических значений, такие как родина, молодость, ожидание, радость, тревога, женская нежность, хрупкость, верность, стойкость, невеста, жена, девушка, солдат и др.

Опираясь на материалы «Русского ассоциативного словаря» Ю.Н. Караулова, можно отметить, что понятие «берёза» связано в сознании носителей русского языка, прежде всего, с природой, с родиной (Россией), а также с женским образом (красота, стройность, нежность).

В русском языке и русской литературе берёза имеет такие ласковые уменьшительные формы: *берёзка, берёзонька, берёзынька*.

Берёза отсутствует во вьетнамской природе, однако во вьетнамской лингвокультуре большую роль играет образ другого дерева – бамбука. Во вьетнамской культуре бамбук – это символ родины, ее стойкости и несгибаемости. Бамбук – стройный, крепкий, стремящийся вверх – часто напоминает стройную мужественную вьетнамскую женщину. Это дерево используется во всех сферах жизни и деятельности вьетнамцев: вьетнамец родился и вырос в доме из бамбука, гулял под бамбуком и ходил в школу через бамбуковый мостик.

В древние времена бамбук использовался в строительстве малоэтажных домов. Из бамбука делают домашнюю утварь, предметы мебели, лодки, мосты, паркетные доски, корзинки и кашпо, дачную мебель, жалюзи и шторы, удилища для рыбалки, палочки для еды, трубки для курения, удочки, корзины для риса и рыбы, посуду, музыкальные инструменты, игрушки, шляпы, веера и многое другое.

Бамбук не только участвует в строительстве, но и в войне против иностранных захватчиков: бамбуковые стрелы являлись активным оружием для победы над врагами.

Во вьетнамском языке многие словосочетания и фразеологизмы включают слово «бамбук»: (*cau tre*) *бамбуковый мост*, (*dua tre*) *бамбуковые палочки*, (*mang tre*) *бамбуковые побеги*, которые являются традиционным продуктом и эмблемой вьетнамских пионеров; *бамбуковый суп* (*bun mang*) и *салат* (*nom mang*) традиционные блюда; *бамбуковая ручка* (первоначально это словосочетание было псевдонимом известного писателя-юмориста, отсюда во вьетнамском современном фольклоре

появилось название особого вида стихов (*tho but tre* - забавные стихи) или стихи бамбуковой ручки. Известно выражение «*tre gia, mang moc*» (бамбук стареет, побеги растут), свидетельствующее о непобедимости вьетнамского народа.

Как и берёза в русской культуре, бамбук во Вьетнаме определяет сквозную тему различных видов искусства: литературы, живописи, музыки. В поэтических произведениях образ бамбука используется как символ родины, родной природы. Прямой и стремящийся вверх бамбуковый побег символизирует важные для вьетнамцев черты характера – честность и независимость.

В сознании народа бамбук носит ритуальный характер. Так, существует обычай установки высокого бамбукового шеста (*cau neu*) перед домом 30 января по лунному календарю. Этот бамбуковый шест стоит перед домом до 7 января. Считается, что бамбуковый шест (*cau neu*) отгоняет злых духов.

Во Вьетнаме бамбук произрастает практически по всей стране. Он растет и на равнинах, и высоко в горах, и на склонах холмов, и в поймах рек. На тех местах, которые во время войны американцы особо обильно отравляли диоксидом, деревья не растут, но бамбук растет, что свидетельствует о его высокой стойкости и силе. Цветение бамбука происходит крайне редко, раз в 80-100 лет, после чего надземная часть растения отмирает, корни, однако, продолжают давать молодые побеги. Во Вьетнаме выращивают бамбук как в промышленных, так и в эстетических целях.

Поскольку бамбук является одним из основных символов Вьетнама, он весьма часто упоминается в легендах, сказках, летописях, художественных произведениях, а также в различных пословицах и изречениях. Стебли бамбука, ровные и прямые вызывают ассоциации с честностью, принципиальностью и волей благородных людей. Образ бамбука воспевается во многих литературных произведениях и в других видах искусства, занимая важное место во всей вьетнамской культуре.

Исходя из анализа лингвокультурологических особенностей фитонимов «берёза» и «бамбук», можно выделить определенные сходства и различия между ними.

Сходства: каждое из этих деревьев произрастает практически по всей территории страны; как «берёза», так и «бамбук» с древних времени широко использовались в быту; оба дерева используются в обрядовой культуре; «берёза» и «бамбук» - популярные образы национальной литературы и искусства; оба фитонима часто связываются с образом женщины, девушки.

Различия: бамбук цветёт, берёза нет; бамбук – символ стойкости, а берёза – символ хрупкости, гибкости; берёзовый сок используется в народной медицине и в кулинарии. Бамбук в медицине не используется, в качестве пищи используются бамбуковые побеги; бамбук является и

популярным декоративным комнатным растением, берёза же в комнатных условиях не растёт.

Таким образом, берёза и бамбук создают в русской и вьетнамской культурах особые национальные образы, которым принадлежит исключительная роль в обрядовой культуре, фольклоре, литературе, искусстве. Знания о них дают возможность лучше глубже познать другую и собственную культуру в процессе изучения иностранного языка.

Брагина А.А. Лексика языка и культура страны: изучение лексики в лингвострановедческом аспекте. М., 1986.

Брагина А.А. в истории слова (на комментарии английского языка). М., 1989.

Чинь Тхи Ким Нгок. Русская национальная картина мира в сопоставлении с вьетнамской. // Русский язык за рубежом № 4, 1999.

Huu Ngoc, Lady Borton. Cay tre - Bamboo (Vietnamese culture). Nha xuất bản The gioi, 2006 (на вьетнамском языке).

Ян Лю

Состав лексико-семантических групп наименований профессий в русском и китайском языках

Как известно, сфера профессиональной деятельности является чрезвычайно широкой, а число наименований профессий в различных лексикографических источниках и справочниках достигает нескольких тысяч. Однако определение объёма ЛСГ наименований профессий в учебных целях требует его значительного ограничения. Представляется, что с этой целью необходимо опираться на различные критерии отбора материала.

Анализ «Системы лексических минимумов современного русского языка» под редакцией В.В. Морковкина, состоящей из ряда списков «самых важных русских слов», позволил выявить наиболее употребительные наименования профессий: лексема *врач* содержится в первом списке «500 самых важных слов»; 5 наименований профессий *артист, врач, инженер, писатель, учитель* – во 2-м списке «1000 самых важных русских слов» и 43 лексемы (*адвокат, актёр, артист, ведущий, водитель, врач, дирижёр* и др.) - в 3-ьем списке «1500 самых важных русских слов». Т.образом, согласно «Системе лексических минимумов современного русского языка» под редакцией В.В. Морковкина, ядро ЛСГ наименований профессий составляют 49 лексем.

В «Лексическом минимуме по русскому языку как иностранному (I сертификационный уровень общее владение)» 2000 г. содержится 54 наименования профессий (*артист, артистка, архитектор, балерина* и др.). Лексический минимум по русскому языку как иностранному (II сертификационный уровень общее владение) 2009 г. содержит большее число наименований профессий (63 слова).

Таким образом, в «Системе лексических минимумов современного русского языка» по сравнению с «Лексическим минимумом II-го сертификационного уровня» отсутствуют 19 наименований профессий: *археолог, библиотечкарь, бизнесмен, геолог, гид, дворник, диктор, кассир, медсестра, музыкант, охранник, политик, рабочий, стюардесса, таксист, уборщица, футболист, хирург*). Также сравнение показало, что в системе лексических минимумов зафиксированы 12 наименований профессий, которых нет в лексическом минимуме II-го сертификационного уровня: *ведущий, водитель, кассир, милиционер, охотник, рыбак, садовник, учёный, фермер, шахматист, эколог, экономист*.

Методические цели требуют обращения к материалам, дающим представление о популярности и актуальности тех или иных профессий в настоящее время. Так, в материалах московской международной конференции «Новые профессии» было выделено 37 слов, называющих новые и популярные профессии: *менеджер, нотариус, бухгалтер, банковский служащий, бармен, переводчик, оператор ЭВМ, дистрибьютер, косметолог, парикмахер, визажист, швея, портной, декоратор, дизайнер, электрик, маляр, телохранитель, губернатор, астролог, экстрасенс, пекарь, винодел, монтажник, столяр, скорняк, печатник, воспитатель, психотерапевт, дантист, массажист, домашний доктор, фотомодель, фотограф, рекламный агент, автомеханик, ювелир*.

Сравнение лексических минимумов по русскому языку как иностранному позволило выделить **ядро лексико-семантической группы наименований профессий**, которые должны стать предметом обучения РКИ (112 слов).

В китайском языке по данным «Современного китайского словаря» 2002г. ЛСГ наименований профессий составляет 1989 единиц. При огромном количестве соответствий названий профессий в русском и китайском языках отмечены некоторые несовпадения и лакуны. Так, например, профессия дегустатора чая, очень популярная в Китае, не распространена в России, а профессии гардеробщика, кондуктора и др., которые распространены в России, не востребованы в Китае и потому не имеют соответствующих обозначений в китайском языке. Это обусловлено тем, что в Китае нет понятия гардероба, т.е. места, где люди оставляют верхнюю одежду, а также тем, что в Китае изменился порядок обслуживания пассажирского транспорта. В последнее время оплата проезда в большинстве города Китая осуществляется без кондуктора, а функции кондуктора выполняет водитель общественного транспорта.

Для определения ядра этой многочисленной группы нами был проведен интернет-опрос среди носителей китайского языка, в котором приняли участие около 100 человек различного возраста, имеющих разные профессии. Участникам опроса было предложено назвать самые популярные и престижные профессии в Китае. Самыми популярными

профессиями оказались врач, учитель, преподаватель, продавец, повар, секретарь, менеджер, журналист, инженер, переводчик, спортсмен и др. Показательно, что в списке популярных профессий, названных носителями русского языка, не оказалось профессии учителя, преподавателя, инженера и повара, которые были названы как наиболее популярные носителями китайского языка.

Таким образом, при определении ядра ЛСГ наименований профессий в учебных целях необходимо учитывать особенности внеязыковой действительности (рейтинг и популярность профессий), собственно лингвистические критерии отбора (например, критерии частотности, лакуарность и др.), а также принцип методической целесообразности (который реализован в лексических минимумах по РКИ).

Лексический минимум по русскому языку как иностранному. I сертификационный уровень общее владение. – М., СПб, 2000.

Лексический минимум по русскому языку как иностранному. II сертификационный уровень общее владение. – М.-СПб, 2009.

Новые профессии. Международная конференция. – М., 1993.

Система лексических минимумов современного русского языка. /Под ред. д.ф.н., проф. В.В.Морковкина. – М., 2003.

Современный китайский словарь.- Пекин, 2002.

Художественный текст

Н.Л.Лынова

Альтернатива как текстообразующая категория в Слове «Въ великийи четвертъкъ» Иоанна Златоуста

Для лингвистики текста одним из центральных понятий является понятие модели, под которой мы подразумеваем множество, представляющее собой упорядоченную последовательность тех или иных речевых знаков (Лосев 2004, с.22). Это «множество» как сопутствующее модели понятие есть едино-раздельная целостность, в которой все ее элементы демонстрируют эту целостность в ее конкретном обнаружении. Эти элементы образуют не парадигму, в которой все члены выступают на равных, и не поле, в котором одни члены являются ядерными, другие периферийными, а именно множество, в котором любой его член может вступать в системные отношения пересечения, наложения и дополнения с членами других множеств (Припадчев 2005, с.5). Под элементом множества в свою очередь мы понимаем такую его часть, которая рассматривается в свете этого множества как некая целостность.

Понятие синтагмы, наиболее употребительного термина при анализе текстообразующих моделей, восходит к лингвистическому учению Фердинанда де Соссюра, который под синтагмой понимал последовательность двух (или более) языковых единиц (морфем – «перечитать», слов – «старый дом», словосочетаний, предложений), соединенных определенным типом связи (например, определительной) (Соссюр 2006, с. 121). Л. В. Щерба определял синтагму как фонетическое единство, выражающее единое смысловое целое в процессе речи-мысли: «Фраза может распадаться на отрезки, характеризующиеся легким усилием ударения последнего слова и выражающие в данном контексте одно (хотя бы и сложное) понятие. Эти отрезки некоторые называют речевыми тактами, а некоторые синтагмами. Первое название имеет в виду, прежде всего, ритмическую природу этих отрезков, а второе – подчеркивает смысловое единство каждого из них» (Щерба 1963, с. 55).

В своем исследовании в понятие синтагмы мы вкладываем смысл, заключенный в определении В. В. Виноградова, писавшего, что синтагма – это семантико-синтаксическая единица речи, соотносительная с другими окружающими ее однородными единицами и выражающая единое (хотя и сложное) понятие в контексте целого высказывания (Виноградов 1975, с. 151).

В статье рассматривается функционирование такой семантико-структурной модели, как альтернатива, выявляются средства выражения этой модели и приводятся соответствующие примеры. Если помимо альтернативы присутствуют и другие модели, то и средства их выражения также демонстрируются. Кроме того, в статье комментируются смыслы, транслируемые альтернативой. Выбор альтернативы для исследования обусловлен двумя факторами:

1) при анализе Слова была выявлена яркая особенность: в тексте отчетливо выделяются вводная, заключительная часть и четыре основные, семантическое пространство которых центрировано значением противопоставления;

2) синтагмы, предъявляющие альтернативу, расположены дистантно, и содержание инициальных синтагм почти дословно воспроизводится последующими. Эти повторы указывают на то, что содержание этих синтагм является главным в данной части текста, а располагающиеся между синтагмами эпизоды служат более детальному раскрытию основной темы.

Альтернатива как способ организации текста глубоко проникает в его вертикаль и получает статус ведущей модели, интегрирующей семантическое пространство: протяженность логомагистрали в первом фрагменте измеряется пятью употреблением противопоставлений, а во втором, третьем и четвертом – тремя употреблением. Текст примеров представляется в упрощенном варианте шрифта, который максимально сохраняет орфографию оригинала.

- **ЧЛВКОЛЮБИЯ БО РАДИ БЫСТЬ НЕБО А НЕ ПОТРЕБЫ РАДИ БЖИЯ •**
- **ТОГО РАДИ НБСА ИСПОВЕДАЮТЬ НЕ ПОТРЕБОУ БЖИЮ НА СЛАВОУ БЖИЮ •**
- **БЫСТЬ БО НБО НА СЛАВОУ БОУ НА ПОТРЕБОУ ЖЕ НАМЪ ДА СЛНЦЕ СВЕТИТЬ НАМЪ •**
- **ВЪСЕ БО БЫСТЬ НА СЛАВОУ ОУБО ТОМОУ НАМЪ ЖЕ НА ПОТРЕБОУ •**
- **ВЪСЕ ОУБО БЫСТЬ НЕ ПОТРЕБЫ РАДИ БЖИЯ НЪ НА ПОТРЕБОУ НАШЮ •**

(«Успенский сборник XII-XIII вв.» - М., 1971, стр. 339-341)

Семантическое пространство первого отрывка организовано альтернативой, которую представляет цепь релятивов **А - НЕ; НЕ - НА; ЖЕ; ЖЕ; НЕ - НЪ**. Помимо альтернативы оно интегрируется фактоцентрацией и каузацией. Фактоцентрация выявляется серией глаголов **НАЧАСЯ – БЫСТЬ – БЫСТЬ – БЫСТЬ**. Каузацию демонстрирует серия коннекторов **БО – БО – ОУБО - ОУБО**.

В этом фрагменте мы видим отвержение учения, объясняющего причину творения потребностью Бога (возможна полемика с неоплатоническим учением об эманациях, т. е. об истечении Единого в мир, так что мир оказывался тем же самым Абсолютом, но только на известной ступени развития). Автор утверждает обратное: мир сотворен не по необходимости, Бог не нуждается в творении.

- **ЯКО ИЖЕ ВЪ ОБРАЗЕ БЖИИ ВЪ ОБРАЗЕ РАБИИ БЫСТЬ •**
- **НЕ ПРЕМЕНИВЪ ДОСТОИНЬСТВА НЪ ОУЯШНЯЯ ЧЛВЕКОЛЮБИЕ •**
- **НЕ ВЪСХЫЩЕНИЯ МЪНЕВЪ СЕ ЖЕ БЫТИ РАВЬНОУ БОУ •**
- **НЪ САМЪ СЯ СЪМЕРИ ОБРАЗЪ РАБИИ ПРИИМЪ •**
- **НЕ ОХОУЛЯЯ ДОСТОИНЬСТВА НЪ ПОКАЗАЯ БЕЩИСМЕНЬНОЕ ЧЛВКОЛЮБИЕ •**

(«Успенский сборник XII-XIII вв.» - М., 1971, стр. 341-342)

Во втором фрагменте альтернатива демонстрируется серией релятивов **НЕ - НЪ - НЕ - НЪ - НЕ - НЪ** и серией сопоставлений:

1) причастий: **ПРЕМЕНИВЪ - ОУЯШНЯЯ - ОХОУЛЯЯ - ПОКАЗАЯ;**

2) существительных: **ДОСТОИНЬСТВА - ЧЛВКОЛЮБИЕ.**

Анализ можно начать с центрального противопоставления:

НЕ ВЪСХЫЩЕНИЯ МЪНЕВЪ - НЪ САМЪ СЯ СЪМЕРИ

Эти слова являются цитатой из Послания апостола Павла к Филиппийцам. В ней дается картина Божественного кенозиса: Христос, будучи по естеству владыкой, стал по другому естеству рабом.

Крайние оппозиции почти дословно повторяют друг друга. Их левые члены отрицают мысль, по которой Воплощение влечет за собой ущербность Божества. Правые же члены утверждают, что Бог, воплощаясь, этим действием проявляет свое человеколюбие.

- НЕ ПРЯЩЕ СЯ НЪ ТРЕПЕЩЮЩЕ •
- ПРОТИВОУ БО НЕ БЕАШЕ ЛЪЗЕ ОТРЕЩИ ВЛАДЫЩЕ
-
- ПОДОБА БО ТАКОМУ БЫТИ ДОБРОЧЪСТИВОУ ОУМОУ •
- НЕ НЕСЪВРАТНОУ БЫТИИ О СОУДЕХЪ БЖИИХЪ НЪ ОУСТОУПАТИ БОЖИЮ ХОТЕНИЮ •
- ДА НЕ ПРЕДОЛЕЕТЪ ЧЛВЧЪСКА ПЪРЯ НЪ ДА ПРЕДОЛЕЕТЪ БЖИЕ ХОТЕНИЕ •

(«Успенский сборник XII-XIII вв.» - М., 1971, стр. 342-343)

В третьем фрагменте альтернатива выявляется серией коннекторов **НЕ - НЪ - НЕ - НЪ - НЕ - НЪ** и серией противопоставлений (причастий **ПРЯЩЕ - ТРЕПЕЩЮЩЕ**; существительных **ПЪРЯ - ХОТЕНИЕ**) и осложняется каузацией (релятивы **БО-БО**) и аксиоценрацией (релятивы **ДА-ДА**).

Содержанием синтагм отрывка является мысль о том, что человеческая активность должна уступить Божественной активности:

- НЕ ТЪЧИЮ НОЗЕ МОИ НЪ И РОУЦЕ И НОЗЕ И ГЛАВОУ •
- НЕ СКВЪРНОУ ТЪЧИЮ ОЧИЩАЯ НЪ И СИЛОУ ВЪЛАГАЯ •
- ЯКО НЕ ЧЛВКЪ ОУМЫ ТЪЧИЮ НЪ И БЪ ПРИМЪСИ СЯ •

В четвертом фрагменте альтернатива демонстрируется коннекторами **НЕ - НЪ - НЕ - НЪ - НЕ - НЪ** и серией сопоставлений:

- 1) причастий: **ОЧИЩАЯ - ВЪЛАГАЯ**;
- 2) существительных: **СКВЪРНОУ - СИЛОУ - ЧЛВКЪ - БЪ**.

Рассмотрев в рамках данной статьи участие альтернативы в текстообразовании Слова **«ВЪ ВЕЛИКЫИ ЧЕТВЪРТЪКЪ»**, представляется возможным сделать следующий вывод. Изучение функционирования семантико-структурных моделей помогает адекватной интерпретации смыслов, содержащихся в анализируемых текстах.

Посредством этой категории выявляются специфические черты антиномической системы мышления византийских теологов. Так, В. В. Бычков, анализируя эти особенности, пишет: «Многочисленные молитвы, гимны и песнопения часто в художественной форме развивали, поясняли и иллюстрировали основные догматические формулы. В высокохудожественных образцах культовой поэзии догматические антиномии нередко преобразуются в систему художественных оппозиций» (Бычков 1977, с. 48).

Основу византийской гносеологии составляет антиномичная идея-познание, постижение непознаваемой трансцендентной первопричины - Бога. Христианская мысль, опираясь на художественно-мифологические принципы, пришла к использованию противоречий логического мышления как основополагающего принципа гносеологии. Возникла развернутая система мышления, в основе которой лежало утверждение равноправного существования взаимоисключающих суждений.

«Здесь мы сталкиваемся с тем способом описания реальности, с которым европейская философия столкнулась в XX в., благодаря квантовой физике, в которой было построено описание света как одновременно потока частиц и волн электромагнитного поля. Такие взаимоисключающие, но одинаково истинные описания реальности называются на языке современной философии «дополнительными» в смысле принципа дополнительности Н. Бора» (Лурье 2006, с. 67).

Под влиянием новой системы миропонимания изменилась и вся система поэтики. Глубокая внутренняя оппозиционность стала ее ведущей доминантой и была обострена до предела.

Бычков В. В. Византийская эстетика. – М., 1977

Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М., 1975.

Лосев А.Ф. Введение в общую теорию языковых моделей. – М., 2004

Лурье В.М. История византийской философии – СПб, 2006

5. Припадчев А.А. История русского литературного языка. – Воронеж, 2005

6. Припадчев А.А. Проблемы исторической лингвистики текста. – Воронеж, 2004

7. Соссюр Фердинанд де. Курс общей лингвистики. – М., 2006

8. Успенский сборник XII – XIII вв. – М., 1971

9. Щерба Л. В. Фонетика французского языка. – М., 1963

Т. В. Морозова

Концепция народной жизни в романе Хосе Луиса Сампедро «Река, что нас несёт»

Роман Хосе Луиса Сампедро «Река, что нас несёт», написанный и опубликованный в Испании в середине 60-х годов 20-го века, а затем переведённый и изданный во многих странах мира, необычен во многих

отношениях. Его автор – профессор экономики, человек, далёкий от литературной жизни и, соответственно, от литературной моды, – изначально создаёт свое произведение для доказательства определённого философского тезиса, как своего рода его художественную иллюстрацию, при этом, однако, рассудочность и даже назидательность общего замысла книги почти не ощущаются читателем, ибо оказываются облачёнными в весьма привлекательный наряд естественного, порою несколько наивного, но всегда свежего и безыскусного рассказа.

Роман Хосе Сампедро, как и всякое литературное произведение, представляет собой сложный сплав идей. В романе можно найти следы экзистенциалистской концепции видного испанского философа Ортеги-и-Гассета о естественных, человеческих связях, присущих человеку и связях общественных, навязываемых ему извне, а также отголоски идей Тейяра де Шардена, который, пытаясь примирить религию с поступательным движением человечества, поглощённый мыслью о человеке и его будущем, в то же время с пренебрежением отбрасывал «мусор поверхностных перипетий современной истории». Эти идеи получили широкое распространение в католических кругах Испании.

Но, прежде всего, и более всего, книга несёт на себе следы влияния философии Мигеля де Унамуно, сложной и противоречивой, пронизанной гуманизмом и трагическим мировосприятием. И в первую очередь эта унамуновская концепция «интраистории» понимаемая как внутреннее подлинное бытие народа, живущего в соответствии с присущими ему вечными органическими законами и правопорядком, которые в своей совокупности определяют его национальное лицо и противопоставлены истории официальной, государственной и политической.

Кроме того, всей книге в целом и отдельным её главам предпосланы эпиграфы, которые можно рассматривать как своеобразные дорожные указатели или музыкальный ключ, помогающий постичь истинный смысл произведения. Эти эпиграфы разнородны и даже противоречивы по своему существу. Один из них принадлежит немецкому экспрессионисту, мятежному правдо- и богоискателю, проповеднику самоочищения Францу Верфелю, другой – греку Никосу Казанзакису, гуманисту, отлучённому от церкви из-за своей свободной трактовки религиозных догм, борцу против всяческого угнетения, прославлявшему людей труда. Другие эпиграфы представляют собой отрывки из Комментариев к древней китайской «Книге перемен», «Ицзин», говорящие о вечном круговороте природы, о слитности человека с нею и о тех переменах, которые несёт с собой время и жизнь. Само название романа «Река, что нас несёт», как и название его заключительной главы «Река людей», также исполнены философского смысла.

Герой романа Рой Шеннон, ирландский студент, изучавший до войны испанскую филологию и попавший затем в английскую оккупационную армию в Европе, переживает тяжелый духовный и душевный кризис. Шеннона сломила жестокость войны. Сама война лишена для него всякого

смысла и содержания, герой воспринимает её лишь как акт насилия над человеком, ему не важно, кем она была развязана и против кого велась.

Рой Шеннон разочаровывается в западной демократии, её гуманности. Он утрачивает способность быть самим собой. Жизнь теряет для него смысл и оправдание, он близок к самоубийству. Внутренне выключив себя из окружающего, опустошённый, ни во что не верящий Шеннон идёт по жизни, «словно кукла, движущаяся вниз по наклонной плоскости». Рой Шеннон интеллигент, любое его душевное движение сопровождается мучительной рефлексией, мыслями и чувствами, которые с трудом пробиваются сквозь толщу литературных ассоциаций, символов и аллегорий. В романе явно ощущаются экзистенциалистские влияния. Пытаясь хоть как то изменить свою жизнь, Шеннон добивается демобилизации и уезжает в Испанию. Там, скитаясь, словно сомнамбула по стране, он встречается как-то на реке группу плотогонов. Шеннон присоединяется к ним и делит с ними труд, хлеб и ночлег. Река несёт брёвна и, повинаясь её течению, движутся люди. Так и жизнь Шеннона делает прихотливые, крутые изгибы, неся его, как песчинку, в народное море.

В соприкосновении с народом, среди сплавщиков – «людей реки», в любви к Пауле, он постигает жизнь, сведённую к правде хлеба и голода. «Правда хлеба и правда стали; правда жизни и правда смерти. И кроме того: правда голода...» – вот первооснова жизни «естественного человека». «Люди реки» научили Шеннона нести своё бремя, не теряя достоинства и не отчаиваясь. В этом смысл жизни – делать своё дело, «быть самим собой – Человеком». Чтобы обрести эту веру, Шеннон должен искупить то, что он считает своей виной, и он достигает этого, спасая другого человека. Каждый человек в какой-то момент своей жизни может быть всемогущим.

В книге Шеннон – центральный образ, раскрывающийся в конце как рассказчик, глазами которого увидено всё происшедшее. То, что он чужеземец, никакой роли, по существу, не играет, важно, что он посторонний, что он пришёл извне. Ведь только человеком со стороны может быть увидена истина.

Перед глазами читателя проходит богатая галерея образов простых людей из народа. Далеко не все они идеальны и добродетельны, но даже их пороки, в глазах Шеннона, чисты, потому что они «естественны», потому что они «настоящие». Шеннон понимает, что он не может, не должен уйти из жизни и от жизни. Всё, что заложено в человеке, должно найти своё воплощение и свершение. «У меня остаётся надежда», – говорит Шеннон.

Надежды свои герой, как и автор, возлагает на народ, на «реку людей». Жизнь народа – это «река, что нас несёт», у неё своё течение, свои берега, она не зависит от того, что происходит вокруг. Жизнь народа, его внутренняя, сокровенная жизнь – живая реальность, которая не имеет

ничего общего с конкретными историческими и политическими обстоятельствами в стране.

В целом же книга Хосе Сампедро представляет собой яркий образец испанского почвеннического романа, который, в отличие от традиционного реалистического романа 20-го века, не стремится раскрыть социальные противоречия и психологические коллизии, возникающие на основе этих противостояний, который не предпринимает попыток пристально и беспристрастно анализировать народную жизнь. Почвеннический роман, оформившийся в испанской литературе во второй половине 20 века, ставит перед собой иную задачу – не анализировать, но исходить из народной реальности, из народного мироощущения. Почвеннический роман, как и традиционный испанский реалистический роман, выступает за правдивое изображение жизни, но не с целью обличения с последующим изучением, выявлением причинно-следственных связей, а с единственным стремлением обнаружить и воспеть так называемые «устойчивые ценности», присущие испанскому народному характеру, обеспечивающие его стойкость, жизнеспособность и даже элементарное выживание. Авторы-почвенники, следуя правде жизни, словно соглашались с тем, что условия, в которых живёт народ, ужасны, но они, по их мнению, вечны и неустранимы, а главное состоит в том, что народ живёт и что жизнь его прекрасна и помимо этих условий и обстоятельств.

Роман Хосе Луиса Сампедро «Река, что нас несёт» являет собою попытку философского осмысления и обоснования данного тезиса.

Т.Н.Панкова

Роль метафоры и метонимии в понимании художественного текста

В последние тридцать лет происходит подъем интереса к метафоре - понятию, существующему уже более двух тысяч лет. Явление метафоры и метонимии закономерно привлекает пристальное внимание исследователей. Это объясняется, прежде всего, общим интересом к изучению текста в широком смысле этого термина (изучение всех функциональных стилистических разновидностей литературного языка, в том числе разговорного стиля, изучение языка художественной литературы), стремление дать лингвистическое обоснование и толкование различным стилистическим приемам, которые создают экспрессивность текста. При современном подходе к анализу метафора и метонимия могут изучаться и рассматриваться не изолированно, а совместно, так как именно в этих условиях можно прийти к наиболее интересным выводам.

Метафоричность языка является одной из возможностей создания экспрессии, ибо она, как правило, связана с семантическими сдвигами, что

приводит к дополнительной экспрессивной насыщенности текста в целом. Но это лишь одна из проблем, которая делает изучение данного явления актуальным. В связи с этим особое значение приобретает работа с образцами художественных текстов, специальный анализ которых поможет оценить их достоинства, выразительность на основе осознанного восприятия языковых средств выразительности.

Необходимо отметить, что метафоры и метонимии в текстах в основном возникают в результате изменения сочетаемости. Авторы художественных текстов нарушают сочетаемость слов в поисках неожиданных образов экспрессии, оригинальных метафор. Чаще всего нарушение закона сочетаемости служит средством для создания тропов. Метафора и метонимии для авторов — это инструменты, с помощью которых они строят композицию текста, передают его смысл.

В современных трудах по метафоре можно выделить три основных взгляда на её лингвистическую природу: 1) метафора как способ существования значения слова, 2) метафора как явление синтаксической семантики, 3) метафора как способ передачи смысла в коммуникативном акте.

В первом случае метафора рассматривается как лексикологическое явление. Такой подход является наиболее традиционным, поскольку наиболее тесно связан с представлением о языке как относительно автономной от речевой деятельности и стабильной системе. Соответственно, представители данного подхода считают, что метафора реализуется в структуре языкового значения слова.

При втором подходе основное внимание уделяется метафорическому значению, возникающему при взаимодействии слов в структуре словосочетания и предложения. Он является наиболее распространённым: для него границы метафоры более широкие - она рассматривается на уровне синтаксической сочетаемости слов. Этот подход содержит больше динамизма. Наиболее ярко его позиция отражена в интеракционистской теории М.Блэка.

Третий подход - самый инновационный, поскольку рассматривает метафору как механизм формирования смысла высказывания в различных функциональных разновидностях речи. Для данного подхода метафора - это функционально-коммуникативное явление, реализующееся в высказывании/тексте.

Онтологическую метафору, прямую и структурную, сближает с синестезической (и отличает от эмотивно-оценочной) то, что в каждом случае стремятся опосредованно, на основе какого-то сходства обозначить и описать объект сравнения (вещь, признак или событие) по собственным признакам этого объекта. Поэтому эти три вида метафор (онтологическая прямая, онтологическая структурная, синестезическая метафоры) сводятся в общую категорию метафор, и им противостоит метафора эмотивно-оценочная, предлагающая переключение из когнитивного сознания в прагматическую сферу.

Приведем примеры: «обезьяна» 1) вид животного, 2) кривляка (прямая онтологическая метафора); «бороться» 1) как «бороться на ковре»; 2) как «бороться со сном» (онтологическая структурная метафора); «сырой» 1) как «сырое мясо»; 2) как в «сырое решение»; «мягкий» 1) как «мягкий грунт», 2) как «мягкий упрек», 3) как «мягкий характер», 4) как «мягкие нравы», 5) как «мягкая вода» (синестезические метафоры); «собачий» 1) относящийся к собаке, 2) скверный, очень плохой; «светлый» 1) как «светлая комната», 2) хороший, как «светлое будущее» (эмотивно-оценочные метафоры).

Важно отметить, что метафоры во многих случаях синкретичны: сходство или тождество онтологических признаков дополняется сходством на уровне восприятия или переживания соотносимых денотатов. Тем самым, относя метафору к одному из типов, мы часто указываем не единственный, а преобладающий тип сходства - по онтологии сущностей, по сходству сенсорного их восприятия, по близости эмотивно-оценочного эффекта, нередко сочетающихся воедино в той или иной пропорции (Никитин 1997, с. 201).

Метафора, делая некоторое буквальное утверждение, заставляет увидеть один объект как бы в свете другого, что и влечет за собой прозрение. Поскольку в большинстве случаев оно несводимо к познанию некоторой истины или факта, то попытки буквально описать содержание метафоры просто обречены на провал.

Метонимия, как яркий символический троп, остается категорией описательной. Она создаёт и усиливает зрительно ощутимые представления, будучи при этом способом не прямой, а косвенной характеристикой явления. В отличие от сравнения метонимия отмечает все сопутствующие признаки, очищая, типизируя основной для данной ситуации признак. Ю.М. Лотман определяет акт метонимии как выделение существенно-специфического и элиминирование несущественного: «Эта часть женщины есть женщина» (Лотман 1994, с. 36). В этом смысле метонимию действительно можно рассматривать как художественную «стенографию» (Way 1991, с. 10).

По мнению У.Эко, метафорическая замена (субституция) основывается на метонимической практике (Есо 1984, с. 78-79). Метонимические связи переходят в метафорические, что представляет собой особый механизм эвристических функций языка, т.е. функций, направленных на поиск решений. Это становится возможным благодаря тому, что метонимические замены опираются на определённую более или менее устойчивую семантическую модель. Так, метонимические сдвиги во многих случаях связаны с сокращением словосочетаний (изделия из стекла - стекло), т.е. внешне подобны таким фактам изменения значений, которые обусловлены контекстными связями слов.

О том, что метонимия - контекстуальное выражение, писали многие исследователи. Ж.Лакан указывал на то, что метонимия основывается на связи слов (word-to-word connection), в то время как метафора - это замена

одного слова на другое (Lacan 1977, с. 156). Именно поэтому метафора перефразируется в сравнение при помощи подсобных слов, а с метонимией этого сделать нельзя. Ещё раньше Р.Якобсон определил, что для метафоры характерны отношения сходства (и, соответственно, парадигматические отношения), а для метонимии характерны отношения смежности (и, соответственно, синтагматические отношения) (Теория 1990, с. 126). Это вопрос, по мнению И. В. Толочина (Толочин 1996, с. 36), более актуален для изучения художественной прозы, где различия между категоризацией по смежности и по аналогии существенны. В поэзии метонимия имеет подчинённый характер и может рассматриваться как частный случай метафорической категоризации. О сложности и подчас невозможности разделения метафоры и метонимии в поэзии убедительно пишет Н.О. Гучинская.

Метонимические связи, основанные на смежности, очень разнообразны:

- название символа, употреблённого вместо названия того, что он обозначает: *throne, crown* вместо «королевская власть», «престол»;
- название инструмента, орудия вместо названия действия: *to give one's heart to smb*;
- следствие вместо причины: *he (рыба) desperate takes the death* (глотает гибельный крючок);
- название характерного признака вместо названия его носителя: *blue suit grinned*, т.е. характеризующая функция реализуется со знаком «минус»;
- абстрактные существительные, обозначающие эмоцию, состояние, процесс, употребляемые вместо названия их субъекта или объекта: *subservience sprang round the corner*.

В этих и других метонимиях обычно имеет место процесс обобщения, когда мы имеем дело не с предметными представлениями, а с представлениями о предметных представлениях.

Можно сказать, что метонимия основана на фактической смежности, т.е. определённых знаниях. Например, знания о содержимом, когда вместо него называется контейнер (*I'll have a glass; the hall applauded*); знание о вещах, которые сделаны из материала, называемого вместо них (*a glass; an iron*); знание о сфере деятельности, когда деятель употребляется вместо продуктов деятельности (*to buy a Ford*); знание того, что столица является символом государства плюс, географические познания (*talks between Washington and Moscow*); знание о каком-либо событии, если вместо него называется место его действия (*Watergate changed the politics*); иногда это знание о полисемии, например, в случае названия причины вместо следствия (*his native tongue is German*).

С точки зрения семантики метафора - комбинация референтов, приводящая к семантической концептуальной аномалии. Метонимия же действует иначе, не соединяя референты с противоположными семантическими маркерами (MacCormac 1985, с. 36). В терминах когнитивной лингвистики метафора предполагает наложение различных

когнитивных моделей. Рассмотрим пример: "Sometimes too hot the eye of heaven shines" (Shakespear, Sonnet 18). В данном случае общего в категориях eye и sun, не принадлежащих одной модели, достаточно, чтобы метафорически обозначить солнце как «eye of heaven». Для выявления общих атрибутов не нужны глубокие знания о глазах и солнце. Достаточно образно представить, что оба круглые, или посылают людям взгляды или лучи, или «открыты» днем и «закрыты» ночью, а также то, что вид обоих может что-то рассказать, например, о настроении человека или о погоде.

Метонимия же реализует наложение внутри одной модели. Одна категория в пределах одной модели замещает другую. Следовательно, главная функция метонимического выражения - активизировать одну когнитивную категорию, соотнося её с другой в рамках одной модели, и таким образом выделить её саму или субмодель, к которой она принадлежит. Рассмотрим примеры (Croft 1993, с. 350): *We need a couple of strong bodies for our team. There are a lot of good heads in the university. We need some new faces around here.*

Очевидно, во всех трёх предложениях говорится о людях, но в каждом случае подчёркивается определённый аспект человека. В спортивном контексте первого предложения высвечивается модель physical strength, связанная с категорией body; в университетском контексте - модель intelligence, связанная с категорией head. Категория face особенно адекватна в контексте знакомства, потому что именно лицо мы обычно воспринимаем в первую очередь при встрече с незнакомыми людьми.

Интересно заметить, что категории и модели цели (target) довольно абстрактны, в то время как источника (source) - более конкретны. И хотя это наблюдение не основывается на тщательном и систематическом изучении обширного материала, оно, тем не менее, представляет определённый интерес. Можно предположить, что эти два списка демонстрируют то, что мы опираемся на модели конкретного мира, чтобы концептуализировать абстрактные явления. Другими словами, наша концептуализация моделей абстрактных категорий как бы «перемалывается» в нашем опыте общения с людьми, повседневными вещами, действий и событий.

Метонимические концепты ведут к концептуализации посредством связей (рефлексивных перебросок). Когда мы говорим: "He's got a Picasso in his den", мы не думаем только о самой работе Пикассо. Мы думаем о ней в связи с художником, его концепцией искусства, его техникой, его ролью в истории искусства и т.д. В этой связи мы относимся с почтением к работе Пикассо в нашем примере, даже если это только набросок, сделанный в юношеском возрасте. Таким образом, метонимический концепт «упоминание имени автора вместо его произведения» воздействует на наши мысли и действия. Точно так же, когда официантка говорит: «The ham sandwich wants his check», человек несколько не интересуется её как личность, а только как клиент, поэтому предложение

получается обезличенным. Или, если сам Буш никогда и не сбрасывал бомбы на С.Хуссейна, метонимия "Bush bombed Hussein» заставляет думать о его ответственности за это.

Таким образом, как и в случае с метафорами, структура метонимических концептов - это не только язык, но и наши мысли, отношения и действия. Как и метафорические концепты, метонимические тоже перемалываются в нашем опыте. И в случае с метонимическими концептами это «перемалывание» более очевидно, так как обычно прямо указывает на причинные и физические связи.

Следовательно, метафора и метонимия играют важную роль в выражении авторской интенции, а их адекватное восприятие реципиентом обуславливает адекватность постижения замысла художественного произведения.

Black M. More about metaphor / M. Black // Metaphor and thought. – Cambridge, 1993. – 419 с.

Camac M. & Glucksberg S. Metaphors do not use associations between concepts, they create them / M. Camac & S. Glucksberg // Journal of psycholinguistic research, 13, 1984. – С. 72-93.

Croft W. The role of domains in the interpretation of metaphors and metonymies / W. Croft // Cognitive linguistics 4, Cambridge, 1993. – С. 167-199.

Eco U. The role of the reader. / U. Eco // OUP, Bloomington, 1984. – 211 с.

Lacan J. Ecrites. A selection. / J. Ecrites Lacan. // NY, London, 1977. – 194 с.

MacCormac E. R. A cognitive theory of metaphor. / E. R. MacCormac // Cambridge, London, 1985. – 492 с.

Way E. C. Knowledge, representation and metaphor. / E. C. Way // London, 1991. – 220 с.

Дэвидсон Д. Что означают метафоры. / Д. Дэвидсон // М, 1990. – 198 с.

Лотман Ю.М. и тартуско-московская семиотическая школа / Ю.М. Лотман // М., Изд. "Гнозис", 1998, с. 459-462.

Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. / М.В. Никитин // СПб., 1997. – 244 с.

Теория метафоры, М, 1990. – 480 с.

Толочин И.В. Метафора и интертекст в англоязычной поэзии. СПб., 1996. – 192 с.

Е.А.Пророкина

Гласные в поэтическом тексте А.С. Пушкина (на материале текстов «Слеза», «Зимняя дорога» и «Зимний вечер»)

Никто не заменит Пушкина.
Только однажды дается стране
воспроизвести человека, который
в такой высокой степени соединяет
в себе столь различные... качества.

Адам Мицкевич
(Скатов Н.Н. 1987, с.3)

Минуло более полутора веков, как и поэты, прозаики и историки литературы – да и простые смертные – повторяют: «Пушкин...Пушкин...Пушкин...» Кажется, о нем сказано все, что только можно сказать о литературе и о человеке; а в то же время ясно, что не годы, не десятилетия – века к нему будут возвращаться снова и снова. И если даже мельчайшие факты великой жизни его окажутся когда-либо описаны до последнего, если не останется ни одной не найденной и не изученной строки, написанной им, – и тогда у каждого русского человека (да и не только у русского, конечно!) останутся и потребность и право еще раз высказать о нем то, что живет у каждого в душе. Сказать, как можешь и умеешь, но, конечно (а иначе и быть не может!), – от своего лица, по своему (Венок Пушкину 1987, с. 217-218).

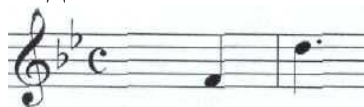
Как считает Н.Н.Страхов: «До сих пор всякий, желающий говорить о Пушкине, должен, нам кажется, начать с извинения перед читателями, что он берется в том или другом отношении измерять эту неисчерпаемую глубину» (Страхов 1984, с. 142).

Слова эти, сказанные много более ста лет назад, сохраняют всю свою справедливость до сих пор. И сейчас одно только ощущение неисчерпаемости этой глубины может служить извинением для всякого желающего говорить о Пушкине. И только одно оно открывает хоть какую-то возможность говорить о нем сейчас, ибо Пушкин – слово, которое уже давно перестало быть для нас только фамилией писателя, пусть великого, а стало обозначением чего-то такого без чего саму жизнь нашу помыслить нельзя... (Скатов Н.Н. 1987, с. 3).

Казалось бы, много уже было сказано о Пушкине и его бессмертных творениях. Однако историки, литературоведы и лингвисты продолжают черпать новое, неизученное, находить факты, доказательства его гениальности. И в данной статье хотелось бы привести те из них, которые, к сожалению, до сих пор оставались в тени лингвистики, а именно: фонологические данные языка, ярко раскрывающиеся в свете музыкального оформления поэтических текстов, т.е. анализ романсов с точки зрения фонетики.

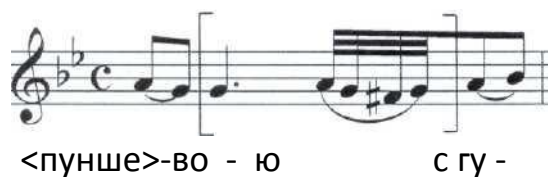
Романс «Слеза» написан в куплетной форме, в четырехдольном размере, что сопоставимо с ямбическим размером стихотворения А.С.Пушкина.

Во всем произведении прослеживается одна общая для всех куплетов закономерность: исконно долгие звуки были прочувствованы композитором М.Яковлевым до такой степени, что в музыке это воплотилось или в относительно долгих:



вче - ра

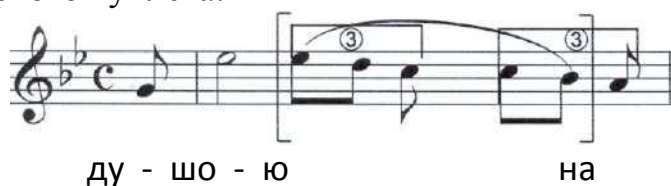
или же этот звук «растягивается» на несколько нот. Например, первая строка первого куплета:



Четвертая строка первого куплета:



Третья строка первого куплета:



Это явление встречается на протяжении всего романса в первой, третьей и четвертой строках каждого куплета. Однако исключение составляют четвертый и пятый куплеты, где слова с исконно краткими (о, е) пропеваются несколькими нотами, что придает исконно краткому оттенок долговзвучности:



Это исключение, не являющееся системным.

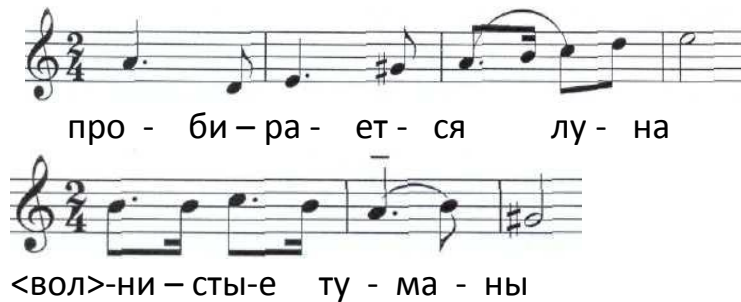
Интересно и то, что первое слово каждого куплета со староакутовой интонацией, которая отразилась в неподвижности ударения на исконно долгих:



Текст стихотворения «Зимняя дорога», положенного на музыку А.Алябьевым, передан композитором без изменений, лишь последняя строка каждого куплета повторяется дважды.

Романс написан в двудольном размере. Первая половина произведения представляет собой четко выраженный пунктирный ритм, во второй половине – длительности равные.

Текст отображает ту же закономерность, присущую и стихотворениям, написанным ямбом: исконно долгие располагаются на нотах, по длительности превосходящих другие звуки:



Характерно, что в слове «туманы» имеет место староакутовая интонация.

Со старым акутом мы встречаемся и в слове «свет», где *h* - исконно долгий.

Можно привести еще несколько примеров со староакутовой интонацией.



Из приведенных примеров мы видим, что все исконно долгие расположены на сильной доле такта и отличаются от других фонем более длительным звучанием.

Слова с новоакутовой и староциркумфлексной интонациями встречаются редко:



в дол - гих ← длѣг то сер - деч - на - я
(новый акут) (сердце ← сръдѣце (старый циркумфлекс))

Односложные слова, встречающиеся в тексте, чаще всего приходятся на сильную долю такта, и поэтому отбрасываются прочь все сомнения насчет ударности или безударности какого-либо слога. Преимущественно это наречия, частицы, предлоги (сквозь, ни, по).

Проанализировав текст, можно прийти к выводу, что стихотворение содержит большое количество исконно долгих, исконно кратких значительно меньше, и они находятся под влиянием нового акута и старого циркумфлекса.

Партитура музыкального сопровождения оказывает неоценимую помощь при восстановлении количества гласного, тона и силы:



<вол>-нистые ту - ма - ны

Романс «Зимний вечер», написанный композитором М.Яковлевым, звучит не только в хоровом исполнении, но и в сольном. Рассмотрим текст стихотворения и вокальную строчку романса, который написан в двухдольном размере.

Самое первое слово «буря» - с исконно долгим и со староакутовой интонацией звучит в высоком регистре. Первая сильная доля слова совпадает с сильной долей такта. Здесь нет слабой доли из-за такта, как мы встречали в предыдущих романсах, текст которых был написан ямбическим метром:



буря

Слова со староакутовой интонацией мы находим и далее в тексте стихотворения. Например, в седьмой строке первого, в шестой строке второго, в первой строке третьего, в третьей строке третьего куплетов:



путник за-поз-
<далый>



Таким образом, из приведенных выше примеров мы видим, что исконно долгие под старой восходящей интонацией изображены композитором на сильной доле и высокой ноте («ре» второй октавы).

В третьей строке первого куплета мы встречаем трехсложное слово «завоет», безударные слоги которого имеют различное количество. Это отражено в различной высоте нот:



В шестой и восьмой строках стихотворения встречаются слова с исконно долгими «зашумит» и «застучит». М.Яковлев внес небольшое разнообразие, выделив ударный слог сильной долей такта, а также постепенным повышением нот:



В тексте имеют место слова с новоакутовой интонацией («солома», «добрая», «с горя») и со старым циркумфлексом, который отразился в подвижности ударения на исконно кратком [о] – «за морем» (шестая строка третьего куплета), «сердцу» (четвертая строка третьего куплета и восьмая строка четвертого куплета):



В данных случаях мы прослеживаем закономерность, когда исконно краткие под новоакутовой интонацией находятся на первой доле такта.

Таким образом, тексты содержат большое количество исконно долгих, исконно краткие гласные встречаются реже и с различными видами интонаций. Партитура позволяет выявить наиболее характерные для данного метра фонетические и просодические явления. Синтез музыки и литературы, их сравнительный анализ помогает раскрыть интересные явления фонетики и просодии, доказывая тот факт, что хотя и существовала шестигласная система фонем по способам образования звуков и их акустическим свойствам, но было большее число суперсегментных фонем или просодем, совокупность которых может напомнить о составе фонем древнерусского языка. И с этой точки зрения многогранный облик великого поэта, к сожалению, пока что остается малоизученным. Довольно справедливы слова Я.Полонского о бессмертном поэте:

Пушкин – это возрожденье
Русской музыки, - воплощенье
Наших трезвых дум и чувств,
Это – незапечатленный
Ключ поэзии, священный
В светлой области искусств....

Венок Пушкину / Издание второе, исправленное и дополненное. М.: Советская Россия, 1987. - с.256

Венок Пушкину. Из поэзии первой эмиграции. / Сост., предисл. и коммент. М.Д.Филина. – М.: Эллис Лак, 1994 – 288 с.

Припадчев А.А. Сравнительная фонетика славянских языков: учеб. пособие / А.А. Припадчев. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1994. – 85 с.

Припадчев А.А. Историческая грамматика русского языка: учеб. пособие / А.А. Припадчев. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1996. – 76 с.

Припадчев А.А. Историческая грамматика русского языка: Анализ текстов: учеб. пособие / А.А. Припадчев, Г.В. Звёздова. – Воронеж: Истоки, 1999 – 108 с.

Скатов Н.Н. Русский гений / Н.Н.Скатов. – М.: Современник, 1987. – 352 с.

Страхов Н. Н. Литературная критика. М., 1984. С. 405.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер. – М.: Прогресс, 1964-1973.

Е.А.Пророкина

Ритмико – мелодический и просодический аспекты поэзии А.С. Пушкина в данных музыки

Певец, народа собеседник,
Не бережет своих щедрот,
И потому-то весь народ –
Его единственный наследник...

...Я слово правды не нарушу,
 Когда скажу тебе, поэт:
 Как в очи входит солнца свет,
 Твой чистый голос входит в душу...
 Г.Цадаса

Чудо Пушкина. Уже современники Пушкина, люди, лично его знавшие, общавшиеся с Пушкиным-человеком, первыми после гибели поэта произнесут слова о Пушкине как о грандиозном, стихийном и безусловном явлении. «Солнце нашей поэзии» - Солнце! – навсегда запомнила Россия слова Владимира Одоевского. А позднее Белинский сравнит Пушкина с Волгою, поящею на Руси миллионы людей (Скатов Н.Н. 1987, с.3).

Солнце – одно, но по-разному отражается оно в разных каплях росы или дождя. По-разному титанический образ Пушкина воспринимается каждой душой, каждой личностью. И как из миллиардов преломленных каплями солнечных лучей на небе слагается радуга, так, можно думать, общечеловеческое представление о величайшем из наших гениев образует в веках многоцветный и прекрасный образ его (Венок Пушкину, 1987, с. 218).

В творчестве русского композитора Антона Рубинштейна немало замечательных романсов, созданных на стихи «солнца русской поэзии» - А.С.Пушкина. Среди них, пожалуй, самые известные - «Ночь» и «Певец», написанные в четырехдольном размере в связи с одинаковым метром стихотворений (ямбом с безударными стопами).

Романс «Ночь» насыщен введением композитором повторов отдельных строк, что у А.С.Пушкина мы отнюдь не наблюдаем. Уже первые две фразы музыкального произведения повторяются дважды с различным мелодическим рисунком и ритмом (при повторе появляется пунктирный ритм). Этот изобразительный элемент музыки показывает, как бьется сердце у лирического героя:



мой голос для тебя и ласковый и
 томный

В следующей фразе стихотворения: «Близ ложа моего печальная свеча горит» имеет место повтор лишь первых трех слов «близ ложа моего». Это скорее всего связано с тем, что композитор добивался четного количества тактов в одном периоде:



Близ ложа моего, близ ложа моего

В шестой строке «Во тьме твои глаза блистают предо мною» для сохранения полноты периода композитор использует прием повтора (плюс «предо» - неполногласие).

А вот задачи повторов, имеющих место в следующем предложении: «Мне улыбаются, и звуки слышу я» - иные. Это смысловой прием, играющий роль утверждения и триумфа от достигнутой цели: «Мне улыбаются, мне улыбаются – и звуки слышу я, и звуки слышу я».

Последняя фраза: «Мой друг, мой нежный друг...люблю...твоя...твоя...» - это синтез всего сказанного. Повтор несет и смысловую нагрузку, и дополняет период, и является кульминацией всего произведения. В словах «твоя... твоя...люблю...твоя!» нотная партитура показывает, как постепенно укрупняется длительность нот на исконно долгих:



тво - я... тво - я... люблю... тво - я!

Конечно, в произведении встречается невыполнение закономерности, когда исконно долгие, прочувствованные композитором, пропевались на длительных нотах. Например, во фрагменте:



печальна - я све- ча

«е» - исконно долгий [h]. Однако, в данном примере слог «све-» выделяется высотой («ми» второй октавы). А вот следующий исконно долгий звук в этом слове расположен и на высокой, и на длительной ноте. Стоит сказать, что в слове «свеча» имеет место староакутовая интонация.

Старая восходящая интонация и у предыдущего слова данного музыкального отрывка – «печальная». Интересно, что и в этом случае исконно долгий звук [а] находится на полтона выше исконно краткого [е] и имеет довольно длительное звучание в нотном переложении (сравни: #. и 9).

Приведем еще несколько примеров со староакутовой интонацией:



ласковый и томный



ласковый и томный

Здесь явно прослеживается следующая закономерность: исконно долгий [а] в слове «ласковый» исполняется на первой сильной доле такта и звучит значительно выше («ля» первой октавы и «до» второй октавы) исконно краткого [о] в слове «томный» («фа» первой октавы и «ля» второй), находящегося на третьей слабой доле небольшого музыкального отрывка.

Следующий пример со староакутовой интонацией – слово «молчанье» (вторая строка стихотворения). В нотной партитуре это записано следующим образом:



тре - возит позднее

тре - возит позднее

молчанье

молчанье

Слово трехсложное и возникает эффект побочного ударения, который несколько увеличивает протяженность исконно краткого. Однако, в свете партитуры, четко заметно разграничение исконно долго и исконно краткого, во-первых: сильной долей и высоким регистром в первом случае, и более длительной нотой – во втором.

Примеров с новоакутовой интонацией немного, но они достойны внимания:



близ ложа мое - го

В слове «ложа» (И.п. – «ложе») исконно краткий [о] находится на второй слабой доле такта, в то время как исконно долгий [и] (близ←близь) на первой сильной.

Приведем еще один пример с новой восходящей интонацией: «темной» (ночи)← тьмьнь. В данном случае исконно краткий расположен на третьей слабой доле музыкального отрывка:



<мол>-чанье ночи тем -
ной

В этом такте присутствуют три явления просодии («молчанье» - старый акут, «ночи» - старый циркумфлекс и «томной» - новый акут).

Следует сказать, что односложные слова (мой, мне, близ) в тексте безударны. Это показывает и музыкальное оформление, в котором перечисленные примеры исполняются на слабой доле:



мой



близ



мне

Партитура позволяет выявить не только ударные и безударные слоги, но и найти наиболее интересные фонетические и просодические явления. Текст содержит большое количество исконно долгих со староакутовой интонацией, исконно кратких – немного, они находятся под влиянием нового акута.

Следующий романс А.Рубинштейна «Певец» написан в куплетной форме. Стихотворение А.С.Пушкина «Певец» положено на музыку без особых изменений. Лишь в третьем куплете А.Рубинштейн заменил старомосковское произношение «тихой» на «тихий».

Также последняя строка каждого куплета, произнесенная лишь однажды в тексте и повторенная дважды в романсе, вызывает ощущение, что такой прием повторов неслучаен. Удлинение короткой строки способствует более яркому эмоциональному восприятию романса и укрупняет период – определенный музыкальный отрезок, делая четным число тактов и симметричным по отношению к вышестоящему периоду:



слыхали ль вы?

Слыхали ль вы?

Куплетная форма произведения показывает постоянство в чувствах печали, меланхолии и связь романса с народной песней.

Интерес вызывает вторая строка каждого куплета: «Певца любви, певца своей печали», которая во всех трех куплетах романса исполняется с неизменным мелодическим рисунком:

певца любви, певца своей печали -
ли?

Следует обратить внимание на слово «печали». Последний безударный слог как бы оттягивает количество, причем наблюдается различная степень интенсивности безударных слогов: «пе-» и «-ли» - оба безударных слога, но они – носители разного количества, степень интенсивности

безударности у них различна. Это заметно и в музыкальном оформлении стихотворения по неодинаковой высоте нот:



<пев>-ца своей печали

Слог «-ли» находится на ступень ниже первого безударного слога «пе-», но по длительности звука – в два раза длиннее.

В следующей, третьей строке первого куплета в слове «молчали» - безударные слоги «мол-» и «-ли» - также носители разного количества. Это отражает и музыка.



в час утренний

молчали

В романсе «Певец», как и в других произведениях, написанных на стихи А.С.Пушкина, в большинстве случаев заметна тенденция исконно долгих к укрупнению нот или к более высокому, по сравнению с исконно краткими, их расположению. Иллюстрацией к этому утверждению может служить последняя строка второго:



встречали ль вы, встречали ль

вы?

(встречали←встретить←сърһсти, сърһшт@)

и третьего куплетов:



вздохнули ль вы, вздохнули ль

вы?

В приведенных примерах заметно разграничение исконно долгих и исконно кратких по длительности и высоте нот. А форшлаг, исполняющийся на ударных слогах с исконно долгими (в словах «встречали» - слог «-ча» и «вздохнули» - слог «-ну») еще более усложняет звук «соль». Приведем еще несколько примеров с исконно долгими под староакутовой интонацией:





слѣдъ → следы ли
слез



иль ти - хий
взор



иль ти - хий взор



сви - ре - ли звук

Из данных примеров видно, что слова с исконно долгими в музыкальном оформлении отличаются от исконно кратких или высотой звука, или его длительностью.

Примеров с новоакутовой интонацией немного, но и они достойны внимания: это прежде всего слово «взор» (от възоръ):

Исконно краткий звук на довольно длительной ноте (# \$), на первый взгляд, нарушает определенную закономерность, выделенную нами из предыдущих романсов, когда исконно долгие превосходили по длительности и высоте исконно краткие. Однако, обратившись к «Этимологическому словарю русского языка» М.Фасмера, можно обнаружить, что слово «възоръ» образовано от «въз – зърѣти». Очевидно присутствие [h] и породило то неуловимое тяготение к долгому звуку, которое и было прочувствовано композитором.

В стихотворении «Певец» встречаются три примера со староциркумфлексной интонацией: «поля» - на поле (3 строка), «час» - от часу (3 строка), «ночной» ← «ночь» - на ночь (1 строка):



Итак, текст содержит большое количество исконно долгих гласных, исконно краткие – единичные (слъза), възоръ). Партитура ярко выявляет наиболее интересные для анализа фонетические и просодические явления.

Рассмотренные 2 поэтических текста А.С.Пушкина получили свое «второе рождение» в романсах замечательного русского композитора и А.Рубинштейна. Следует отметить, что в вокальных произведениях большое внимание уделяется гласным звукам, которые играют роль основы, фундамента всего сочинения (так как именно гласные звуки пропеваются). Композитор, несомненно, обладал определенной интуицией, а возможно и знаниями истории фонем, потому что в романсах была отмечена главная закономерность: исконно долгие (а их в этих текстах большинство) [a], [y], [ы], [и], [е] из[h] нашли свое отражение в долгих по длительности и высоких в регистровом отношении звуках; исконно краткие [o], [e] – единичны и значительно уступают в музыкальном отношении исконно долгим звукам.

Добавлю, что поэтическими текстами А.С.Пушкина в литературоведческом и лингвистическом аспектах занимались Л.Я.Гинзбург, М.О.Гершензон, Б.П.Городецкий, Б.М.Гаспаров, М.М.Гиршман и другие. Однако фонетика произведений великого поэта остается малоизученной. Рассмотренные мной факты, возможно, помогут глубже, детальнее и в более полном объеме проанализировать лирику А.С.Пушкина – великого поэта не только своего времени, но и последующих веков, поэта, любимого и чтимого многими поколениями.

Венок Пушкину / Издание второе, исправленное и дополненное. М.: Советская Россия, 1987. - 256с.

Венок Пушкину. Из поэзии первой эмиграции. / Сост., предисл. и коммент. М.Д.Филина. – М.: Эллис Лак, 1994 – 288 с.

Припадчев А.А. Сравнительная фонетика славянских языков: учеб. пособие / А.А. Припадчев. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1994. – 85 с.

Припадчев А.А. Историческая грамматика русского языка: учеб. пособие / А.А. Припадчев. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1996. – 76 с.

Припадчев А.А. Историческая грамматика русского языка: Анализ текстов: учеб. пособие / А.А. Припадчев, Г.В. Звёздова. – Воронеж: Истоки, 1999 – 108 с.

Скатов Н.Н. Русский гений / Н.Н.Скатов. – М.: Современник, 1987. – 352 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер. – М.: Прогресс, 1964-1973.

Ю.А.Путилина

К вопросу о переводе заглавий автобиографических произведений Грэма Грина

Перефразируя слова английского постмодерниста Джулиана Барнса об истории, которую создают историки, можно сказать, что человек, оставляющий заметки о самом себе, создает субъективную историю своей жизни. Выдающийся английский писатель Г.Грин оставил богатое публицистическое наследие, однако его автобиографические и публицистические произведения изучены слабо: в отечественном литературоведении о них упоминается крайне редко, а зарубежные исследователи посвящают этому вопросу малочисленные страницы статей и отдельные абзацы монографий.

Из автобиографических произведений Грэма Грина на русский язык переведены книга "Путешествие без карты" (1936 г., перевод выполнен в 1961 г.), фрагменты книг "Пути спасения" и "Часть жизни", а также эссе из сборника "Потерянное детство", которые были опубликованы в 1989 году в сборнике "Путешествия без карты". Эти же отрывки были переизданы издательством "Вагриус" в 2007 году, в серии "Мой 20 век". Кроме того, перевод книги мемуаров "Знакомство с генералом, или Как чужая боль стала моей" публиковался в журнале "Латинская Америка" (№10-12, 1985 г.), а в 1988 году вышел сборник произведений, посвященных проблемам Латинской Америки, где русскоязычный текст книги был приведен в полном объеме (см. Дорсенвиль 1988). Материалы рубрики "Литературный гид" третьего номера журнала "Иностранная литература" за 2009 год были также посвящены Грэму Грину: помимо отрывков из мемуаров Ш.Хэзард и И.Клоэтта о Грине, там опубликованы выдержки из книг "Часть жизни" и "Пути спасения", а также автобиографическое эссе "Револьвер в буфете".

Заглавия произведений Грэма Грина всегда отличаются идиоматичностью, поэтому их перевод на другие языки сильно

затрудняется. В.С.Модестов в книге "Художественный перевод: история, теория, практика" условно делит заглавия художественных произведений на три группы: информативные, символические и рекламно-коммерческие. В качестве заглавий второй группы нередко используются фразеологизмы, пословицы и поговорки, что побуждает переводчика "искать семантические соответствия, а то и из-за различий этнокультур и языковых систем изменять заглавия" (Модестов 2006, с. 129). Безусловно, важнейшую роль играет контекст самого произведения, при этом совершенно невозможно обойтись без знания фактов биографии и взглядов автора, особенно если речь идет об автобиографии либо о публицистическом произведении другого жанра, написанном "на злобу дня". С этой точки зрения любопытно рассмотреть варианты перевода заглавий мемуарных произведений Грэма Грина на русский язык. Важно отметить, что найти "единственно верное" семантическое соответствие невозможно, поскольку его корректность будет видеться читателям по-разному, в зависимости от их осведомленности и склада личности. Именно поэтому любые варианты заглавий необходимо считать гипотетическими.

Впервые воспоминания писателя о ранних годах его жизни были опубликованы в 1951 году в сборнике *The Lost Childhood and other essays*. В первом эссе, заглавие которого обычно переводится как "Потерянное детство", Грин излагает свои представления о влиянии детства на жизнь человека и, прежде всего, на становление его личности писателя. Рассуждая о прочитанных им в юном возрасте книгах, он с характерной самоиронией сокрушается о том, что "рука [его] не успокоилась на 'Копях царя Соломона'", и что он не снял "с полки в детстве будущее колониального чиновника в Сьерра-Леоне – двенадцать малярийных сроков службы с черной лихорадкой под занавес, чтобы не страшно было выходить на пенсию" (Greene 1951, с. 30). В финале эссе писатель приводит фрагмент произведения А.Е. (Дж.Расселла):

In ancient shadows and twilights	В сумерках и тенях былых времен,
Where childhood had strayed,	Где детство скиталось,
The world's great sorrows were	Родились великие страдания этого
born	мира
And its heroes were made.	И появились свои герои.
In the lost boyhood of Judas	В упущенном отрочестве Иуды
Christ was betrayed.	Был предан Христос.

Мысль автора поэмы, с которой соглашается Грэм Грин, такова: сложись детство Иуды иначе, он бы не предал Христа.

Электронный словарь Lingvo (<http://lingvo.yandex.ru/>) предлагает следующие варианты перевода английского *lost*: потерянный, несохранённый, утраченный, растраченный впустую, напрасный,

погибший, потерявшийся, заблудившийся, проигранный, неиспользованный, упущенный.

Если учесть, что смысл эссе Грина состоит не в том, что детства у него не было как такового, но в том, что его жизнь могла бы пойти иным путем, будь у него иное детство, но сделанного не изменить, а также принимая во внимание цитируемый отрывок поэмы Дж. Расселла, заглавие эссе, пожалуй, более логично было бы перевести следующим образом: "Неудавшееся детство", где прилагательное "неудавшийся", на наш взгляд, в должной мере выражает сожаление автора. В пользу такого варианта, пожалуй, свидетельствуют и другие эссе сборника, например, *The Burden of Childhood* ("Бремя детства"), где Грин говорит о писателях, «которые так и не стряхнули с себя бремени своего детства» (Грин 2007, с. 337). Получается, что, по мнению Грэма Грина, из-за пережитых в раннем возрасте впечатлений детство перерастает в отягощение, ношу, не оставляющую человека всю его жизнь.

В предисловии к мемуарной книге *A Sort of Life* ("Часть жизни", 1971) Грэм Грин признается, что причина, побудившая его начать собирать крупицы воспоминаний, связана с желанием "придать жизненному хаосу подобие порядка и неумное любопытство" (Грин 2007, с. 33). При этом он предупреждает читателя, что все события прошлого будет рассматривать без какой-либо иронии, которую называет "узаконенным методом самозащиты" против строгих критиков. Искреннее желание автора – заново пережить те события: "Удачно ли, неудачно, но я попытался еще раз пережить безумства, сентиментальность и преувеличения давнего времени, ощущая их так же, как тогда, - без иронии" (Грин 2007, с. 33). Вместе с тем, ирония все-таки неизбежно присутствует в тексте, являясь неотъемлемой частью художественного стиля писателя.

Заглавие этой книги – "A Sort of Life" (1971) – обычно переводится как "Часть жизни" или "Вот такая жизнь" (вариант В.Ивашевой, см. Ивашева 1989, с. 49), что, по нашему мнению, слишком нейтрально и слабо отражает отношение автора к собственной жизни, высказанное в произведении. Разговорное выражение *sort of* означает "rather; to some extent; kind of" (см. Hornby 1982, с. 319), то есть "наподобие; вроде; в некотором смысле". Таким образом, уже в заглавии читатель получает установку на то, что описанное в автобиографии служит лишь неким аналогом реальной жизни, попыткой воссоздать ее в памяти, что полностью соответствует замыслу Грина. В пользу такой трактовки говорит и отрывок "Предисловия" к книге, где автор поясняет, что любая автобиография служит "лишь 'подобие[м] жизни': в ней может быть меньше фактических ошибок, чем в биографии", но при этом она куда более избирательна: "она поздновато начинается и преждевременно заканчивается" (Greene 1971, с. 11). При этом любые выводы, по мнению Грэма Грина, неизбежно произвольны и диктуются мнением читателя. Именно поэтому автор решает закончить повествование творческой

неудачей, которую сравнивает со смертью: рассказчик, завершающий воспоминания, лежа на смертном одре, не оставляет исследователю шанса "домыслить" то, что он мог бы сказать, проживи он чуть дольше. Таким образом, вопреки общепринятому варианту перевода, на наш взгляд, более уместно было бы озаглавить русскоязычный вариант текста как "Подобие жизни", а не "Часть жизни".

Интересно, что первая книга воспоминаний охватывает годы жизни писателя лишь до 1928-29 гг., когда был напечатан его первый роман. Причина называется им девять лет спустя, во второй автобиографической книге "Ways of Escape" (общепринятый вариант перевода заглавия – "Пути спасения"):

"В то время я почувствовал, что последующие годы настолько же принадлежат другим людям, как и мне самому. Нельзя было нарушать их авторского права. У них было право на личную жизнь, но ведь невозможно было описывать мою личную жизнь, не затрагивая их". Роль ненаписанного повествования о тех временах, по словам Грэма Грина, исполняли многочисленные упоминания значимых для него людей в предисловиях, посвящениях и эпитафиях к его романам: "В конце концов, и они были 'подобием жизни'" (Greene 1980, с. 9), то есть создавали некоторое представление о его жизни в те годы.

Творчество в целом исполняло для Грэма Грина огромную, даже жизнеспасительную функцию, по выражению самого автора, являясь своеобразной формой терапии. Именно поэтому творчество можно с полным правом назвать "своего рода жизнью", иной стороной жизни реальной, "другой жизнью". Так, в автобиографии "A Sort of Life" писатель даже признается, что не помнит никаких занимательных случаев из жизни современников, и единственные истории, которые он хотя бы немного знает, связаны с героями его книг: "В продолжение шестидесяти шести лет я проводил почти столько же времени с вымышленными персонажами, сколько с реальными мужчинами и женщинами" (Greene 1971, с. 11).

Вторая книга воспоминаний Грэма Грина, *Ways of Escape* (1980), до настоящего времени не переводилась на русский язык. Ее заглавие в русскоязычном варианте традиционно звучит как "Пути спасения". На наш взгляд, несмотря на благозвучность, такой вариант довольно слабо передает полисемантичность, присущую оригиналу, что связано в первую очередь с многозначностью лексических единиц, его составляющих. Английское *way* может переводиться на русский язык следующим образом: путь, дорога, направление, способ, уклад, привычка (особенно во множественном числе!), состояние и т.д.

Очевидно, что большое влияние при выборе варианта перевода будет играть лексический компонент, сочетающийся с этим словом. Существительное *escape* обозначает бегство, побег, уход от реальности, избавление, спасение. Пожалуй, наиболее применимыми к содержанию самого произведения из всего списка являются варианты "побег" и "уход

от реальности"; слово же "спасение", на наш взгляд, может вызвать ассоциации сугубо религиозного характера. Не случайно писатель здесь использует не слово *salvation*, которым в христианской литературе принято обозначать освобождение от греха, а именно *escape*, применимое к преступникам, которым удастся вырваться из тюрьмы.

Тема побега играет важную роль в автобиографических произведениях Грэма Грина. Однажды во время интервью на вопрос М.Аллен: "Почему побег?" – писатель ответил: "Потому что я себе не нравлюсь" (Allain 1983, с. 26). Немного позднее в том же беседе он признался, что в повседневной речи склонен вместо I ("я") говорить One ("человек", "некто"), таким образом словно абстрагируясь от самого себя.

Вместе с тем, писатель часто признавался в том, что его всю жизнь преследовала скука, поэтому он искал занятий, которые помогли бы ему "спастись от хандры, от кризиса, который может настичь человека в его эмоциональной жизни" (Allain 1983, с. 26). Одним из наиболее действенных способов преодолеть скуку для Грэма Грина стало творчество, которое он даже называет "королевским способом побега".

В предисловии к книге он пишет: "Писательство – это форма терапии; иногда я задаюсь вопросом, каким образом удастся спастись от сумасшествия, меланхолии и панического страха, неотъемлемых от людского бытия, те, кто не пишут книг, музыки или картин" (Greene 1980, с. 10). Сразу после этого он цитирует англо-американского поэта У.Х. Одена: "Возможность побега нужна человеку настолько, насколько нужны ему пища и крепкий сон". Таким образом, искусство становится его средством побега от реальности, а любовь к творчеству – ни чем иным, как формой эскапизма. Если это действительно так, то заглавие книги "Ways of Escape" можно перевести на русский язык как "Способы бегства". Однако необходимо отметить, что общепринятый вариант более благозвучен.

Наконец, последнее мемуарное произведение Грэма Грина, описывающее его дружбу с панамским диктатором О.Торрихосом, носит заглавие "Getting to Know the General" и дополнено подзаголовком "The Story of an Involvement". В 1988 году был издан русскоязычный перевод книги "Знакомство с генералом, или Как чужая боль стала моей". В. Ивашева, считая такой вариант неточным, предлагала "восстан[овить] дееспричастный оборот, меняющи[й] смысл заглавия" (Ивашева 1989, с. 38), на что сам Грэм Грин выразил одобрение во время их личной беседы в 1986 году.

Английский оборот *get to know* означает не просто "познакомиться" (формальное знакомство лучше выражает глагол *acquaint*), но "узнать близко", "завязать тесные дружеские отношения". Действительно, Торрихос был для Грина не просто очередным известным ему влиятельным лицом. Посвящение к книге гласит: "Друзьям моего Друга Омара Торрихоса, в Никарагуа, Сальвадоре и Панаме" (Greene 1984). В

том, что Торрихос действительно стал ему настоящим Другом, можно убедиться, читая мысли Грина, касающиеся панамского диктатора.

Следовательно, заглавие произведения можно перевести как "Дружба с генералом" либо "Узнавая генерала", хотя чаще всего деепричастные обороты при переводе все-таки заменяются на имена существительные. При этом подзаголовок "The Story of an Involvement" логичнее было бы сделать более нейтральным, чем принятое "Как чужая боль стала моей". Слово *involvement*, помимо вовлеченности, также означает "духовное участие". Неопределенный артикль *a* указывает на единичность имеющегося понятия, то есть речь идет не об участии или общении в отвлеченном смысле, но об одном случае духовного сближения. Иными словами, подзаголовок может рассматриваться как синонимичный основному заглавию: "История одной дружбы".

Западные исследователи называют Грэма Грина мастером заглавий. Действительно, бывает сложно подобрать русскоязычный аналог заглавия его произведения, причем это касается не только его романного творчества, но и публицистики. Переводчик зачастую вынужден обращаться к общему контексту публицистики Грэма Грина, его взглядам на мир, фактам его биографии и интервью. Но даже и тесное знакомство с творчеством Грэма Грина не гарантирует корректность перевода и интерпретации его произведений. Пожалуй, данная проблема будет оставаться неразрешенной до тех пор, пока слова не утратят своей многозначности.

Allain Marie-Francoise. The Other Man: Conversations with Graham Greene. – Simon and Schuster, New York, 1983

Greene G. A Sort of Life. – Simon & Schuster, New York, 1971.

Greene G. Getting to Know the General. The Story of an Involvement. – Lester & Orpen Dennys, 1984.

Greene G. Ways of Escape. – Simon and Schuster, New York, 1980.

Hornby A.S. Oxford Advanced Lerner's Dictionary. – Russian Language Publishers, Moscow – Oxford Univ Press, Oxford, 1982.

The Lost Childhood and Other Essays by Graham Greene. – The Viking Press, New York, 1952.

Грэм Грин. Путешествие без карты. /Сост., коммент. О.Алякринский. – М.: Вагриус, 2007.

Дорсенвиль Р. Умереть за Гаити, или Судьба святой Эстер и ее сподвижников. /Сост. А.А.Файнгар. – М.: Прогресс, 1988.

Ивашева В. Судьбы английских писателей. Диалоги вчера и сегодня. – М.: Советский писатель, 1989.

Модестов В.С. Художественный перевод: история, теория, практика. – М.: Издательство Литературного института им. А.М.Горького, 2006.

А.К.Свистова

Функции синестезии в лирике А. Ахматовой

Эмоциональный строй стихотворения создает поле напряжения, которое в совокупности с семантической, грамматической, ассоциативной и композиционной организацией текста обуславливает его целостность. Эмоциональное поле напряжения усиливается в стихотворении различными способами экспрессии. (Сильман 1977, с.43) В качестве одного из подобных способов рассматривают синестезию. Синестезией называют в литературоведении тропы и стилистические фигуры, связанные с межчувственными переносами и сопоставлениями. Выделяют такие разновидности синестезии как зрительная (цветовая), осязательная, обонятельная, вкусовая, звуковая (слуховая).

В лирике А. Ахматовой зрительная синестезия способствует осуществлению процесса «визуализации» эмоций конкретным цветом:

Надо мной жуужжит, как овод, непрестанно столько дней

Этот самый скучный довод

***Черной ревности** твоей.*

А. Ахматова. «Шепчет: «Я не пожалею...»

Я была одной запретной книгой,

*К ней ты **черной страстью** был палим.*

А. Ахматова. Из набросков к трагедии «Пролог, или Сон во сне»

Примечательно, что синестезийные тропы в лирике Ахматовой, объединяясь в целостный образ, описывают все то, что в реальности нельзя четко увидеть, и благодаря этому переживания лирической героини приобретают определенные очертания и как бы становятся видимыми (различимыми):

Опять подошли «незабвенные даты»,

И нет среди них ни одной не проклятой.

Но самой проклятой восходит заря...

Я знаю: колотится сердце не зря -

От звонкой минуты пред бурей морской

*Оно наливается **мутной тоскою**.*

А. Ахматова. Опять подошли "незабвенные даты" [Нечет]

И не вздох печали томной,

Не затейливый укор,

*Мне внушает **ужас темный***

Твой спокойный ясный взор.

А. Ахматова. То ли я с тобой осталась...

Близки к подобной «визуализации» и звуковые (слуховые) синестезии, которыми также богат поэтический язык Ахматовой:

Всего верней свинец душе крылатой

*Небесные откроет рубежи,
Иль хриплый ужас лапою косматой
Из сердца, как из губки, выжмет жизнь.*

А. Ахматова. Так просто можно жизнь покинуть эту...

*А вот поди ж! Опять нахлынут,
И этот час неотвратим...
И мимоходом сердце вынут
Глухим сочувствием своим.*

А. Ахматова. Выход книги

В своем творчестве поэт может также воплощать эмоции, не имеющие общенародного наименования. Несмотря на экспликацию компонентов переживаемого поэтом состояния, общенародной номинации для такого состояния найти невозможно (Чернухина 1993, с. 28).

Таким же отсутствием общенародной номинации для называния переживаемого состояния можно объяснить и использование А. Ахматовой окказиональных образований с аксиологической семантикой:

*«То дьявольские сети,
Нечистая тоска».
- «Белей всего на свете
Была ее рука».*

А. Ахматова. Горят твои ладони...

*И злomu сердцу станет жаль
Чего-то. Грустно будет.
Но эту легкую печаль
Оно не позабудет.*

А. Ахматова. Песня о песне

В лирике Ахматовой проявление чувства всегда ограничено, оно фиксировано во времени и пространстве. Отсюда сюжетность, повествовательность многих стихов: выразительная лаконичность, жесткий отбор деталей уплотняют поэтическое пространство. Синестезийная образность в поэзии служит для четкого отображения эмоциональных состояний, переживаемых лирической героиней

*Дни томлений острых прожиты
Вместе с белою зимой.
Отчего же, отчего же ты
Лучше, чем избранник мой?*

А. Ахматова. Сердце к сердцу не приковано...

*«Ты с кем на заре целовалась,
Клялась, что погибнешь в разлуке,
И жгучую радость таила,
Рыдая у черных ворот?*

А. Ахматова. Три раза пытаться приходила...

*В душиной изнывала я истоме,
Задыхалась в смраде и крови,
Не могла я больше в этом доме...*

А. Ахматова. Запад клеветал и сам же верил...

Осязательная синестезия подчеркивает силу переживаний (острые томления, жгучая радость) и детализирует описание эмоционального состояния на основе актуализации физического ощущения (душная истома).

Для поэтического языка Ахматовой характерно наличие и такой разновидности синестезии, как вкусовая:

*Сжала руки под темной вуалью...
«Отчего ты сегодня бледна?»
- Оттого, что я **терпкой печалью**
Напоила его допьяна.*

А. Ахматова. Сжала руки под темной вуалью...

*Был блаженной моей колыбелью
Темный город у грозной реки
И торжественной брачной постелью,
Над которой держали венки
Молодые твои серафимы, -
Город, **горькой любовью** любимый.*

А. Ахматова. Был блаженной моей колыбелью...

*Так же мыши книги точат,
Так же влево пламя клонит
Стеариновая свечка.
И поет, поет постылый
Бубенец нижегородский
Незатейливую песню о моем **веселье горьком**.*

А. Ахматова. Столько раз я проклинала...

Вкусовые и осязательные разновидности синестезии также выступают в психологически и художественно мотивированном единении:

*Твоя печаль, для всех неявная,
Мне сразу сделалась близка,
И поняла ты, что **отравная**
И **душная** во мне **тоска**.*

А. Ахматова. Туманом легким парк наполнился...

Синестезия выполняет в лирике Ахматовой следующие функции: вербализует эмоциональное состояние, которому нет однословного наименования; способствует визуализации эмоций; подчеркивает и четко отображает силу переживаний лирической героини, а также используется

для описания эмоциональных состояний на основе актуализации физического ощущения.

Сильман Т.И. Заметки о лирике / Т.И. Сильман. - Л. : Советский писатель, 1977. - 223 с.

Чернухина И. Я. Поэтическое речевое мышление / И. Я Чернухина. – Воронеж: изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1993. - 192 с.

Источник примеров:

Ахматова А.А. Стихотворения и поэмы / А.А. Ахматова. – Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1990. - 534 с.

И.Ю. Соловьева

Тема природного начала в человеке в романе Д.Г. Лоуренса «Сыновья и любовники». Поль Морел и его отношения с Мириэм

К проблеме человека и его изображению в романе Д.Г. Лоуренса «Сыновья и любовники» обращались многие писатели. Существует огромное количество точек зрения и мнений исследователей разных поколений по этой проблематике, но все они признают лоуренсовский дар создания ярких и красочных образов. Современники писателя восхищались изображением человека у гениального французского скульптора О. Родена: из цельной глыбы мрамора, из мёртвой материи неожиданно и прекрасно выступало человеческое лицо, нежный или могучий образ. Аналогичным путём шёл Лоуренс в своем произведении. Из потока реалий и фактов, существенных и вторичных, из бездны разговорного, народного языка он выбирал наиболее характерное и неповторимое, одухотворяя сырой материал неожиданной поэзией.

В романе «Сыновья и любовники» тема человека и природы разрабатывается в нескольких аспектах. Один из них - идущее от классической литературы противопоставление поэтических картин сельской Англии промышленному городу - символу жестокой цивилизации. Но в отличие от английского романа XIX века, Лоуренс не изображает подробно изменения в социальной жизни общества. Его волнуют нравственные последствия буржуазного прогресса, роль последнего в судьбе отдельной личности и всего рода человеческого.

Сам Лоуренс сформулировал свою позицию так: «Я могу писать лишь о том, что меня глубоко волнует, и в данный момент это отношения между мужчиной и женщиной» (Лоуренс 1989, с.330). В них, по мысли автора, высшее проявление личности, полноты и красоты жизни. Вместе с тем в них же наглядно предстаёт процесс подавления личности обществом

“изнутри”, превращения “человеческого в человеке” в “социальную функцию”.

Судьба главного героя романа “Сыновья и любовники” - Поля Морела предстаёт одновременно и как история, и как символ разрушения внутреннего контакта природы и человека, утратившего возможность для органического развития. Герой в романе погружен в обыденное, повседневное существование (мы наблюдаем процесс взросления Поля), но автора интересует прежде всего “богатейшая потаённая чувственная жизнь его”.

В своём произведении Лоуренс вырисовывает последовательные ряды произвольных, бессознательных движений героя, которые образуют порой сложную, большую картину человеческих взаимоотношений. В ней мы можем видеть своеобразный “ток” от видимого к невидимому, от внешнего к внутреннему, от телесного к духовному, от духовного к телесному. Эта особенность манеры Лоуренса проявляется при изображении и главного героя, и других персонажей.

Мир “Сыновей и любовников” находится в процессе непрерывного соединения и распада. И магнитом, стягивающим разные части, из которых состоит прекрасный, полный жизненных сил Ноттингемский космос, служит как раз пламенеющее человеческое тело, красота, святящаяся в плоти, этот жаркий, обжигающий свет. Вот почему всё, что нам показывает автор в поведении человека, как бы обладает отдельным импульсом и не останавливается ни на миг, под воздействием тайных внутренних сил поведение человека предстаёт зыбким, постоянно меняющимся под влиянием внезапно возникшей неудовлетворённости или новых желаний, психологического груза прошлого опыта или жажды новых переживаний.

Роман Лоуренса называется “Сыновья и любовники”. Берём на себя смелость истолковать это название так: дети Гертруды и Вальтера (Вильям и Поль) интересуют автора одновременно и в их отношениях к родителям - как сыновья, и в их личных отношениях к женщинам - как любовники. В первую очередь это относится к главному герою Полю, судьба которого, его человеческие связи находятся в центре внимания автора.

На первый план выступают отношения Поля с двумя женщинами - Мириэм и Кларой (Поль - “любовник”) и с матерью (Поль - “сын”). И именно в изображении этих отношений раскрывается представление Лоуренса о человеке, о его природном начале, о взаимодействии “природного” и “социального”.

Развитие отношений героев романа Поля и Мириэм дает нам возможность увидеть особенности манеры писателя, который сосредоточил свое внимание на изображении нюансов человеческого поведения, на поисках художественных средств, на поисках слова, передающих то, что Лоуренс считает главным в человеке: игру импульсов, раскрывающих прихотливые проявления природного начала, сложное

соотношение сознательного и бессознательного в проявлении чувств, движениях, поступках.

Отношения Поля с Мириэм трудны и запутанны. Оба героя проходят через период взросления, который особенно тяжел для Поля, так как он испытывает необъяснимые, полярные чувства к Мириэм: от страстного влечения до лютой ненависти. Герой находится в состоянии постоянного сомнения в своих чувствах, неуверенности в себе.

Отношения Поля и Мириэм раскрываются в романе через их отношение к природе. В дальнейшем мы увидим, что в натуре героя больше чего-то естественного, природного, а в натуре девушки доминирует духовное начало. Впервые Польш встречается с Мириэм в четырнадцать лет. Сначала их отношения не были столь близкими, а даже наоборот. В первых сценах героиня предстаёт перед нами робкой и чрезвычайно чувствительной. Вспомним, как была смущена и обижена Мириэм, когда её братья вместе с Полем уговаривали девушку покормить с рук курицу (Lawrence 1998, с.111).

Поль Морел испытывает не только физическое влечение к Мириэм, он любит её как друга, компаньона, который помогает ему в его занятиях живописью, высказывает свои оценки, даёт советы. “Miriam was the threshing floor on which he threshed out all his beliefs... She alone helped him towards realization...She felt he could not do without her” (Lawrence 1998, с. 253).

В этой сфере отношений Польш обожает Мириэм и не может существовать без неё. Она для него единственная женщина, с которой он может откровенно обсуждать свои работы. Мириэм даёт ему силы и энергию, воодушевляет его к занятиям живописью. “Then he began to talk about the design. There was for him the most intense pleasure in talking about his work to Miriam. All his passion, all his wild blood went into this intercourse with her, when he talked and conceived his work. She brought forth to him his imagination. She did not understand, any more than a woman understands when she conceives a child in her womb. But this was life for her and for him” (Lawrence 1998, с.268).

Но в уже другой ситуации, когда Польш обучает Мириэм алгебре, герой испытывает гнев, раздражение, а иногда девушка даже приводит его в бешенство. “He had been too fast. But she said nothing. He questioned her more, then he got hot. It made his blood rise to see her there as it were, at his mercy, her mouth open, her eyes dilated with laughter that was afraid, apologetic, ashamed” (Lawrence 1998, с.293).

Немного позднее, в этой же сцене гнев Поля начинает сочетаться с сочувствием и нежностью. Он видит, как Мириэм страдает от его раздражительности, ярости, непонимания предмета. Ему становится жалко девушку (Lawrence 1998, с.294). В этих двух ситуациях прослеживается резкая смена отношений Поля к Мириэм.

В сцене, когда Польш и Мириэм вдвоём отправляются на прогулку в Тэдлторн, Лоуренс раскрывает нам внутренний мир героев, мимолётное

состояние их душ, страсть и взаимопритяжение. “The long breakers plunged and ran in a kiss of foam along the coast. It was a warm evening. There was not a figure but themselves on the far reaches of sand, no noise but the sound of the sea. Paul loved to see it changing at the land. He loved to feel himself between the noise of it and the silence of the sandy shore. Miriam was with him. Everything grew very intense. It was quite dark when they turned again. The way home was through a gap in the sandhills, and then along a raised grass road between two dykes. The country was black and still. From behind the sand hills came the whisper of the sea. Paul and Miriam walked in silence. Suddenly he started. The whole of his blood seemed to burst into flame, and he could scarcely breathe. An enormous orange moon was staring at them from the rim of the sandhills. He stood still, staring at the immense and ruddy moon, the only thing in the far-reaching darkness of the level. His heart beat hearly, the nurseles of his arms contracted....” (Lawrence 1998, c.156).

В этом ярком, зримо изображенном эпизоде Лоуренс не только очень тонко раскрывает внутреннее состояние героев, рисуя мельчайшие “движения” их душ, возникающие чувства, но и показывает их противоречивые, двусмысленные и подчас полярные отношения. Очень интересно подобрана писателем звуковая гамма от “мертвой” тишины, в которой герои слышат своё дыхание (“silence”, “no noise”, “there was a figure”, “to feel himself”) до шума моря (“sound of the sea”). Привлекают внимание краски используемые Лоуренсом: от тёплых постельных тонов (“warm evening”) до очень тёмных, пугающих (“dark, black”).

Художник оставляет своих героев наедине с природой, где они испытывают физическое потрясение при виде огромной жёлтой луны, от шума моря и “мёртвой тишины”. Перед нами предстают тела Мириэм и Поля, воспринимающие эти звуки, цвета, тела, которые сливаются, которые едины в своём переживании. Здесь показана игра природных сил (“his blood seemed to burst into flame, he could scarcely breathe, his heart beat hearly”) от которых зависит человек и не может с ним справиться. Следует отметить, что этот эпизод не несёт в себе эротическую нагрузку. Да, герои действительно испытывают сильное притяжение друг к другу. Но Лоуренс изображает их бестелесную близость. Более того, изменение красок от светло-нежных до пугающе - темных, подчёркивает полярность, резкую смену отношений Поля и Мириэм от любви, страсти, притяжения до холодности и ненависти.

Лоуренс особым образом выстраивает отношения Поля и Мириэм, постоянно делая акцент на неизбежности их разрыва. Но писатель изображает цепочку этих сложных, мучительных отношений, которая сковывает героев не потому, что хочет создать роман-трагедию, а по более веской причине. Лоуренс хочет показать различие натур Поля и Мириэм. Ведь, на самом деле, страсть Поля к девушке не была духовной, бестелесной, как это может показаться из приведённого выше примера “There were flashes in his blood. But somehow she ignored them. She was expecting some religious state in him” (Lawrence 1998, c.220).

В романе можно найти большое количество примеров, в которых раскрываются сложные и противоречивые отношения Поля и Мириэм. Мы видим резкие переходы в отношениях: от большой и светлой любви до ненависти и наоборот. Анализируя поведение героев, можно выделить две основные причины, влияющие на смену отношений Поля к Мириэм.

Во-первых, это разные натуры героев. Мириэм является олицетворением духовного начала, она не приемлет грубое, физическое. Поль же жаждет объединения духовного и физического начал, но он ещё более разочарован и подавлен, когда понимает, что, отдавшись ему, Мириэм принесла себя в жертву. Поль не может этого вынести и поэтому, обладая ею, “to the last fibre of his being...he wants, somehow, to cry” (Lawrence 1998, с. 353). Мы понимаем, что герои не могут быть вместе ни в физическом, ни в духовном плане “it will never be a success between them” (Lawrence 1998, с. 362).

В конце романа девушка признаёт своё поражение с героическим смирением и достоинством: “Always - it has always been so!” she cried. “It has been one long battle between us - you fighting away from me” (Lawrence 1998, с.366). Лоуренс, говоря здесь о битве (“battle”), имеет в виду не только битву между Полем и Мириэм. В этих словах, высказанных героиней, он делает намёк на отношения мужчины и женщины как вечной борьбы, непонимания, сталкивания противоположных чувств и ощущений, как вечной борьбы двух начал.

Другая проблема, влияющая на резкое изменение отношений Поля к Мириэм - “не материнская” любовь миссис Морел. Поль находился в центре поля сражения между Мириэм и Гертрудой Морел, как бы “между двух огней”, которые обжигали его своим пламенем, стараясь полностью завладеть им. Но любовь матери оказалась сильнее. Поль ненавидел Мириэм за, то, что находясь с ней, она тем самым заставляла тяжело страдать миссис Морел. Главный герой был вынужден расстаться с Мириэм.

Как мы смогли заметить, показывая различия героев Поля и Мириэм, Лоуренс стремился доказать, что в борьбе между физическим и духовным началом никто никогда не одержит победы. Душа и тело два неразделимых компонента для существования человека, составляющие его природное начало.

Daleski H.M. The Forked Flame. A study of D.H. Lawrence / H.M. Daleski. – London, 1999. – 280 p.

Fielding M. Notes on D.H. Lawrence «Sons and Lovers» / M. Fielding. – London: Methues Educational Ltd., 1998. – 70 p.

Lindsay J. Paintings of D.H. Lawrence / J. Lindsay. – L., 1999. – 193 p.

Lawrence D.H. Sons and Lovers / D.H. Lawrence. – Gr. Br.: Wordsworth classics, 1998. – 370 c.

Лоуренс Д.Г. Сыновья и любовники / Д.Г. Лоуренс – М.: Пресса, 1991. – 450 с.

А.А. Чуносова

Стилеобразование поэтических текстов Г.Р.Державина и А.В.Кольцова

Цель данной статьи: описать стилеобразование поэтических текстов жанра песни Г.Р.Державина и А.В.Кольцова, а также установить, при помощи каких стилеобразующих средств формируется индивидуально-авторский стиль каждого из поэтов. Под *стилеобразованием* понимается комплексное и системное рассмотрение стилеобразующих элементов с учетом полифункциональности слова в тексте, серийности стилеобразующих средств. (Припадчев 2005, с.5) Материалом для исследования выступают тексты одноименных песен «Разлука» Г.Р.Державина и А.В.Кольцова.

По теории М.В.Ломоносова, песня относится к жанру «низкого штиля». Следует различать фольклорную песню и песню как жанр письменной поэзии. Рассмотрим в аспекте стилеобразования песню Г.Р.Державина «Разлука», написанную в 1776 году.

*Неизбежным нашим роком
Растаешься ты со мной.
Во стенании жестоком
Я прощаюсь с тобой.
Обливаясь слезами,
Скорби не могу снести;
Не могу сказать словами —
Сердцем говорю: прости!
Руки, грудь, уста и очи
Лобызаю у тебя.
Нет у силы, нету мочи
Отделиться от тебя:
Лобызаю, умираю,
Тебе душу отдаю,
Иль из уст твоих желаю
Душу взять с собой твою.*

I. Определение жанра: песня

II. Тропы

1) Индикаторный образ: *обливаясь слезами, нету мочи, скорби не снести.*

2) Аллегория: не обнаружена

3) Олицетворение: не обнаружено.

4) Метафора:

Отмечаем метафору «*сердцем говорю: прости!*». Семантическая структура тропа – конкретное значение (человек говорит) + изменение функции понятия (сердце говорит: прости) = абстрагированный по семе «неодушевленность» абстрактный образ (искреннее раскаяние).

Отмечаем метафору «*тебе душу отдаю*». Семантическая структура тропа – конкретное значение (человек отдает нечто конкретное) + изменение функции понятия (отдает душу) = абстрагированный по семе «абстрактность» образ (герой духовно умирает без любви).

5) Мифологема: не обнаружена.

III. Метрика. 4-стопный хорей со значительным количеством пиррихий, встречается усеченная клаузула. Тембровая окраска: отчаяние, страдание.

IV. Рифма: мужская (снести-прости), женская (роком-жестоком); простая (слезами-словами); точная; концевая; перекрестная (abab): роком-мной-жестоком-тобой. Перекрестная рифма в песне высвечивает динамику чувств.

V. Архаизмы и внесистемные элементы

1. Фонетические:

Прощаюся – ослабленная редукция безударного гласного *а*.

Обливаясь – ослабленная редукция безударного гласного *а*.

2. Морфологические:

Во стенании – предлог *во* вместо *в*.

3. Лексические:

Роком (рок) - судьба (устар. поэт.)

Уста - рот, губы (книж.-поэт., устар.)

Очи - глаза (книжн.-поэт., ритор. устар.)

Иль (союз) - то же, что *или* (простореч. и поэт.).

Лобызаю – целовать (устар., теперь разг. ирон.).

4. Синтаксические:

Тебе душу отдаю – препозиция местоимения *тебе* (Д. п.), несущего функцию объекта по отношению к глаголу, выражающего действие субъекта; постановка глагола в конце ритмического отрезка (Булаховский 1954, с.275) как результат влияния еще в ломоносовский период латинских образцов прозы).

Душу взять с собой твою – дистантное расположение определения *твою* к определяемому слову *душу*, конечная позиция определения в ритмическом отрезке.

Скорби не могу снести – препозиция дополнения *скорби* (Р.п.), конечная позиция глагола *снести* в ритмическом отрезке.

5. Внесистемные элементы:

Нету - то же, что *нет* в 1-м значении (разг.).

Мочи (мочь) - сила, способность что-нибудь делать (простореч.)

Считается, что именно «XVIII век принес подлинные открытия в области песнетворчества и подготовил тот расцвет литературной песни и

романса, которым отмечено развитие русской культуры первой половины XIX века. Главная заслуга в разработке песенного жанра в русской литературе принадлежит А.В. Кольцову». (Гусева 1988, с.24) Рассмотрим в аспекте стилиобразования его песню «Разлука».

*На заре туманной юности
Всей душой любил я милую;
Был у ней в глазах небесный свет,
На лице горел любви огонь.*

*Что пред ней ты утро майское,
Ты, дубрава – мать зеленая,
Степь-трава – парча шелковая,
Заря-вечер, ночь-волшебница!*

*Хороши вы, когда нет ее,
Когда с вами делишь грусть свою,
А при ней вас – хоть бы не было;
С ней зима – весна, ночь – ясный день!*

*Не забыть мне, как в последний раз
Я сказал ей: «Прости, милая!
Так, знать, бог велел -расстанемся,
Но когда-нибудь увидимся...»*

*Вмиг огнем лицо все вспыхнуло,
Белым снегом перекрылося, -
И, рыдая, как безумная,
На груди моей повиснула.*

*«Не ходи, постой! дай время мне
Задушить грусть, печаль выплакать,
На тебя, на ясна сокола..."
Занялся дух - слово замерло*

I.Определение жанра: песня

II. Тропы

1) Индикаторный образ: *огонь любви, делишь грусть, всей душой любил, лицо вспыхнуло, туманной юности.*

2) Сравнение: *как безумная, с ней зима – весна, ночь – ясный день.*

3) Аллегория:

Отмечаем аллгорию *«ты, утро майское»*. Семантическая структура тропа: конкретное значение (человек) + конкретное значение (утро – начало дня, майское – весеннее) = конкретное второе название реалии (молодость).

Отмечаем аллгорию *«дубрава – мать зеленая»*. Семантическая структура тропа: конкретное значение (мать – женщина по отношению к своим детям) + конкретное значение (дубрава – дубовая роща) = конкретное второе название реалии (мудрость природы).

Отмечаем аллгорию *«степь-травы – парча шелковая»*. Семантическая структура тропа: конкретное значение (степь – безлесная равнина) + конкретное значение (парча шелковая – дорогая блестящая ткань) = конкретное второе название реалии (богатство мира).

Отмечаем аллгорию *«ты, заря-вечер – ночь-волшебница»*. Семантическая структура тропа: конкретное значение (человек) + конкретное значение (заря, вечер – окончание дня, ночь – часть суток от захода до восхода) = второе конкретное название реалии (зрелая пора человеческой жизни).

4) Олицетворение:

Отмечаем олицетворение *«что пред ней ты утро майское, ... заря-вечер – ночь-волшебница»*. Семантическая структура оборота: абстрактное значение (утро – начало дня; заря, вечер – окончание дня, ночь – время от захода до восхода) + конкретное значение (что ты пред ней – значит «ничто») = конкретизированный по признаку одушевленности образ с обнаружением нового признака понятия (любовь дороже, чем жизнь).

Отмечаем олицетворение *«задушить грусть»*. Семантическая структура тропа: абстрактное значение (грусть – чувство печали) + конкретное значение (задушить – убить, с силой сжимая горло) = конкретизированный по признаку одушевленности образ с обнаружением нового признака понятия (избавиться от печали).

5) Метафора:

Отмечаем метафору *«в глазах небесный свет»*. Семантическая структура тропа – конкретное значение (небесный – голубой цвет пространства над землей, свет – лучистая энергия, делающая мир видимым) + изменение функции понятия (в глазах небесный свет) = абстрагированный по семе «абстрактность» образ (девушка любит героя).

Отмечаем метафору *«белым снегом перекрылося»*. Семантическая структура тропа – конкретное значение (снего – осадки белого цвета) + изменение функции понятия (лицо белым снегом перекрылося) = абстрагированный по семе «абстрактность» образ (сильно побледнело).

Отмечаем метафору *«печаль выплакать»*. Семантическая структура тропа – конкретное значение (выплакать – избавиться от слез) + изменение функции понятия (печаль выплакать) = абстрагированный по семе «абстрактность» образ (избавиться от печали).

III. Метрика. Размер – дольник, ритмика которого организуется выравниванием ударений по количеству их в стихотворных долях, слабые интервалы колеблются от 0 до 2 слогов. Дольник считается переходной формой от силлабо-тоники к тонике, близок по строению к русскому народному речитативному стиху (Тимофеев, 1974:69) Тембровая окраска: грусть. Строфика: традиционное для жанра песни четверостишие.

IV. Рифма обнаруживается в единичном случае: дактилическая (*вспыхнуло – повиснула*), простая; точная; концевая; по расположению рифмических цепей невыдержанная, что коррелирует с полиметрическим характером ударения.

V. Архаизмы и внесистемные элементы.

1. Фонетические:

Перекрылося – ослабленная редукция безударного гласного *а*.

Пред – старославянское неполногласие – древнерусское полногласие *перед*.

2. Морфологические:

На ясна сокола – краткое прилагательное *ясна* в роли определения.

3. Синтаксические:

Был у ней – с предлогом *у* местоимение *ней* (Р.п.) «имело место в литературном языке 1-й половины XIX века». (Булаховский 1954:111)

Горел любви огонь – препозиция дополнения в Р.п.

Ты, дубрава – мать зеленая/Степь-трава – парча шелковая/Заря-вечер – ночь-волшебница – конечная позиция определения в ритмическом отрезке.

Грусть свою – постпозиция определения «свою» к определяемому слову «грусть».

С ней зима – весна, Ночь – ясный день – эллиптические предложения, рассматриваются как одна из примет «романтического» синтаксиса. (Там же: 279)

Так, знать бог велел/Вмиг огнем лицо все вспыхнуло – постановка глагола

в конце ритмического отрезка.

4. Внесистемные элементы:

Знать – вводное слово в значении *видно, вероятно* (разг., обл.).

Итак, в процессе комплексного анализа двух песен Г.Р.Державина и А.В.Кольцова выявлены следующие особенности их стилиобразования.

В песне Г.Р.Державина «Разлука» состав тропов ограничен, в нем отмечается незначительное количество индикаторного образа и метафоры невысокой образной насыщенности. Но в целом, образной монотонности в восприятии песни не возникает.

В метрике и рифме Г.Р. Державин соблюдает жанровые традиции, используя 4-стопный хорей с пиррихиями, чередование женской и мужской рифм, простую, точную, концевую, перекрестную рифму.

Песня Г.Р.Державина богата архаизмами. Среди них доминируют *лексические* и *синтаксические* архаизмы. Особое место в тексте занимают *внесистемные элементы* из разговорного и просторечного языковых пластов. Фольклорных элементов в песне Г.Р.Державина не отмечается.

Комплексный анализ песни «Разлука» А.В.Кольцова выявил широкий круг тропов. Это: индикаторный образ, сравнение, олицетворение, метафора. Доминирующим тропом выступает аллегория. Примечательно, что разные тропы, тождественные по значению, располагаются в одной строке, дублируя друг друга. Например, олицетворение *задушит грусть* со значением «избавиться от печали» сменяет метафора *печаль выплакать* с аналогичным значением.

В то же время автор располагает в близкодействующем контексте тропы с противоположной семантикой. Например, индикаторный образ *огнем лицо вспыхнуло* сменяет метафора *белым снегом перекрылося*. Подобные приемы усиливают эмоциональное напряжение, придавая песне острый драматический характер.

В метрике А.В.Кольцов обращается к дольнику – переходной форме от силлабо-тоники к тонике, близкой к народному речитативному стиху. Полиметрический характер ударения коррелирует в тексте с невыдержанностью рифмы. Из архаизмов в песне доминируют *синтаксические* – характерные элементы для поэтического языка середины XIX века – и фольклорные элементы, такие как «*степь-трава*», «*дубрава – мать зеленая*», «*ясна сокола*».

Индивидуально-авторский стиль, согласно теории В.В.Виноградова о «множественности стилистик» текста, выявляется через значение стилеобразующих единиц. В песне Г.Р. Державина: значение тропа «прощание» (*Сердцем говорю: прости*), значение размера «отчаяние, страдание», значение рифмы «динамика чувств», значение архаизма «человек умирает без любви» (*Тебе душу отдаю*). 4-хстопный хорей, разговорные и просторечные элементы также проясняют уникальное в тексте.

Индивидуально-авторское начало в песне А.В.Кольцова выявляется через значение тропа «любовь» (*Был у ней в глазах небесный свет*), значение размера «грусть», значение невыдержанной рифмы «дисгармония жизни», значение архаизма «человеческая жизнь» (*Ты дубрава-мать зеленая*). Обращение к нетрадиционному размеру – дольнику, преимущественная нерифмованность стихов, а также синтез элементов книжной поэзии и фольклора: «*туманная юность*» и «*ясный сокол*», «*ночь-волшебница*» и «*степь-трава*» – все это является уникальным, авторским, позволяя правдиво, ярко и незабываемо отразить человеческую жизнь в песне.

- Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики. – М., 1981
 Гаспаров М.Л. Метр и смысл: Об одном из механизмов. – М., 2001
 Припадчев А.А. История русского литературного языка. – Воронеж, 2005
 Гусева В.Е. Песни русских поэтов: Сборник в 2-х т. – Л., 1988
 Тимофеев Л.И. Словарь литературоведческих терминов. – М., 1974

Е.Н. Широкова

Языковая экспликация двух систем временных координат в современной прозе

На рубеже 20-21-го вв. наблюдается актуализация проблемы времени как в естествознании, так и в гуманитарных науках. В философии это явление получило название «переоткрытие времени» (ВЭ 2001, с.772). При этом отмечается, что с точки зрения современной физики «объективного времени нет», «в материальном мире нет никакого времени» (КФЭ 1994. с.78 и 71). Показательно и само название статей в энциклопедических словарях по философии – «Вневременность мира» (КФЭ 1994, с.71), «Переоткрытие времени» (ВЭ 2001, с.772). Вместе с тем время как философская категория определяется как «форма возникновения, течения, разрушения в мире, а также его самого вместе со всем тем, что к нему относится» (КФЭ 1994, с.77). При этом разграничиваются время объективное, «измеряемое отрезками пути небесных тел», и время субъективное, основанное «на осознании времени» (Там же).

Однако философы М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорский, размышляя о сознании, символе, языке, в сочетании «"объективные" формы пространства и времени» слово «объективные» заключают в кавычки (Мамардашвили, Пятигорский 1999. с.117), а к терминологическому сочетанию психологическое время используют определения *иллюзорное, несуществующее* («психологическое, иллюзорное, несуществующее время идет» (Там же, с.209). Они же пишут: «... не вполне понятным остается, что же такое **само время** [выделено авторами. – Е.Ш.], а не структура сознания, которая называется "время". Возможно, что такое время существует как некоторая сопряженная область нескольких структур сознания, но скорее всего оно относится не к собственно сознательной жизни, а к ее переработке в индивидуальном психологическом механизме (как это полагал швейцарский философ Жан Гегсер), обратная проекция которой фиксируется в структуре сознания, именуемой "дискретность времени"» (Там же, с.168).

В аспекте когнитивной лингвистики время рассматривается как базовая когнитивная структура, «вокруг которой (и над которой) строятся все существующие модели и интерпретации временных отношений – будь то

философия, физика, психология, лингвистика или поэтика» (Кравченко 1996, с.18). При этом «время как понятийная категория есть способ категоризации опыта, данного в ощущениях, оно антропогенно по своей природе, существует в сознании человека и не является отражением трансцендентной сущности под названием “объективное время”» (Там же, с.19).

В современной философии время и пространство рассматриваются как ориентирующие категории, которые «являются описаниями структуры бытия», «задают исходные ориентации, на основе которых строится любая известная картина мира», «задают исходные масштабы представления бытия, создают основу для нормативной регуляции человеческих взаимодействий, определяют ритм практической, познавательной и мыслительной деятельности людей» (СФС 2004, с.128), являются «необходимым условием не только процесса постижения мира человеком, но и осознания последним самого себя» (ВЭ 2001, с.838).

С взглядом на время как на координирующую, ориентирующую категорию соотносятся взгляды лингвистов, выделяющих в качестве основных функций языка ориентирующую функцию или функцию адаптации в соответствии с идеями нейробиолога У. Матураны, создателя биологической теории познания, или теории автопоэза. Кроме того, в современной лингвистике отмечается взаимосвязь категории времени с метакатегорией Наблюдателя. Так, Е.В. Падучева отмечает: «Шкала времени – это абстрактная сущность; для нее, как и для процесса движения времени, нет места в нашем трехмерном пространстве. Она неподвижна; ее «как бы» движение порождается движущимся Наблюдателем» (Падучева 1999, с. 767; см. также: Кравченко 1996, 16-18, Падучева 1993).

Координирующий характер пространства и времени проявляется, по мнению В.Г. Гака, в способе включения объекта в ситуацию: «Временная координация устанавливает отношения между состояниями данного объекта, вне связи его с другими объектами. Пространственная координация обязательно требует наличия второго объекта, относительно которого характеризуется первый» (Гак 2009, с.252), при этом под ситуацией понимается «часть отражаемой в языке действительности, т.е. движущейся материи» (Там же). На языковом уровне ситуации с временным и пространственным типами координации эксплицируются синтаксическими конструкциями с разными типами сказуемых: для передачи ситуаций с преобладанием временной координации в функции сказуемых используются непереходные глаголы, для передачи ситуаций с преобладанием пространственной координации используются переходные и обстоятельственные сказуемые (Там же, с.253).

Время как координирующая категория неоднородно: с одной стороны, мы переживаем время как длительность, с другой - в нашем сознании существует представление о математически исчисляемом времени, которое осмысливается с помощью пространственных показателей (Бергсон

1992. с.105 и 289-291). Соответственно можно говорить о двух системах временных координат – субъективной и объективной. Промежуточное положение между ними занимает исчисление времени по природным циклическим показателям (*день, ночь* и т.п.). От объективной системы исчисления оно отличается неточностью, приблизительностью, что связано с расплывчатостью границ понятия в нашем сознании. Как отмечает В.Г. Гак со ссылкой на эксперимент Р.Г. Пиотровского, ядро понятия “ночь” составляет 0 часов, а 3 – 4 – 5 часов образуют «нечеткую периферию понятия, постепенно переходящую в понятие “утро”» (Гак 2009, с.25).

С другой стороны, при субъективной утрате чувства времени, «выпадении» из времени, показатели циклического природного времени наряду с показателями объективного времени (параметрическими показателями) корректируют утраченную ориентацию во времени.

В сознании человека эти системы координат сосуществуют, однако сам характер их соотношения исторически изменчив: «Современные категории времени и пространства имеют очень мало общего с теми же категориями в другие исторические эпохи» (Гуревич 1971, с.160).

Объективное время выступает как принятый в обществе в определенную историческую эпоху способ исчисления времени. В этом смысле субъективное время противопоставлено объективному как индивидуальное социальному. Вместе с тем сама природа психологического времени и его проявления одинаковы у всех людей как представителей одного биологического вида.

Рассмотрим способ языковой экспликации двух систем временных координат (объективной и субъективной) на материале современной прозы. В основе соотношения этих двух систем лежит два типа отношений: сравнительно-сопоставительные (или противительные) и конъюнктивные (соединительные). Первый тип отношений эксплицируется синтаксическими конструкциями, в которых выражается несоответствие объективной и субъективной систем временных координат. Корреляция между кореферентными именными группами, обозначающими период времени, выражается с помощью разноуровневых языковых средств – сравнительных и противительных союзов, сравнительного творительного падежа при предикатах восприятия и представления, сравнительного оборота, сложных предложений с придаточными сравнительными. При этом для обозначения времени в субъективной системе координат используются как параметрические показатели времени (*два часа, секунда, четыре года* и под.), так и показатели субъективного времени (*вечность* – «Разг. О времени, тянущемся томительно долго (в субъективном ощущении кого-л.)» (ССРЛЯ 1991. т. 2); *век* – «Разг. Очень долгое время, вечность» (Там же) и т.п.), например:

Три часа на ногах как одна минута (В. Зеленогорский. В лесу было накурено); *Семь часов над океаном показались мне вечностью. Слишком*

*мало интересного в пространстве (С. Довлатов. Наши. Т.2); Крушение было назначено на **тринадцать часов. Оставалось два с половиной, но, как сейчас помню, время это растянулось очень надолго. Тогда мне показалось, что прошло целое лето. Впрочем, растягивать времена** – это обычное состояние людей, обреченных смерти, тем более, если на эту смерть они обрекают себя добровольно (Ю. Кисина. Полет голубки над грязью фобии); Щукинск так отодвинулся, сколько же прошло... даже **двух недель не прошло**, как Таня уехала из дому, **а как будто год...** (Е. Некрасова. Щукинск и города); Божье мое, божье мое, а Кондратий все не ехал, и **день тянулся, как год** (А. Толстой. Хромой барин).*

Несоответствие между субъективной и объективной системами координат может актуализироваться антитезой, например:

*«Кэт» [подводная лодка – Е.Ш.] понеслась вверх. **Четыре с половиной минуты** продолжался подъем. **Словно четыре с половиной года** длилось ожидание столкновения, удара, треска, огня, гибели (А. Толстой. Под водой).*

Л.А. Новиков, анализируя следующий пример из «Войны и мира»: *минутное молчание, показавшееся всем очень продолжительным*, пишет: «Это оксюморон – стилистическая фигура, основанная на соединении противоположных по смыслу, несовместимых друг с другом слов и образно раскрывающая противоречивую сущность обозначаемого явления: сказанное так подействовало на участников военного совета, что минутное молчание показалось очень долгим» (Новиков 1988, с.133-134).

Мы не считаем такие конструкции оксюмороном. На наш взгляд, в подобного рода примерах сопоставлены две системы временных координат, сосуществующие и, следовательно, совместимые в сознании субъекта, однако не сливающиеся в единый образ, что подчеркивается введением в такие конструкции глаголов представления и восприятия, указывающих на переход из одной системы координат в другую.

Экспликация конъюнктивных отношений между рассматриваемыми системами временных координат осуществляется с помощью тропов, при этом происходит соединение параметрической единицы времени с метонимическим эпитетом, отображающим субъективное восприятие времени, причем метонимический перенос может осуществляться на основе стертой пространственной метафоры времени, например:

*«И они правы, - думал ты, Игорь, во время этих **быстрых минут**, - мы все крысы, и совсем не важно, кто это сделал для того, чтобы расширить “границы терпимости”» (В. Аксенов. Кесарево свечение); Отлично помню эту **растянувшуюся секунду** – черное тело, несущееся низко над травой, фигурку с поднятой рукой, которая словно собиралась огреть кого-то плетью, несколько остановившихся прохожих, глядящих в нашу сторону... (В. Пелевин. Ника); По-своему грубо, но самым настоящим образом мы страдали эти **долгие две недели** (Л. Пантелеев. Маруся Федоровна); И уже не знал он, где сон и где явь, проводя **медлительные часы** перед спинкой кресла, в котором она молчала и*

дремала, как ленивая львица, озаренная потухающими углями камина (А. Блок. Сказка о той, которая не поймет ее).

Такого рода сочетания относятся к оксюмору в том случае, когда единицы времени, обозначающие короткие временные периоды в объективной системе координат (*секунда, минута*), соединяются с эпитетами, указывающими на их длительность в субъективном восприятии, например:

Как я ненавижу их всех в эту долгую секунду! (В. Пелевин. Чапаев и Пустота); *Последовательность движений, которые привели меня в заданную точку, заняла не больше секунды. Но это была очень длинная секунда*, растянувшаяся для меня в целое гимнастическое выступление (В. Пелевин. Амфир В); *Несколько длинных секунд* стояла полная тишина, а потом Вася из своего угла спросил: - Ребята, а вдруг... (В. Пелевин. Синий фонарь); Он все держал ее за талию, а она все висела на его плечах. Так прошло *несколько больших секунд* (В. Аксенов. Таинственная страсть); Сейчас хотелось только одного: бесконечно длить эти фантастические, *долгие минуты* (А. Толстой. Милосердия!); Прошло *несколько довольно длительных минут*, прежде чем соединение состоялось (В. Аксенов. Таинственная страсть); Прошло в молчании еще *несколько длинных минут* (А.П. Чехов. Рассказ неизвестного человека); Ложится *длинная притихшая минута*, из тех минут, в какие, по поверью, пролетает ангел...(Т. Толстая. Самая любимая); *Бесконечные пять минут* Папанин осознавал услышанное (М.Веллер. Маузер Папанина).

Соотнесение двух систем временных координат может быть представлено метафорами, в которых объективное время имплицитно представлено часами, например:

Пациентов все смущало – не только ассистент и женщина в прихожей, где *с такой гробовой медлительностью*, блистая, ходил из стороны в сторону медный диск маятника в старинных стоячих часах, но и весь важный порядок этой богатой, просторной квартиры, это выжидательное молчание приемной, где никто не смел сделать лишнего вдоха... (И. Бунин. Зойка и Валерия); И вот вы сидите в этой проклятой приемной, в ее напряженной тишине, где всякий почему-то боится вздохнуть, а если говорит, то шепотом, где так *дьявольски медленно*, важно, спокойно, дремотно *отсчитывают время дорогие мраморные часы на камине* (И. Бунин. Алексей Алексеич).

Таким образом, онтологический статус категории времени как координирующей категории проявляется при экспликации двух систем временных координат – объективной и субъективной, между которыми с точки зрения субъекта, переживающего время, устанавливаются сравнительно-сопоставительные или конъюнктивные отношения. Первый тип отношений репрезентируется разноуровневыми языковыми средствами в конструкциях с кореферентными именными группами, обозначающими период времени с помощью параметрических единиц

времени или показателей субъективного времени. Второй тип отношений эксплицируется тропеическими сочетаниями и фигурами речи.

-
- Бергсон А. Собрание сочинений в 4 томах. Т. 1. М., 1992.
 ВЭ: Всемирная энциклопедия: Философия. М., 2001.
 Гак В.Г. Языковые преобразования: Некоторые аспекты лингвистической науки в конце XX века. От ситуации к высказыванию. М., 2009.
 Гуревич И.Я. Представление о времени в средневековой Европе // История и психология. М., 1971. С. 159-198.
 Кравченко А.В. Когнитивные структуры пространства и времени в естественном языке // Известия АН, сер. лит. и языка. 1996. Т.55. № 3.
 КФЭ: Краткая философская энциклопедия. М., 1994.
 Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке. М., 1999.
 Новиков Л.А. Художественный текст и его анализ. М., 1988.
 Падучева Е.В. Говорящий как наблюдатель: об одной возможности применения лингвистики в поэтике // Известия АН, сер. лит. и языка. 1993. Т.52. № 3. С. 33-44.
 Падучева Е.В. К семантике слова *время*: метафора, метонимия, метафизика // Поэтика. История литературы. Лингвистика. М., 1999. С. 761-776.
 ССРЛЯ: Словарь современного русского литературного языка: В 20т. М., 1991. Т. 2.
 СФС: Современный философский словарь. М., 2004.

Художественный дискурс

О.В.Тихонова

Социальная и гендерная проблематика

в «младогерманском» дискурсе

(на примере прозы К. Гуцкова)

Принцип «*современного искусства*» как первостепенная задача «Молодой Германии» (общественно-литературное движение середины XIX в.) предполагал, по мысли Карла Гуцкова, лидера движения, критическое наблюдение и осмысление социальной жизни, сопряжённые с проблемами морали. Именно в этом направлении развивалась позиция Гуцкова по поводу особенно значимых в общественном и культурном контексте XIX в. проблем семьи, брака и взаимоотношений мужчины и женщины в рамках этих институтов.

«Предмартовская» эпоха в Германии связана с популярностью либеральных концепций «эмансипации духа и плоти», распространение которых было инспирировано осмыслением идей Просвещения и Французской революции. Понятие «*эмансипация*» стало ключевым в концепции либерализма, обозначив освобождение от традиционных, консервативных установок во всех сферах – социально-политической, культурной, моральной: «В эпоху реставрации он охватывает не только

проблему политической эмансипации гражданина, но и эмансипацию евреев, женщин, тела; эмансипацию от христианской доктрины, от норм поэтического искусства, от «эстетической» прозы романтиков» (Rinsum von, A. und W. 1992, 109). Положения об «эмансипации плоти» нашли своё выражение в учении А. К. де Сен-Симона, которое получило особенно широкое распространение именно в начале 1830-х гг. и оказало влияние на всё поколение К. Гуцкова.

Как отмечает немецкий исследователь В. Зуге, именно влияние последнего, параллельно с влиянием учения Гегеля о триединстве идеи, природы и духа приводит «младогерманцев» к теории «эмансипации духа и плоти», где именно соединение этих понятий принципиально важно для молодых либералов. В этих положениях они следовали за Г. Гейне, провозгласившим «реабилитацию материи, восстановление её достоинства, её моральное признание, её религиозное освящение, её примирение с духом» (цит. по: Suhge 1835, 99). Среди положений сенсимонизма «младогерманец» Гуцков выделяет то, что стало предметом особенно острых общественных и литературных дискуссий в его время – стремление применить теорию о равноправии к проблеме общественного положения женщины, что приводит его, в свою очередь, к сопряжению требования социального равенства с принципом свободы чувств.

«Младогерманцы» подвергли критике, прежде всего, принципы брака без любви, без осознанного выбора, поставив, таким образом, социальное освобождение женщин на первое место. Кроме того, *сама реальность* являла яркие примеры «эмансипации по-немецки», связанные с судьбами, взглядами и общественным поведением известных женщин романтической эпохи – Беттины Brentano, Рахели Варнхаген фон Энзе и Шарлотты Штиглиц. Они как мифологизированные образы вошли в сознание поколения и в немецкую литературу.

Вопрос об эмансипации женщины, таким образом, стоит рассматривать в русле социологических взглядов Гуцкова *в целом*, где проблемы взаимоотношения мужчины и женщины (в контексте семьи и брака, искусства и литературы, религии и философии) занимают одно из ведущих мест. И учитывать те влияния, которые он испытал, анализируя их. Эти проблемы представлены во многих произведениях Гуцкова «предмартовского» периода, более того – варьируются бесконечно и дискутируются. Самые характерные – роман «Валли» (1835г.), новеллы «Имаджина Унру» (второе название – «Любовь-фантазия») и «Голубиная почта» (1847г.), которые в проблемно-тематическом плане соотносятся с пьесой «Вернер, или Сердце и свет» (1839-40 гг.) и подкрепляются его драматическими находками, рассчитанными на широкого зрителя.

И в романе, и в новеллах Гуцков, предлагая «частные» истории, всё же рисует главных героев, прежде всего, как *женщину* и *мужчину вообще*, постоянно «восходя» в описаниях и рассуждениях от конкретных персонажей к более общим – гендерным – моделям, но при этом ещё и обобщая их как типажии социально-исторические.

В целом «интуитивное» начало в женских образах противопоставлено мужскому «рассудку», что побуждает Гуцкова к ещё более обширным выводам о соотношении и динамике мужского и женского вообще. Например, в романе «Валли», утверждая приоритет разума, автор вкладывает в уста своей героини характерную формулу: «Женщины развиваются (совершенствуются) только при помощи мужчин» (Gutzkow 2005, 26). Мужчина выступает здесь проповедником «блестящих идей». Женщина учится посредством общения с ним («*durch ihn*») познавать себя и мир.

Центральный тезис романа связан с осознанием Валли того, что она хочет быть «*вместо женщины человеком*» («...sie fühlte das Entzücken, statt eines Weibes Mensch zu sein») – (выделено нами – О. Т.) (Gutzkow 2005, 26). Героиня делает вывод (за которым явно стоит сам автор) о приоритете и сущности «мужских» законов в обществе: «Мужчины счастливы, потому что к ним предъявляют требования. Мера их действий – это одобрение или польза, которую они приносят. ...Наше проклятие именно в этом – от нас ничего не требуют, ничего не хотят, от нас ничего не зависит. Кроме того, мы ограничены тем кругом мыслей, в который нас заключило насильно наше воспитание. И мы не можем вырваться из него... Я хотела бы обсудить права – но на кого, на что?» (Gutzkow 2005, 34).

Мысль о *мужской вине* соседствует с выводом, к которому приходит Валли в результате своей личной попытки «эмансипации». Она *принимает* «мужскую» логику общества, осознавая свою *зависимость* от него, невозможность вырваться за его пределы. Валли констатирует свою приверженность идее подчинения мужчине в традиционном браке как более последовательному, разумному и социально значимому типу союза, чем «свободные отношения». В связи с этим Е.В. Карабегова делает вывод, что «Валли становится практически первым образом в немецкой литературе XIX века, в котором отражается такое глубокое осознание героиней своего места уже не в абстрактной системе мироздания, не в романтизированном мире-универсуме, а в конкретном современном обществе...» (Карабегова 1997, 66).

Те же цели преследует К. Гуцков в своей малой прозе 1840-50-х гг. В новеллах «Почтовые голуби», «Любовь-фантазия» Гуцков так же исходит из убеждения, что женщина – существо не «рациональное», а «сентиментальное», что она призвана *следовать* мужчине и в мыслях, и в поступках. Но рядом с этими антитезами (сила ↔ слабость, ведущий ↔ ведомый) в новеллах намечена другая проблема – «*взаимопонимания*». Автор представляет его как стремление мужчины и женщины навстречу друг другу – в желании стать равными и в мыслях, и в поступках.

Рассуждая о правах современных женщин, автор приходит к выводу, что в любом случае женщина обретает счастье, только пройдя «школу жизни», найдя себя путем проб и ошибок, путем «*воспитания*» – в сторону духа, поэзии или наоборот – «дома», быта. Но обязательно – это

должен быть ее собственный, *свободный* и *осознанный выбор*.

Карабегова Е.В. Творчество Карла Гуцкова в контексте «Молодой Германии» / Е. В. Карабегова. – М.: МГУК, 1997. – 190 с.

Gutzkow K. Walli, die Zweiflerin / K. Gutzkow / Hrsg. von G. Heintz. – Stuttgart : Reclam, 1983. – 476 S.

Rinsum van A. und W. Emanzipation, das «Junge Deutschland» und «der Vormärz» / A. und W. van Rinsum // Deutsche Literaturgeschichte: Frührealismus 1815-1848. – München : DTV, 1992 – B.6 – S.109-112.

Gutzkow K. Wally, die Zweiflerin / K. Gutzkow. – (wally_october 2005. pdf – Foxit Reade 2.2. – 131 S.).

Suhge W. Saint-Simonismus und Junges Deutschland / Suhge W. – Berlin : Ebering, 1935. – 159 S.

О.Н.Чарыкова

Флористическая лексика в современном поэтическом дискурсе

Флористическая лексика занимает важное место в составе любого языка и в языковой картине мира этноса. Представляется интересным рассмотреть, какую информацию могут репрезентировать наименования растений в современном русском поэтическом дискурсе.

Анализ показал, что фитонимы несут важную функциональную нагрузку, выступая в качестве индикаторов той информации, которая представлена в художественном произведении не только эксплицитно, но и имплицитно. Декодирование данной информации позволяет интерпретировать текст в максимальном соответствии авторскому замыслу.

Очень часто фитонимы служат *локальными индикаторами* лирического события или переживания, поскольку использование номинации определённого растения даёт читателю пространственные ориентиры, указывая на ту или иную часть земного шара, ту или иную климатическую зону. Так, *берёза*, *осина* или *рябина* ассоциируется у читателя прежде всего со средней полосой России, например:

...И как родня

*Столпились тонкие **рябинки** вокруг меня* (И.Лиснянская).

Считай, что я живу в Константинополе,

Куда бежать с семьёю Карамзин

Хотел, когда б цензуру вдруг ухлопали

*В стране родных мерзавцев и **осин*** (А.Кушнер);

миндаль – с южными регионами:

*Поверить хоть на миг мне дай
В то, что возможно это!
... Над серым мартом взмыл **миндаль** –
весёлый вымпел света (Р.Казакова);*

*олива – с Италией, Грецией, Израилем:
Ночью тёрны и **оливы**
Плачут горькими плодами,
И немеет Старый город,
Затворившись от людей (Е.Смагина).*

И когда Ю.Ряшенцев пишет, что он «не **тутовый** сад ..., ни **сливу**, ни **айву**, ни **хурму** / потерял с тобой, имперский распад», то названия фруктов являются индикаторами утраченных в результате распада Советского Союза территорий.

Номинации определённых растений могут служить *темпоральными индикаторами*. Например, *ландыш* указывает на конец мая, *земляника* – на середину или конец июня и т.д.

*Что-то не очень воздух
Свеж и чист на задворках.
Вот и спасают **гроздьа**,
Запах **сирени** горький (Ю.Кобрин)*

*Отпусти меня, любовь...
В царство **ягод** и **грибов**
От тоски зелёной (Р.Казакова)*

В приведённых контекстах наименования растений чётко указывают на время лирического события.

Темпоральными индикаторами могут служить и описания *состояния* деревьев, листьев, травы, поскольку изменения в их развитии и его биологические фазы обусловлены временем года. Например:

*...Трава была нежна, вода была пресна,
и набивали цвет **крыжовник** и **малина** (С.Кекова)*

*Сад постепенно вянет,
Слива уже сошла (В.Губайловский)*

*Жизнь сделалась прожитой,
Нагнавшей слезу
На кисти мороженой
Рябины в лесу (Ю.Кублановский).*

Номинации растений, указывающие на определённое время года, могут также служить *индикаторами эмоционального состояния* лирического субъекта, поскольку в поэтической картине мира весенний расцвет природы соотносится с радостью, ожиданием любви, лето - с расцветом чувств, осень – с грустью, разочарованием, зима – с охлаждением и утратой любви.

*Девчонке пошлых слов наговорили. Поверила.
И показалось ей, что на сугробах расцветают лилии,
А в снежных ветках свищет соловей.
Когда ж, сводя окрестности с ума,
в черёмухе их сотня рассвисталась,
Остались обречённость и усталость.
И её казалось, что пришла зима* (И.Петрова).

Определённые фитонимы могут служить индикаторами этнографических и культурных аспектов ситуации лирического события или переживания. Примером *этнографической индикации* является использование в поэтическом тексте наименований растений, обладающих в национальном сознании народа определённой символикой. Например, в русском национальном сознании *полынь* символизирует горечь, горести жизни, *белена* – сумасшествие, неадекватность поведения, *крапива* – забвение, запустение, растение под названием «*перекати-поле*» - жизненную неустроенность, отсутствие постоянства.

*Хоть зла судьба к поэту, хоть добра,
Его душа – не перекати-поле...* (Р.Казакова)

*Ты хоть и не ешь белены,
Но пьянствуешь с отцом панночки,
Сотником тем иль хорунжим...* (В.Захаров)

*Только подумаю, что со мною случилось, -
Сразу **полынь** на губах...* (А.Кобенков).

Этнографическая индикация проявляется и во внутренней форме народного названия того или иного растения, например: *перекати-поле*, *анютины глазки*, *львиный зев*, *ноготки* и т.д.

*Меж погостом и церковью три козы
Мать-и-мачехин щиплют простор...* (И.Лиснянская)

*Всегда обращаю вниманье на цвет,
Но прежде всего замечаю,
Что тонкий рисунок похож на просвет
На жиденький куст **молочая*** (В.Салимон)

*Жаль. А то пучок нарвал я **иван-да-марьи**,
Груб-фиолетовый, примитивно-жёлтый...* (А.Найман).

Культурная индикация проявляется в том, что номинация растения является аллюзией на какой-либо феномен общечеловеческой или национальной культуры. Например, *сакура* может ассоциироваться с японской культурой, *лавр* – с античной. *Яблоко* вызывает ассоциации с Эдемом, *тёрн* – со страданиями Христа, и употребление данных фитонимов соотносит лирическую ситуацию с христианством.

*Под **яблонями**, как в раю, лежат мои клеветники...* (И.Ермакова)

*... пускай не расклеятся почки,
поскольку ты - **смоковница** та,
которую проклял ещё до Христа...* (М.Амелин).

В результате анализа современных поэтических текстов выявляются как устойчивые ассоциации, связанные с тем или иным растением, так и индивидуально-авторские. Например, повторяющиеся, а следовательно, устойчивые ассоциации вызывает у современных русских поэтов *вьюнок*.

*Чтобы сердце так не ныло,
Не болело, надо было
Виться розовым **вьюнком**...* (Л.Миллер)

*Меж злом и добром
Не ползай **вьюнком** –
Опасно* (Г.Корин).

Лексема *вьюнок* в этих контекстах сочетается с лексемами *виться*, *ползать* и ассоциируется с изменой своей истинной сущности, с приспособленчеством.

Если выявление устойчивых ассоциаций позволяет точнее осознать общие ментальные компоненты современной поэтической картины мира, то индивидуальные предпочтения в употреблении фитонимов и индивидуальные ассоциации являются важным средством выражения индивидуально-авторской картины мира художника слова. Так, противопоставляя житейскую суету спокойствию и естественности природы, разные поэты могут ассоциировать покой и безмятежность с разными растениями. Например:

*Какое там смятение,
Метание в бреду! –
Есть тихое цветение*

Кувшинки на пруду (Л.Миллер)

И солнечно, и холодно –

Черёмуха цветёт

В укор тому, кто хлопотно

Живёт, как серый крот (К.Ковальджи).

Следовательно, можно утверждать, что номинации растений могут выступать в качестве языковых индикаторов как общих, так и индивидуальных черт поэтического мировосприятия. Особенно наглядно это проявляется в системе тропов, поскольку специфика каждого из них обусловлена не только спецификой индивидуального мировосприятия, но и тем, что в сознании поэта преломляется и творчески трансформируется национальная картина мира. Вот очень яркий пример такого явления:

*Как называются те **красные цветы**?*

Такие круглые, огромные, как блюда,

***Краснознамённый хор**: они раскрыли рты* (Е. Ушакова).

Таким образом, фитонимы в силу их этнокультурной релевантности играют важную роль в постижении читателем репрезентируемой в современном поэтическом дискурсе картины мира и адекватности её интерпретации.

М.И.Черкашенко

Индивидуально-авторские образования в современном поэтическом дискурсе

Слову как единице языка посвящена огромная литература, которая все продолжает пополняться. Одновременно расширяется круг проблем, имеющих отношение к слову. Эта неистощимость лингвистической проблематики слова объясняется его особым положением в системе языка – положением главной, центральной единицы, причастной ко всем его уровням.

В настоящее время русский язык переживает очень сложный период своего развития. Яркой иллюстрацией происходящих в нем процессов может служить лавинообразное словообразование, результатом которого является появление новых слов. При этом либерализация языка в области образования новых слов ярче всего проявляется в языке средств массовой коммуникации и языке современной поэзии. Новые слова в художественной речи традиционно рассматриваются как окказионализмы, т.е. такие слова, новизна и необычность которых сразу бросается в глаза. Подобные лексические единицы в лингвистической литературе получили

названия «индивидуально – авторские новообразования», «индивидуальные слова», «авторские неологизмы», «неологизмы контекста» и др.

Кроме того, исследователи обращают внимание на такую особенность окказионализмов, как их нередкое образование по малопродуктивной или непродуктивной языковой модели. Однако большинство исследователей последних десятилетий обращают внимание на то, что все новые слова образованы при помощи тех способов словообразования, по тем словообразовательным моделям, которые были продуктивны и раньше. При этом отмечается, что окказионализмы русского языка являются фактом речи, а не языка. Такие слова, за редким исключением, не осваиваются языком, не входят в его словарный состав, а живут только в каком-то определенном тексте, придуманы каким-то автором для специальных целей.

Главная функция таких слов не номинативная экспрессивно-оценочная. Они создаются сознательно для привлечения внимания к какому-то определенному событию, явлению и т.д. Важнейшим свойством окказионального слова является его «принципиальная одноразовость».

Анализ лингвистической литературы, посвященной вопросам индивидуально–авторских новообразований, показывает, что исследователи, решая данную проблему, оперируют различными терминами, нередко вкладывая в них один и тот же смысл. Наиболее распространенным из них является термин «окказионализм» (или «окказиональное слово»).

Термин « окказиональное слово» был предложен Н.И.Фельдман в статье «Окказиональные слова и лексикография». В переводе с латинского (occasion – «случай») данный термин обозначает слово, созданное один раз для данной речевой ситуации. Для обозначения данного понятия в лингвистической литературе используются и другие наименования. Г.О.Винокур называют их неологизмами, Л.В.Щерба и А.И.Смирницкий – потенциальными словами, И.Ефимов – образованиями и т.д. В настоящей статье мы используем термин «окказионализм», отграничивая его в первую очередь от понятия неологизма. Окказиональное слово – это слово новое, не нашедшее широкого употребления в языке. Оно может быть (и чаще всего бывает) авторски-индивидуальным, созданным одним человеком в каком-то определенном контексте. Окказиональное слово носит речевой характер, оно не воспроизводится, а творится.

Вообще, для наиболее точного определения понятия «окказиональное слово» необходимо привести классическое определение канонического слова, данное Н.М.Шанским, который в качестве основных выдвинул двенадцать признаков слова, а затем выделил из них только пять, называя их «предельным минимумом». По мнению названного ученого, «обязательными, характерными абсолютно для всех слов русского языка свойствами являются их фонетическая выраженность, семантическая валентность (наличие определенного лексического значения),

недвуударность, лексико-грамматическая отнесенность и непроницаемость. Это позволяет дать рабочее определение слова: слово – это «лингвистическая единица, имеющая, если она не безударна, в своей исходной форме одно основное ударение и обладающее значением „лексико-грамматической отнесенностью и непроницаемостью» (Шанский 1964, с.31).

Окказиональное слово, как и слово классическое, определяется в научной литературе по-разному. Наиболее приемлемой представляется точка зрения А.Г.Лыкова, который замечает: «окказиональное слово - это речевая экспрессивная единица, обладающая свойствами невоспроизводимости, ненормативности, номинативной факультативности и словообразовательной производности» (Лыков 1976, с.36).

Из указанных Н.М.Шанским двенадцати признаков канонического слова окказиональное слово обладает почти всеми, за исключением воспроизводимости и постоянного звучания и значения в силу его одноразовости и невоспроизводимости. Специфика окказионального слова, его различные свойства и особенности, создающие сам «эффект» окказиональности, носят также многопризнаковый характер

Итак, как показывают наблюдения, окказиональное слово отличается от канонического следующими признаками. Во-первых, принадлежностью к речи. Это наиболее широкий и важный признак окказионального слова. В окказионализме содержится противоречие между фактом речи, с одной стороны, и системой и нормой языка – с другой. Она выражает в особых языковых формах «предельную специфическую конкретность» соответствующей ситуации.

Во-вторых, окказиональное слово отличается от канонического творимостью (невоспроизводимостью). Названный признак является одним из наиболее специфических речевых признаков окказионального слова. Творимость окказионализмов противопоставлена воспроизводимости канонических слов, притом под воспроизводимостью последних понимается их функциональная повторимость в готовом виде.

В-третьих, окказиональное слово характеризуется словообразовательной производностью. Оно по самой своей сути обязательно должно быть производным, т. к. представляет собой результат относительно свободной комбинации по крайней мере двух словообразовательных морфем. Как отмечают исследователи, окказиональное слово – это неизвестное языку слово, образованное по языковой малопродуктивной или непродуктивной модели, либо по речевой модели, и созданное с целью обычного сообщения. Причем, окказиональным является и слово, созданное не из морфем, а и из звуков. Например, у Вознесенского: «Оауу, оаии! Это я кричу».

Окказиональное слово, образованное по малопродуктивной модели, является новым, потому что это новое сочетание морфем, объединенных в

цельное слово. Оно ново и потому, что такого сочетания морфем в соединении с этим лексическим значением в языке не было.

Следующий отличительный признак окказионализма – ненормативность, т.е. неподчиненность языковой норме. Мотивированная неправильность окказиональных слов может быть одним из проявлений поэтической речи. В этом случае отклонение от языковой нормы выступает как образное средство.

Далее, важнейшим свойством индивидуально-авторского новообразования является его одноразовость. Это свойство выражается в том, что окказионализм создается говорящим в речи для употребления его всего один раз. Однако это спорный вопрос, т.к. некоторые исследователи полагают, что и для окказионализмов характерна воспроизводимость, поскольку они могут извлекаться из памяти, произносятся вслух как воспоминание прочитанного, фиксироваться повторно на бумаге.

Характернейшая черта окказиональных слов – экспрессивность, которая определяется Ахмановой О.С. как «выразительно-изобразительное качество речи, отличающее ее от стилистически нейтральной и придающее ей образность и эмоциональную окрашенность». [Ахманова, 1966, с.524]

От канонического слово окказионализм отличает также характер номинации. За окказионализмом не закреплено никакого определенного лексического значения. Об их значении мы догадываемся из контекста, в этом и есть их факультативная номинативность. Вообще, окказионализмы очень зависимы от контекста, сами по себе как носители каких-то значений они беспомощны и просто непонятны без опоры на достаточно объемный контекст канонических слов.

Подлинная жизнь индивидуально-авторского новообразования в речи – это его одновременно рождение и употребление, без последующего воспроизведения. Как считает Лыков А.Г., таким образом, окказионализмы и синхронны и диахронны. Синхронно-диахронная диффузность свойственна лишь окказиональным словам и чужда каноническим. Окказионализмам не свойственна историческая протяженность их функционирования, поэтому они не могут быть рассмотрены только в синхронном или диахронном аспекте, ибо в окказионализмах они неразрывны.

И, наконец, отметим последний отличительный признак окказионального слова – признак индивидуальной принадлежности. Не случайно, окказионализм называют индивидуально-авторским новообразованием, ибо авторская принадлежность для окказионализма является условием его существования.

Значимость девяти названных признаков окказионального слова (принадлежность к речи, творимость, словообразовательная производность, ненормативность, функциональная одноразовость, экспрессивность, номинативная факультативность, синхронно-диахронная диффузность, индивидуальная принадлежность) неодинакова. Надо

учитывать, что встречаются слова, переходные между словами каноническими и окказиональными. Поэтому каждый из девяти признаков взятый в отдельности, недостаточен для определения окказиональности. И только взяв все признаки в совокупности можно отграничить окказиональное слово от других единиц языка, в том числе и от канонического слова, а также от диалектизмов и других некодифицированных лексических элементов русского языка.

Мы исследовали окказионализмы, выявленные нами в современной поэзии 2000-х годов. В ходе анализа собранного картографического материала (его объем составил более двухсот примеров употребления индивидуально-авторских новообразований в современной поэзии) нами были сделаны некоторые наблюдения относительно функционирования поэтических новообразований, построенных по определенным словообразовательным моделям. Так, наиболее частотными для рассматриваемой группы слов являются:

1. Суффиксальный способ образования:

Жизнь моя – складывать (каждый раз по-другому)

И упаковывать, зная цену обратной

Невозвращенности/невовлеченности... (К.Духова. Дико холодно)

И помним, *кляпная* стихия

Тюремных пут страшной подчас. (В. Болохов)

На безымянном островке

Средь камышового *бесшумья*

Погладить линию в реке

В минуты долгого раздумья. (М.Каменецкий)

Как часто в снежную *кромеиность*

Нас тянет целиной шагнуть. (В.Лапшин)

2.Сложение основ:

По горбам да по наледи катит –

Хоровей полушалонок косматит. (В.Лапшин)

Старуха ставни закрывала,

Ключами ржавыми звеня,

Старуха солнце воровала,

У солнцелюба, у меня! (И.Шкляревский)

Пусть звезды *вечнозолотые*

Глядят, глядят сквозь времена. (Н.Мартишина)

3.Префиксально-суффиксальный способ словообразования:

Покуда *беспопятен* путь,
 Спешу, надеждой заклеянный,
 Доставить не куда-нибудь
 Послание лиры забубенной.(В.Болохов)

Вообще и *бесклевию* мило,
 Хорошо бы отцу пофартило.(А.Аникеев)

Подайте *палюдо* пропитому ,
 Подайте ,право, православные.(Г.Илюхина. Тавтограмма)

4.Префиксальный способ:

Верхние листки
Доподобрал, как подтянул носки,
 И враз навис, как Фишер или коршун. (Д.Князев)

Но в этом звучанье *невстреча* имеет задел. (О.Шеметова)

5.Сложение основ с суффиксацией:

Когда тихое сердце тупо
 Талдычило *двуручные* слова –
 «зачем», «еще зачем». (Н.Кононов)

Всестерпеливый риск бумаги
 И *страстотерпный* раж пера,
 Без клятв на верность и присяги
 Мы побратались не вчера.(В.Болохов)

Не вспыхнет и кресальный трут
 Без *божьейскренного* рвенья,
 И гениальному прозренью
 Предтеча – *кровопотный* труд.(В.Болохов)

6.Постфиксация:

Что касасемо лошади – *скакалося...*(П.Громов)

7.Нулевая суффиксация:

Печальные напевы льются,
 И надо мной со стороны
Зеленокрылые смеются

Как попугаи, кочаны.(Д.Павлыко)

Сапфо *фиалкокудрая*
 Купите фиалки
 Фиалки Монмартра
 Фиалки для Сартра.(К.Кедров)

8.Аббревиация:

Здесь всяк – великан и *литгномик*-
 Шедевры на даче творил
 И старый волошинский домик
 Легендой над ними парил.(В.Урусов)

У современной русской поэзии сложный и многообразный язык. Для того, чтобы точнее выразить свои мысли и чувства, поэты стараются создавать новые яркие художественные образы. Но словарного запаса современного русского языка не всегда хватает для наиболее полного и яркого выражения своей мысли и передачи своего отношения к ней. Создание новых слов помогает поэту конкретно и более точно описать то, что он думает и чувствует при создании стихотворения. В отличие от обычных слов, для которых основной является номинативная функция, авторские окказионализмы создаются поэтами для придания экспрессии и выразительности поэтическому тексту. Использование индивидуально-авторских новообразований делает стихотворение ярче, красочнее, метафоричнее, благодаря чему многократно усиливает читательское впечатление от воздействия поэтического текста, а также является яркой приметой индивидуального стиля художника слова.

Вслед за Лыковым А.Г., Ханпирой Эр., Смирницким А.И. мы считаем возможным выделить две группы окказионализмов:

- 1.Слова, созданные по новым словообразовательным моделям.
- 2.Слова, созданные по общеязыковым словообразовательным моделям.

Именно слова, относящиеся к первой группе, и называются собственно авторскими окказионализмами. Но в проанализированных нами примерах, взятых из поэтических текстов, созданных в 2000-х годах, используются общеязыковые словообразовательные модели при создании авторского неологизма.

Наиболее распространены в современной поэзии окказиональные новообразования, созданные суффиксальным, префиксально-суффиксальным, префиксальным способами, а также способом сложения.

При помощи суффиксации в проанализированном нами материале образовано 30% окказиональных слов. Таким образом, это наиболее часто встречающийся способ образования окказионализмов. Вторым, наиболее частотным, является сложение основ. При помощи этого способа создано 15% окказиональных образований, причем наиболее продуктивно

образование окказиональных прилагательных подобным способом. Но чаще всего поэтами используется не чистое сложение основ, а словосложение с суффиксацией. Таких случаев образования окказионализмов намного больше.

Префиксальный и префиксально-суффиксальный способы образования индивидуально-авторских слов используются поэтами при создании новых имен существительных, прилагательных и глаголов. Этими способами образовано 10% окказионализмов в проанализированных нами примерах.

Поэты не ставят перед собой задачи максимально обновить или даже создать новый поэтический язык, а индивидуально-авторские новообразования создаются для наиболее точной передачи собственных мыслей и чувств. Поэтому при создании окказионализмов авторы не придумывают принципиально новые словообразовательные модели, а обращаются к уже существующим.

Итак, проведенное нами исследование выявило, что современное окказиональное словообразование имеет большие потенциальные возможности для передачи разнообразных оттенков значения и авторского настроения. Словообразовательные окказионализмы являются ярким стилистическим средством повышения экспрессивности слова и контекста в современной поэзии. Изучение словообразовательных особенностей индивидуально-авторских новообразований предоставляет большие возможности для анализа художественной речи.

-
- 1.Ахманова О.С.Словарь лингвистических терминов.- М.,1966
 - 2.Лыков А.Г. Современная русская лексикология(русское окказиональное слово).- М.,1976.
 - 3.Ханпира Э.Об окказиональном слове и окказиональном словообразовании. – М.,1966
 - 4.Шанский Н.М.Лексикология современного русского языка . – М.,1964

Художественная картина мира

О. В. Арзямова

Синтаксис прозы В. С. Маканина как отражение художественной «картины мира»

Синтаксис прозы В.С. Маканина является наглядным отражением индивидуальной художественной «картины мира» писателя. Говоря о содержании номинации «картина мира» следует отметить, что в структуру данного понятия «входит семантика сотворённости, воплощённости мироощущения субъекта, а значит, и принципы художественного построения модели мира, фиксирующей авторское мироощущение» (Рыбальченко 1999, с.69).

Художественная «картина мира» В.С. Маканина с точки зрения её синтаксической организации в основном отличается аналитичностью, или синтаксической расчленённостью. Особенно наглядно это проявляется как на уровне построения отдельных фраз, так и на примере целостных фрагментов текста:

«На опустевших рельсах... На открывшемся пространстве только и толпились они, новоиспечённые солдаты. Никого больше... Они вдруг видят самих себя. Вот мы какие! Нас много!.. А поезд (всего-то два вагона), на котором они прибыли, скромный такой, тотчас куда-то отгрохотал и ушёл. Война!» (Маканин 2008, с.5).

Два предложения, с которых начинается роман: «На опустевших рельсах.... На открывшемся пространстве только и толпились они, новоиспечённые солдаты», представляют собой структурно расчленённую парцеллу концепта «бытие объекта», который имеет следующую схему: «кто/что есть где» (Попова 2009, с.32).

Модификация универсального синтаксического концепта, от которого в первом предложении остаётся только «где» - На опустевших рельсах, - синтаксически оформляется посредством отчленённой конструкции присоединительного характера (два первых предложения легко могут быть организованы в одно). Подобное усечение парцеллы концепта структурно и семантически связано с тенденцией к аналитичности, дискретности современной прозы. На наш взгляд, данное явление также свидетельствует о намерении автора воспроизвести своеобразную имитацию устной спонтанной речи, которой, как известно, наиболее свойственны парцелляция и сегментация.

Наиболее яркой отличительной чертой, характеризующей не только композиционно-речевую структуру романа, но и отражающей особенности художественной «картины мира» писателя, является то, что в нём заметна общая тенденция к полифонизму, предполагающему сосуществование в тексте нескольких «голосов».

Если далее проследить структуру первого абзаца, то можно заметить, что в нём впоследствии не происходит строгого разграничения на речь внутреннюю и внешнюю: «А поезд (всего-то два вагона), на котором они прибыли, скромный такой, тотчас куда-то отгрохотал и ушёл. Война!»

Эти два предложения могут быть отнесены как к речи автора-наблюдателя, так и к внутренней речи солдат-новобранцев, только что прибывших на железнодорожный вокзал в Грозный. Грамматическим показателем, свидетельствующем о наличии двух планов речи – внешнем и внутреннем, является текстовая оппозиция «они – мы», реализуемая в предложениях: «Они вдруг видят самих себя. Вот мы какие! Нас много!». Таким образом, структура первого абзаца романа оказывается равной сложному синтаксическому целому (ССЦ), так как воплощает одну микротему «прибытие солдат», однако её раскрытие происходит не с одной, а с разных точек зрения (внешней и внутренней).

На протяжении всего повествования в романе активно соседствуют две взаимосвязанные точки зрения, представленные разными «голосами». Первая из них – это своеобразная «прямая точка зрения», передающая внешнюю речь персонажей. Вторая точка зрения – косвенная, она, за редким исключением, принадлежит главному герою – майору Жилину. Косвенная точка зрения в основном представлена формами внутренней речи, позволяющими с помощью рефлексирующего сознания главного героя романа взглянуть на происходящие события как бы опосредованно, со стороны.

По этому поводу М.Я. Дымарский пишет: «... от характера локализации автора в тексте – её стабильности или нестабильности – прямо зависит возможность или невозможность для читателя построить непротиворечивую и достаточно определённую модель изображаемого мира» (Дымарский 2006, с.241).

На наш взгляд, художественная «картина мира» в романе может быть гипотетически представлена в виде двух «сфер», одна из которых является своеобразным отображением внешней точки зрения, а другая – внутренней. Причем, большей по содержанию и по объёму из них будет «сфера», репродуцирующая внутреннюю точку зрения главного героя:

«Я с холодком покосился на кусты. Колючки! И вокруг безмятежно высокая трава.

Притом что бензин чеченцы майору Жилину отдают... грузовики отдают... дорогу отдают... вот разве что солдатики в ауте.

Но что майору Жилину эти солдатики... Жаль пацанов, так и будут порезанные валяться в кустах! Не протрезвев, не проснувшись!... А себя самого майору Жилину не жаль?

А между тем я не вояка. И однажды в Ялхой-Мохи, едва не сгорев заживо (облитый моим же бензином), я уже сказал себе: стоп, стоп! Не та война, майор, чтобы бросаться жизнью. Над мирной высокой травой птички порхают.

Эта высокая трава меня достала! Я даже спросил себя – почему ты, майоришка, такой заводной? ... ты что, крутой? ... Я спросил себя: куда ты лезешь, дерьмо в камуфляже, когда у тебя дома жена и дочка? ... Каждый день ждут... Война отдельно – ты отдельно. Запомни... Ты просто служишь. Ты просто служишь на Кавказе.

Я слышал, как по спине двинулась капля пота. Ползёт... Высокая трава! ... Пацанов тебе жаль. Ах, ах!... Будут валяться в траве и в кустах! Ах, какие молодые!... Но взгляни честно. Они приехали убивать. Убивать и быть убитыми... Война.

Сиди на своём складе, майор. Считай свои бочки с бензином... и с соляжкой... с мазутом...

Кляня себя (и слыша всем известные рези в желудке), я меж тем продолжал торговаться. Майор Жилин продолжал торг с полевым командиром» (Маканин 2008, с. 25-26).

Анализируя композицию и сверхфразовый уровень организации рассказа В. С. Маканина «Страж», М. Я. Дымарский отмечает, что «синтаксический строй рассказа характеризуется тенденцией к максимальной расчленённости, реализующей идею внутренней разобщённости, нецельности главного героя» (Дымарский 2006, с.227).

Здесь следует отметить, что свойственная рассказу В.С. Маканина «Страж» «тенденция к парцелляции» (Дымарский), наиболее отчётливо проявляет себя и в новом романе писателя:

«В виде каши.

И тогда же Бог упрекнул меня этой кашей и остановил меня. *Не воюй...* Бог подсказал мне третий путь.

С тебя хватит крови, майор Жилин... Ты не вояка и не мститель. Ты обычное честное дерьмо. И хотя ты никто и ничто, майоришка Жилин, ты не сразу сгинешь в уже начавшемся непредсказуемом кровавом бардаке... *Продавай...* Тебе не выжить иначе.

Предлагай – и продавай... С *дудящими* только так. И не стесняйся... Твоя миссия!» (Маканин 2008, с. 253).

Перед нами фрагмент текста, начинающийся с парцеллы, предложения-синтагмы - В виде каши. Здесь следует отметить, что синтаксис романа «Асан» во многом схож с синтаксисом рассказа «Страж», в котором, как полагает М. Я. Дымарский, « в сферу парцелляции... втягиваются синтаксические единицы всех аспектов и уровней, вплоть до сверхфразового: средством оформления парцелляции становится даже абзацный отступ, парцеллятом становится компонент, которому силой абзацного членения придаётся статус, соответствующий уровню сверхфразовой единицы текста.» (Дымарский 2006, с.228).

Отметим здесь характерную идиостилистическую черту, свойственную роману «Асан». Собственно синтаксическим средством, формально осуществляющим переход от одного плана к другому, в нём выступают конструкции с несобственно-прямой речью. Несобственно-прямая речь как особая композиционно-речевая структура используется в романе с максимальной частотностью. Она не только грамматически осложняет структуру повествования, но и делает его более выразительным, сближая черты разговорного и экспрессивного синтаксиса:

«Я разозлился на его улыбку, но ещё больше на самого себя. На майора Жилина, который (как вдруг оказалось) слишком упёрся... увлёкся в торге... не уступает майор! (А между тем за плечами мертвяк. Который лежит на въезде!) Неосторожное слово – и меня прикончат. Прямо здесь. Вдоль ничейной дороги... здесь даже не хоронят... Падаль!... В кусты... Здесь всё внезапно!» (Маканин 2008, с. 25).

Как видим, в данном фрагменте так же, как и на протяжении всего романа, заметно усиливается роль скобок. Использование скобок является излюбленным приёмом писателя. По этому поводу Т.Н. Маркова пишет: «В произведениях Маканина скобочное оформление сильно и эффектно подчёркивает смысловое наполнение изображения. Посредством скобочных записей писатель вносит в текст ту информацию, которую он считает необходимой для наиболее адекватного понимания созданной картины мира. Они (эти включения) придают повествованию смысловую насыщенность и определённую, не нарушая его лаконичности и не утяжеляя его» (Маркова 2003, с.11).

Скобки в тексте романа не только привлекают к себе внимание читателя. Они, действительно, как бы расчленяют события и явления, происходящие в тексте романа, на части. Причинно-следственные связи между этими событиями (явлениями) заметно ослабляются, и, как справедливо отмечает М. Я. Дымарский, это «приводит к тому, что в создании повествования эти составные части приобретают несвойственную им самостоятельность. Более того, в результате этого искусственного расчленения актуализируется представление о внутренней структурированности каждой такой «самостоятельной» части» (Дымарский 2006, с.229).

В «Асане» скобки также могут служить средством выражения саморефлексии героя. В этом случае они, как правило, отягощены многочисленными повторами, которые также изобилуют в романе, тем самым выражая особенности как бы «заикленного» сознания героя:

«Залив бензовозов был тоже плох. Но зато бочки. Бочки!... Вот что меня подвигло... Я вдруг узнал их. (Или мне показалась, что я их узнал.) Родные мои. Их действительно вывезли из грозненской жаровни. (Или мне показалось...) Я весь вострепел. Это были мои бочки. Мой бензин!... Именно так я кричал десантникам Рохлина.» (Маканин 2008, с. 262-263).

Лексические повторы создают особую интонацию романа. В структуре внутреннего монолога-размышления они являются своеобразной имитацией устной спонтанной речи. При этом они (повторы) тесно связаны с энтропийным и интровертным характером художественного сознания и выражают саморефлексию маканинской прозы: «Взаимное умолчание. Ни слова. Я ничего – и Маурбек ничего. (Я его понял... И он меня понял).» (Маканин 2008, с. 32).

В.С. Маканин в романе «Асан» создаёт художественную «картину мира», характеризующуюся предельной расчленённостью (преобладает

тенденция к парцелляции и сегментации повествования), синкретичностью (заметно увеличивается количество абзацев), повторяемостью (наблюдается большое количество тождественных повторов и плеоназмов), вставочностью (скобки становятся ключевым метатекстовым элементом). Во многом благодаря переплетению различных «голосов», В.С. Маканин выстраивает многофокусную «картину мира», тем самым опосредованно выражая своё авторское «я» в рамках художественного произведения.

Дымарский М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст: На материале русской прозы XIX – XX вв. / М. Я. Дымарский. – изд. 3-е, испр. – М.: КомКнига, 2006. – 296 с.

Маканин В. С. Асан / Владимир Маканин. – М.: Эксмо, 2008. – 480 с.

Маркова Т. Н. Формотворческие тенденции в прозе конца XX века (В. Маканин, Л. Петрушевская, В. Пелевин): автореф. дис. ... докт. филол. наук. / Т. Н. Маркова. – Екатеринбург, 2003. – 46 с.

Рыбальченко Т. Л. История русской литературы XX века как история литературных течений / Т. Л. Рыбальченко. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.tsu.ru/webdesign/tsu/Library.nsf/designobjects/vestnik 268/\\$ file/ Ribalsenko 68 pdf](http://www.tsu.ru/webdesign/tsu/Library.nsf/designobjects/vestnik%2068/$file/Ribalsenko%2068.pdf).

Попова З. Д. Синтаксическая система русского языка в свете теории синтаксических концептов / З.Д. Попова. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2009. – 209 с.

Ю.А. Литвинова

Концепт «город» в русском художественном тексте

Одним из этапов исследования концепта «город» было выявление ассоциатов из текстов художественной литературы, так как художественный текст является одним из средств языковой объективации концепта. Было проанализировано 12 детективов Т. Устиновой «Отель последней надежды», «Запасной инстинкт»; П. Дашковой «Место под солнцем», «Питомник»; Д. Донцовой «Тушканчик в бигудях», «Фигура легкого эпатажа», «Полет над гнездом индюшки», «Главбух и полцарства в придачу», «Золушка в шоколаде», «Контрольный поцелуй», «Стилист для снежного человека», «Сафари на черепашку». Общее количество примеров употребления слова «город» в данных текстах составило 168.

Далее все примеры лексической объективации концепта «город» были подвергнуты когнитивной интерпретации. В результате этого было выявлено 36 когнитивных признаков.

1. населенный пункт 47 (населенный пункт 47); *Он живет у страшной тетки в городе Никологорске.* (Д. Донцова. Главбух и полцарства в придачу)

2. маленький 21 (небольшой населенный пункт 21); *Сидит Таня в городке на краю цивилизации.* (Д. Донцова. Сафари на Черепашку)

3. большой 20 (крупный населенный пункт 20); *Как ей удалось отыскать Петю в огромном мегаполисе, Зина сама не знала.* (Д. Донцова. Главбух и полцарства в придачу)

4. отсутствие порядка 7 (грязный 5; пробки на дорогах 1; часто происходят происшествия 1); *Автовладельцы хорошо знают- иногда в городе случается полнейший паром дорожного движения.* (Д. Донцова. Золушка в шоколаде).

5. грязный 5 (грязный 5); *А Москвой он сыт по горло. Город грязный, суетный, злобный, с каждым годом бездомному человеку все трудней, особенно зимой.* (П Дашкова. Место под солнцем).

6. пыльный 5 (пыльный 1; загазованный 1; плохая экология 3); *Здесь, за городом, легкие наполнились упоительным воздухом.* (Д. Донцова. Сафари на черепашку).

7. наличие оздоровительных учреждений 5 (аптеки 3; лучшие врачи 1; курорт 1); *Конференция продолжалась всего 4 дня, из Афин они на неделю отправились в небольшой курортный городок.* (П. Дашкова. Место под солнцем).

8. быстрый ритм жизни 4 (суета 4); *Темп жизни, правда, иной, не бегом, как в Москве, а шагом ходим.* (Д. Донцова. Фигура легкого эпатажа).

9. много людей 4 (много людей 4); *К тому же в толпе, в тесной городской жизни, где все друг на друга дышат, подстерегают бродягу туберкулез, чесотка, прочая нищенская инфекция.* (П Дашкова. Место под солнцем).

10. делится на районы 4 (много районов 3; центральная площадь 1); *Мы вполне мирно добрались до одного из спальных районов столицы.* (Д. Донцова. Сафари на черепашку).

11. душный 4 (душный 1; жаркий 3); *Днем солнце палит словно взбесившееся и в городе стоит просто эфиоповская жара, а ночью жутко холодно.* (Д. Донцова. Главбух и полцарства в придачу)

12. чужой 3 (чужой 3); *Ну одной воспитывать ребенка тяжело, а если она перебралась с ним в чужой город?* (Д. Донцова. Главбух и полцарства в придачу).

13. вызывает негативные эмоции 3 (высокомерный 1, поганный 1; промозглый 1); *Парижане вообще помнят и узнают только самих себя. Нет более надменного города в мире.* (П. Дашкова. Место под солнцем).

14. легко заработать деньги 3 (дорога к заработку 3); *Но деньги можно заработать, особенно если живешь в крупном городе.* (Д. Донцова. Главбух и полцарства в придачу).

15. родной 2 (родной 1; родина 1); *Вяльцы – мой родной город.* (Д. Донцова. Полет над гнездом индюшки).

16. имеет военное прошлое 2 (у города есть история 2); *Вошли в город фашисты – убили всех неугодных, вернулись Советы – снова резня.* (Д. Донцова. Стилист для снежного человека).

17. наличие зданий различного назначения 2 (гостиницы и отели 1; различные агентства 1); *Сейчас в столице несколько агентств, которые охотно проведут свадьбу, помогут отметить юбилей, ну и так далее.* (Д. Донцова. Стилист для снежного человека).

18. развито образование 2 (учебные заведения 1; научные центры 1); *У нас в городе институт есть экономики, вот она там на кафедре заведует.* (Д. Донцова. Главбух и полцарства в придачу).

19. развита культура 2 (дом литераторов 1; научные центры 1); *Давай встретимся в городе, в Доме литераторов, часа в 2 можешь?* (Д. Донцова. Контрольный поцелуй).

20. наличие городской администрации 2 (мэр 1; депутаты 1); *Мы с родителями к мэру, а толку? Покачал головой, наобещал с 3 короба, и все на том же месте и осталось.* (Д. Донцова. Полет над гнездом индюшки).

21. развита торговля 2 (лучше выбор товаров 2); *От полной тоски я влезла в «Пежо», доехала до станции и обнаружила, что на книжных лотках нет ничего волнующего. Придется катить в столицу.* (Д. Донцова. Полет над гнездом индюшки).

22. мало зелени и птиц 2 (не услышишь соловьиных трелей 2); *В городе не услышать соловьиных трелей.* (Д. Донцова. Сафари на черепашку).

23. наличие знаменитостей 2 (в город приезжают знаменитости 2); *Прибытие Амалии Краузе – гигантское событие для нашего города.* (Д. Донцова. Фигура легкого эпатажа).

24. опасная жизнь 2 (в городе жизнь опаснее 1; здесь часто происходят происшествя, воровство 1); *Рано утром, просматривая сводку происшествий по городу, И. Н. почти сразу наткнулся на убийство в Калужском переулке.* (П. Дашкова. Питомник).

25. лучшая жизнь 2 (лучше жизнь 2); *Местные жители в Москву катятся, а тут такая лафа.* (Д. Донцова. Фигура легкого эпатажа).

26. место расположения 2 (на море 1, на карте 1); *Марсель – город на море.* (Д. Донцова. Контрольный поцелуй).

27. есть промышленные предприятия 1 (предприятия 1); *Скраб «Волшебство», произведено в Москве» - стояло на этикетке.* (Д. Донцова. Тушканчик в бигудях).

28. наличие удобств для жизни 1 (урны и лозунги 1); *Вот незадача, по всей Москве пропали урны для мусора, и одновременно с их тотальным исчезновением появились плакаты с ярким лозунгом: «Сделаем наш город чистым».* (Д. Донцова. Тушканчик в бигудях).

29. светлый 1 (хорошо освещен 1); *Быстрее он не поехал, зато открылось черное небо, подсвеченное городом, как будто северным сиянием.* (Т. Устинова. Запасной инстинкт).

30. ночной город 1 (спит 1); *Если бы он не потерял ключ, Н. Звонаревой, о которой он романтически мечтал в машине, пробираясь по спящему городу, не было бы в живых* (Т. Устинова. Отель последней надежды).

31. развивающийся 1 (развивающийся 1); *Кроме того, требовалось развивать науку, строить города, выращивать хлеб и рожать новых граждан.* (Д. Донцова. Фигура легкого эпатажа).

32. многонациональный 1 (многонациональный 1); *Москва особый город, все приезжие обязаны зарегистрироваться в милиции.* (Д. Донцова. Фигура легкого эпатажа).

33. далекий 1 (далекий 1); *Из далекого города прибывает родственница, которая в силу некоторых причин ненавидит М.П..* (Д. Донцова. Фигура легкого эпатажа).

34. наличие гарнизонов 1 (гарнизоны 1); *То пустыня, то тайга, ужасный климат, неустроенный быт гарнизонных городков- зачем это маленькому ребенку?* (П. Дашкова. Место под солнцем).

35. наличие постов ГАИ 1 (посты ГАИ 1); *На выезде из города молоденький инспектор у поста ГАИ выскочил на шоссе, но вовремя был остановлен старшим товарищем.* (П. Дашкова. Питомник).

36. наличие портов 1 (портовый 1). *На меня словно пахнуло чесноком, специями и необыкновенно вкусным рыбным супом буайбес, который варят в этом портовом городе* (Д. Донцова. Контрольный поцелуй).

Полученные когнитивные признаки были подвергнуты полевой стратификации. Напротив каждого признака указан его индекс яркости, который рассчитывается как отношение количества признаков к общему количеству.

Ядро – 0,28

населенный пункт – 0,28

Ближняя периферия – 0,24

маленький -0,12

большой - 0,12

Дальняя периферия – 0,29

отсутствие порядка (0,05); грязный (0,04); быстрый ритм жизни (0,02) и т.д.

Крайняя периферия – 0,2

Родной (0,01); имеет военное прошлое (0,01); наличие зданий различного назначения (0,01); развито образование (0,01); развита культура (0,01) и т. д.

Таки образом, в современном русском художественном тексте наиболее часто актуализируется признак «населенный пункт» (0,28 общего числа употреблений), а такие признаки, как «есть промышленные предприятия», «наличие удобств для жизни», «светлый», «ночной» и т.д. являются менее употребительными. Наибольшее количество актуализируемых признаков принадлежит дальней периферии.

Т.В.Тимошина

Соотношение национального и личностного в художественном концепте (на примере концепта *любовь*)

Концепт *любовь* неоднократно исследовался отечественными лингвистами (С.Г.Воркачев, Л.Г.Бабенко, В.В.Колесов, Л.В.Кульгавова, Л.Е.Вильмс и др.). При этом на материале индивидуальной художественной концептосферы исследований до настоящего времени не проводилось.

Национальная концептосфера порождается коллективным сознанием носителей языка и отражает, фиксирует его. Человек овладевает языком в процессе приобщения к коллективному опыту того сообщества, в котором он живет. Личностная, или индивидуально-авторская, концептосфера субъективна и гораздо менее устойчива. Её элементы могут значительно отличаться от элементов общенациональной концептосферы, поскольку в индивидуальном сознании существует избирательность, определяемая целым рядом факторов: уровнем развития общества, условиями жизни и быта, профессиональными, возрастными, гендерными и другими особенностями личности. «Степень развитости личности прямо зависит от богатства реальных общественных отношений, в которые она включена» (Философский словарь 2001, с.290).

Наиболее ярким и наглядным материалом для исследования служат публицистические тексты (в частности, интервью) и тексты художественной литературы, дающие доступ к концептуально-языковому тезаурусу авторов литературных произведений.

Цель данного исследования – выявить сходства и различия когнитивных признаков концепта *любовь* в национальной и индивидуально-авторской концептосферах писателей. С этой целью был проведен сопоставительный анализ репрезентации данного концепта в национальном языковом сознании и в произведениях Сергея Довлатова и

Дины Рубиной. Мы ставим задачу выявить специфику индивидуально-авторского концепта в творчестве обоих писателей относительно друг друга и относительно концептосферы в целом.

Признаки, полученные в ходе когнитивной интерпретации значений целостных номинаций, паремий, ассоциативного поля слова *любовь*, отражают национальную концептосферу; признаки, полученные путем интерпретации употреблений номинаций концепта в художественной и газетно-публицистической речи, отражают индивидуальную концептосферу авторов.

Материалом исследования индивидуальных концептов явились художественные и публицистические тексты С.Довлатова и Д.Рубиной; для описания концепта *любовь* в национальной концептосфере использовались данные толковых и энциклопедических словарей, словаря синонимов, частотных и ассоциативного словарей, а также анализ фразеологизмов и паремий. Так, по данным «Частотного словаря» С.А.Шарова (2002), в современных художественных, газетных и научно-популярных текстах частота употреблений составляет 266 на 1 000000 словоупотреблений (<http://www.gramota.ru>), что является умеренно-высоким показателем.

Перечень когнитивных признаков концепта *любовь* в общенациональной концептосфере и в авторской концептосфере представлен в таблице. Для каждого признака вычислен **индекс яркости** как отношение количества объективаций данного когнитивного признака к общему количеству объективаций концепта. Содержание концепта *любовь* в рассмотренных источниках включает 91 когнитивный признак.

Полевая организация концепта «любовь» по результатам описания имеет следующий вид:

Когнитивные признаки	Словари	Ассоциац ии	Фразео- логия	Паре- мии-	ИЯ общена- циональ- ный	ИЯ у С.До- влатов	ИЯ у Д.Рубина
Количество признаков	7	22	1	13		28	28
чувство глубокой привязанности 3	0,23				0,23		
сердечная склонность к лицу другого пола 3	0,23				0,23		
внутреннее стремление, тяготение 3	0,23				0,23		
обожание (о любви мужчины и женщины)	0,08				0,08		
страсть	0,08				0,08		
влечение,	0,08				0,08		

увлечение	0,08				0,08		
близкие отношения	0,08				0,08		
может приносить зло		0,15			0,15		
это чувство		0,14			0,14		
может быть вечной		0,14			0,14		0,08
бывает внезапной		0,12			0,15		
приносит счастье		0,07			0,14		
может быть настоящей		0,07			0,07	0,04	
может быть платонической		0,04			0,04		
может быть безответной		0,02			0,02		0,04
может пройти к женщине		0,02			0,02		
сосуществует с верой		0,01			0,01		
духовное чувство		0,01			0,01		
может быть обыденной		0,01			0,01		
может быть возвышенной		0,01			0,01		
может быть лживой, неискренней		0,01			0,01	0,04	0,04
характерна для молодежи		0,01			0,01		
может быть первой		0,01			0,01		
бывает огромной		0,01			0,01		
лишает личной свободы		0,01			0,01		
бывает связана с деньгами		0,01			0,01	0,04	
проявляется в отношении к жизни		0,01			0,01		
проявляется в отношении к людям		0,01			0,01		
за нее можно умереть		0,01			0,01		
это святое		0,01			0,01		
включает секс		0,01			0,01		
может считаться неприличной		0,01			0,01		
бывает неглубокой							
это благо для человека				0,23	0,23		
создает проблемы				0,17	0,17		
не подчиняется				0,12	0,12		

времени							
любовь самое дорогое чувство для человека				0,12	0,12		
управляет человеком				0,10	0,10		
искренняя любовь надежна				0,07	0,07		
ее трудно утаить				0,05	0,05		
в ней есть божественное начало				0,02	0,02		
нуждается в свободе				0,02	0,02	0,04	
ее трудно забыть				0,02	0,02		
любовь не покупается				0,02	0,02		
любовь надо беречь				0,02	0,02	0,04	
братская любовь надежна				0,02	0,02		
любовь – движущая сила в обществе						0,04	
любовь противостоит лжи						0,04	
любовь к своему народу естественна						0,04	
любовь к себе естественна						0,04	
существование любви естественно						0,04	
ради любви можно пожертвовать свободой						0,04	
любовь народа можно заслужить						0,04	
настоящая любовь очень редка						0,04	
любовь американцев к их истории трогательна						0,04	
любовь американцев к их истории ими интенсивно демонстрирует- ся						0,04	
любовь к старине похвальна						0,04	

любовь к выдающемуся человеку могут испытывать даже идейные противники						0,04	
любовь к свободе американцев формальна						0,04	
без любви жизнь бессмысленна						0,04	
любви можно помогать						0,04	
готовность к любви входит в армейское представление о мужестве						0,04	
любовь отвлекает от работы						0,04	
любовь в разных странах понимается по- разному						0,04	
любовь бывает непостоянной						0,04	
любовь трудноопреде- лена						0,04	
любовь значима сама по себе						0,04	0,04
любовь можно испытывать к друзьям						0,04	
любовь неизмерима						0,04	
любвью автора являются его персонажи							0,04
за любовь платят жизнью							0,04
о любви можно ярко писать							0,04
любовь - это способ жить							0,04
на любви основаны все великие религии							0,04
заслуги любви определяет время							0,04
альтернативой любви является творчество							0,04
любовь — это материал для будущей книги							0,04
любовь к							0,04

музыке сближает людей							
любовь может быть горькой							0,04
сильная любовь к жизни в человеке притягивает людей							0,04
любовь к жизни имеет высокую ценность							0,04
любовь может измучить							0,04
любовь не является игрой							0,04
любовь – это совместный жизненный опыт							0,04
любви можно добиваться							0,04
любовь может быть идеальной							0,04
первая любовь бывает идеальной							0,04
любовь бывает несчастной							0,04
истинная любовь трудна							0,04
истинная любовь свободна							0,04

Таким образом, проведенное сопоставление показывает, что национальная концептосфера и индивидуальные концептосферы С.Довлатова и Д.Рубиной имеют единичные сходства. Совпадают следующие когнитивные признаки концепта *любовь* (имея разную яркость):

общенац. Довлатов Рубина

<i>Может быть лживой, неискренней</i>	0,01	0,04	0,04
<i>Может быть настоящей</i>	0,07		0,04
<i>Любовь может быть связана с деньгами</i>	0,01		0,04
<i>Любовь надо беречь</i>	0,02	0,04	
<i>Может быть вечной</i>	0,14		0,08
<i>Может быть безответной</i>	0,02		0,04

Остальные признаки в национальной и индивидуальных исследуемых концептосферах различаются.

Примеры чисто **национальных** когнитивных признаков, не

актуализируемых в индивидуальных концептосферах С.Довлатова и Д.Рубиной:

<i>Бывает внезапной</i>	<i>0,12</i>
<i>приносит счастье</i>	<i>0,07</i>
<i>Может быть обыденной</i>	<i>0,01</i>
<i>Может быть возвышенной</i>	<i>0,01</i>
<i>Лишает личной свободы</i>	<i>0,01</i>
<i>За нее можно умереть</i>	<i>0,01</i>

Специфику индивидуальной концептосферы в текстах **С.Довлатова** составляют следующие чисто «довлатовские» когнитивные признаки:

<i>любовь к своему народу естественна</i>	<i>0,04</i>
<i>любовь к себе естественна</i>	<i>0,04</i>
<i>существование любви естественно</i>	<i>0,04</i>
<i>ради любви можно пожертвовать свободой</i>	<i>0,04</i>
<i>настоящая любовь очень редка</i>	<i>0,04</i>
<i>любовь американцев к их истории трогательна</i>	<i>0,04</i>
<i>любовь американцев к их истории ими интенсивно демонстрируется.</i>	<i>0,04</i>
<i>любовь к выдающемуся человеку могут испытывать даже идейные противники</i>	<i>0,04</i>
<i>без любви жизнь бессмысленна</i>	<i>0,04</i>
<i>любовь в разных странах понимается по-разному</i>	<i>0,04</i>

Тем самым С.Довлатов в результате наблюдений в условиях американской действительности обозначает специфику концепта «любовь»: 1) считает естественным существование чувства любви - любви к себе и любви к своему народу; 2) утверждает редкость и ценность настоящей любви, бессмысленность жизни без любви; 3) отмечает национальную специфику понимания любви, в частности, специфику любви американцев к собственной истории: трогательную и активно демонстрируемую.

Специфику индивидуальной концептосферы в текстах Д.Рубиной составляют следующие актуализируемые только в ее творчестве когнитивные признаки:

<i>любовью автора являются его персонажи</i>	<i>0,04</i>
<i>за любовь платят жизнью</i>	<i>0,04</i>
<i>о любви можно ярко писать</i>	<i>0,04</i>
<i>любовь - это способ жить</i>	<i>0,04</i>
<i>альтернативой любви является творчество</i>	<i>0,04</i>
<i>любовь – это материал для будущей книги</i>	<i>0,04</i>

<i>сильная любовь к жизни в человеке притягивает людей</i>	0,04
<i>любовь к жизни драгоценна</i>	0,04
<i>любовь может измучить</i>	0,04
<i>любовь бывает несчастной</i>	0,04
<i>истинная любовь трудна</i>	0,04
<i>истинная любовь свободна</i>	0,04

Тем самым Д.Рубина обозначает 1) непростую сущность истинной любви: мучительной и трудной, но свободной; 2) отмечает притягательной для других людей и драгоценность любви к жизни; 3) утверждает прочную взаимосвязь любви и писательского творчества: любовь – это материал для будущей книги, любовью автора являются его персонажи, о любви можно ярко писать; 4) определяет универсальную сущность любви: любовь – это способ жить, на любви основаны все великие религии.

Таким образом, проведенное сопоставление показывает, что национальная и индивидуальные концептосферы для концепта *любовь* имеют единичные сходства. Совпадают лишь отдельные когнитивные признаки (может быть лживой, неискренней). *Индивидуально-авторскими* (не зафиксированными в общенациональной концептосфере) оказались 44 (из 91) когнитивных признака концепта *любовь*.

Может быть вычислен **индекс индивидуальной маркированности** концепта как отношение количества индивидуально – авторских признаков в содержании концепта к общему количеству когнитивных признаков концепта.

У С.Довлатова и Д.Рубиной **индекс индивидуальной маркированности** для концепта *любовь* составляет 0,31, что свидетельствует о достаточно высокой степени индивидуализации концепта в сознании авторов и об одинаковой степени близости индивидуально-авторских концептов к общенациональному концепту.

Довлатов С. Речь без повода... или Колонки редактора. (Ранее неизданные материалы). – М., 2006. – 432 с.

Довлатов С. Малоизвестный Довлатов. Сборник – СПб.: АОЗТ «Журнал «Звезда»», 1999. – 512 с.

Довлатов С. Собрание прозы в 3т. – т.1.- СПб: Лимбус-пресс, 1995. – 416 с.

Довлатов С. Собрание прозы в 3т. – т.2.- СПб: Лимбус-пресс, 1995. – 384 с.

Рубина Д. Больно только когда смеюсь. М.: Эксмо, 2008. - 336 с.

Рубина Д. «Их бин нервосо...»! – М: Эксмо, 2005. – 256 с.

Рубина Д. На Верхней Масловке: Повести и рассказы. – М.: Изд-во Эксмо, 2004. – 336 с.

Рубина Д. Наш китайский бизнес: роман и рассказы. – М.: Эксмо, 2004.

Рубина Д. Холодная весна в Провансе. – М.: Эксмо, 2005- 336 с. – 496 с.

СЛОВАРИ

1. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: Практ. справочник: Ок. 11 000 синоним. рядов. - 11-е изд., перераб. и доп. - М.: Рус. Яз., 2001.
2. Большой энциклопедический словарь. - М.: АСТ: Астрель, 2006, с. 615.
3. В.П. Жуков, А.В. Жуков. Школьный фразеологический словарь русского языка. - М., 1989.
4. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г.Н. Складневской. - М.: Эксмо, 2007.
5. Пословицы русского народа: Сб. В. Даля. - М., 1957. - 992 с.
6. Русские народные пословицы и поговорки / Сост. А.М. Жигулев. - М., 1965.
7. Русский ассоциативный словарь» Ю.Н. Караулова, Т.А. Черкасовой и др. в 2 тт., 1986.
8. Словарь образных выражений русского языка / Под ред. В.Н. Телии. - М., 1995.
9. Словарь синонимов / Под ред. И. Писарева. - М.: ТОМ, 1997.
10. Словарь синонимов русского языка / Под ред. Л.А. Чешко. - М., 1968.
11. Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: Лингвострановедческий словарь. - 2-е изд., испр. и доп. - М.: Рус. яз., 1988.
12. Философский словарь \ Под ред. И.Т. Фролова. - Изд. 7-е. - М., 2001.
13. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. - М., 1967.
14. Частотный словарь русского языка \ Под ред. Л.Н. Засориной. - М., 1977.
15. Частотный словарь С.А. Шарова. - 2002 (<http://www.gramota.ru>).

Медиадискурс

Л. А. Гапоненко

Языковая картина виртуального мира

В основе картины мира лежит система интуитивных представлений о реальности. Картину мира можно выделить, описать или реконструировать у любой социопсихологической единицы — от нации или этноса до какой-либо социальной или профессиональной группы или отдельной личности. У отдельной личности картина мира будет детерминирована прежде всего его сознанием. Картина мира будет меняться при измененных состояниях сознания. Человек, погруженный в виртуальную реальность, также будет видеть мир совершенно по-своему.

Данная статья посвящена специфике представлений о реальности людей, погруженных в виртуальный мир. Для современного человека неотъемлемой частью жизни является компьютер, мобильный телефон или любое другое устройство подобного рода, которое позволяет беспрепятственно найти нужную информацию, узнать последние новости и пообщаться с людьми.

С возникновением такой возможности изменилось и общение как таковое. На данный момент существует множество программ мгновенного обмена сообщениями, например, «icq», «agent», «msgn», «yahoo» и недавно появившийся «skype». Все эти программы позволяют не только отправлять и получать текстовые сообщения, но и передавать звуковые сигналы, изображения, видео; в программном модуле могут производиться такие действия как совместное рисование или игры, а также организация видеоконференций.

В электронной переписке используется эпистолярный жанр, видеоизмененный почти до неузнаваемости. Общение торопливое и предельно упрощенное. Об этом свидетельствует близкий к телеграфному синтаксис, отказ от заглавных букв, знаков препинания, использование большого количества остроумных сокращений.

К: Привет

А: привет

К: Есть одно дело

xxx: Привет! Можешь подсказать одну вещь?

ууу: привет

ууу: постараюсь

xxx: Как дела?

<leshka> привет всем! у кого есть "пункт назначения 4" или фотошоп?

xxx: Привет нет желания познакомиться!

ууу: у меня тоже нет

Мы видим, что приветствия обычно короткие и одинаковые: повторяющееся «привет», затем следует какой-либо вопрос. Приведенные выше примеры наглядно демонстрируют, что отсутствие знаков препинания и наличие неформальной лексики широко используется в различных «чатах», в отличие от письма или официального заявления. Но это никак не влияет на понимание текста и не вызывает негативную реакцию со стороны собеседника.

Рассмотрим сокращения, которые чаще всего используются для общения в интернет - сети: «када-нить (когда-нибудь)», мну (мне), се (себе), тя (тебя), чойта(что так), ща или щас (сейчас), каво (кого), чаво (чего), тока (только) и ася (icq)т.д. Как видим эти сокращения касаются не отдельной части речи, а затрагивает всю грамматику в целом. Все эти сокращения связаны с упрощением и экономией написания, влияющие в свою очередь на скорость набора текста.

xxx: ты када-нить кипятил воду для чая на сковороде?

ууу: я вижу, тя там учат выживать в условиях общаги?

xxx: у мну свояк дальнобойщик, на Скании рулит. он как-то остановился, решил выйти чего-то глянуть. полез за гаманком с документами, замешкался и вышел.

То же касается не только русского языка, но и английского:

xxx: *hi, how r u?*

ууу: *I'm fine tnx. A bit tired. u?*

<xxx>		<i>this</i>		<i>just</i>		<i>in</i>
<ууу>	<i>waiting</i>	<i>on</i>	<i>long</i>	<i>sql</i>	<i>queries</i>	< *
<xxx>		<i>write</i>		<i>better</i>		<i>queries.</i>
<ууу>	:D					

Самые распространенные сокращения и выражения, используемые в переписке англо-говорящих пользователей Интернета: **B** = *be*; **C** = *see*; **N** = *and*; **R** = *are*; **U** = *you*; **2** = *to, too*; **4** = *for*. **AFAIK** – *as far as I know*; *насколько я знаю*. **BRB** – *be right back*; *скоро вернусь*. **TNX** – *thanks*. **IM(H)O** – *in my (humble) opinion*; *по моему (скромному) мнению*. **LOL** – *laughing out loud*; *ржу не могу*; **ROLF** – *rolling on the floor laughing*; *кататься по полу от смеха*;

В чатах очень важное место занимают формы выражения эмоций: использование заглавных букв для обозначения крика, "смайлики", вербальное описание эмоциональных состояний в скобках (*grin*; *shrug*). "Нетрудно заметить, что в "смайликах" все элементарные знаки теряют свое содержание и используются только как носители определенной формы, а полученные сложные знаки, как правило, носят иконический характер и выражают эмотивные смыслы через изображение соответствующей мимики" (Шейгал, 1996: 211).

<xxx> *мне нужно поехать на приладку*
 <ууу> :-*

<xxx> *and I never want to get rickrolled again by my alarm clock*
 <ууу> ROFL
 <xxx> *radio clock?*
 <ууу> *yeah*
 <xxx> hahaha :)

xxx: *Ты замужем?*
 ууу: *Конечно. Муж, пять детей, хомячок, рыбки.*
 xxx: ТЫ ВРЁШЬ!
 ууу: *Да. Насчёт хомячка я вру.*

Синтаксис, как таковой, отсутствует. Знаки препинания игнорируются, так как занимают время или, как в приведенном примере, выдают «чужака», человека, который не очень хорошо знаком с «грамматикой чата»:

xxx: *читает он, видите ли, сильно умный!*
 xxx: *книжки годятся только на растопку печки!*
 ууу: *ты чё внатуре, слишком много умный*
 ууу: *блин, палюсь*
 ууу: *запятые расставил*
 ууу: *хорошо что не все*

Из используемых знаков препинания чаще всего употребляются вопросительный и восклицательный знаки, так как помогают передавать эмоции - вопрос или восклицание соответственно.

xxx: *Леш, а ты не знаешь точно, в какие дни у вас экзамены?*
 ууу: *знаю*
 ууу: *а че?*
 xxx: *напиши, пожалуйста*
 ууу: *короче, первый девятого*

Если при изобретении письма и печатного станка произошел переход от "устного" (oral) к "грамотному" (literate) сознанию, сейчас наблюдается обратный процесс, сказывающийся на языковой личности. Можно предположить, что у компьютерного поколения происходит возврат к детскому дискурсу (в частности, описанному К. Ф. Седовым, 1998), построенному главным образом на основе иконической изобразительности. Таким образом, мы видим, что картина мира людей, погруженных в виртуальную реальность, кардинально отличается как от письменного жанра, так и от звучащей речи.

1. Леонтович О.А. Проблемы виртуального общения./О.А.Леонтович//Полемика.- 2000.-№7.

Седов К. Ф. Коммуникативные стратегии дискурсивного поведения в становлении языковой личности // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. Волгоград, 1998.

3.Шейгал Е. И. Компьютерный жаргон как лингвокультурный феномен // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград, 1996.

Ю. В. Данюшина

Несмотря на то, что бизнес сам по себе ассоциируется с сухим прагматизмом, деловое общение далеко не всегда состоит лишь из официальных канцеляризов. Бизнес-дискурс нередко характеризуется живым, колоритным, метафорическим языком.

Проведенное нами исследование текстов англоязычных деловых СМИ (их электронных версий, размещенных на соответствующих сайтах) показывает, что в дискурсе бизнес-медиа деловая активность метафорически зачастую представляется как биологическая жизнь, со всеми жизненными событиями и проявлениями (рождение, болезни, свадьба, смерть), а сами компании предстают посредством метафор как люди или иные живые существа: они едят, играют, болеют и т.п.). Приведенные ниже примеры наглядно иллюстрируют это (здесь и далее подчеркивания наши):

BusinessWeek: Assystem is a late bloomer (бизнес как цветение растений),
“We are in full acceleration”, says its President (руководитель как водитель, разгоняющий, ускоряющий свою машину),

These are sunny days for the German maker of solar cells (компания как живое существо, которому нужен солнечный свет);

Fortune: They found an “epidemic of undermanagement” (бизнес переживал эпидемию, болезнь),

The Economist: Corporate world is not bulimic any more (бизнес страдал булимией, то есть, «переедал», потреблял слишком много трудовых ресурсов),

Several years ago firms indulged in “feeding frenzy on employees”, only to spew out many of them later (фирмы «рвало» от переедания, то есть, от излишнего использования трудовых ресурсов),

... most companies have had a more balanced staff diet... These brighter prospects for America’s corporate health may be due to improved jobs diet (компании как люди, придерживающиеся определенной диеты);

International Herald Tribune (<http://global.nytimes.com/?iht>):

But that hardly removed the sting (у компании в теле «заноза», то есть нерадивые работники),

Managers should use a tough screening process to weed out those who might not match the company’s culture (нужно отсеивать потенциально плохих работников, как вырывать сорняки).

Какова же степень насыщенности метафорами и иными художественными тропами текста деловых СМИ?

Проанализируем на предмет наличия и тематики метафор (а также сравнений, олицетворений, аллюзий и аллегорий, близких метафорам по своим функциям воздействия на читателя) типичный бизнес-медийный материал на примере публикации *Why Companies Fail: CEOs offer every excuse but the right one – their own errors*, размещенный на сайте журнала *Fortune* <http://money.cnn.com/magazines/fortune>, авторов *Ram Charan, Jerry*

Useem, Ann Harrington (приводится с сокращениями нерелевантных для целей нашего исследования отрезков):

How many more must fall? Each month seems to bring the sound of another giant crashing to earth (компании как мифические живые существа – гиганты, падающие на землю). Enron. WorldCom. Global Crossing. Kmart. Polaroid. Arthur Andersen. Xerox. Qwest. ...

*Why do companies fail? Their CEOs offer every excuse in the book: a bad economy, market turbulence (явление физического мира – турбулентность, бизнес как полет), a weak yen (валюта слабая, т.е. обладающая свойствами живого существа), *hundred-year floods, perfect storms, competitive subterfuge – forces, that is, very much outside their control. In a few cases, such as the airlines' post-Sept. 11 problems, the excuses even ring true. But a close study of corporate failure suggests that, acts of God (провал в бизнесе как божественное возмездие) aside, most companies founder for one simple reason: managerial error.**

We'll get to the errors in a moment. But first let's acknowledge that, failures usually involve factors unique to a company's own industry or culture. As Tolstoy said of families, all happy companies are alike; every unhappy company is unhappy in its own way (сравнение компаний с семьями). Companies even collapse in their own way. Some go out in blinding supernovas (Enron) (компания как ослепительная сверх-новая звезда). Others linger like white dwarfs (AT&T) (компания как звезда белый карлик). Still others fizzle out over decades (Polaroid) (компании как шипучка, теряющая газ). Failure is part of the natural cycle of business: companies are born, companies die, capitalism moves forward (компании рождаются и умирают, как живые существа). Creative destruction, they call it (оксюморон – созидательное разрушение, с помощью которого капитализм уподобляется создателю, богу).

It was roughly this sentiment that Treasury Secretary Paul O'Neill was trying to convey when he said that Enron's failure was "part of the genius of capitalism." But aside from sounding insensitive, O'Neill got one thing wrong. Capitalism's true genius is to weed out companies that no longer serve a useful purpose. ... By these lights, Arthur Andersen's fall is no more part of the "genius of capitalism" than the terrorism on Sept. 11 was part of the "genius of evolution" (компании и их создатели уподобляются сверх-существам, гениям, а «гений капитализма» способен сам «удалять сорняки», уничтожая слабые компании).

... In the most recent bear market, for instance, 26 of America's 100 largest companies lost at least two-thirds of their market value, including such blue chips as Hewlett-Packard, Charles Schwab, Cisco, AT&T, AOL Time Warner, and Gap... (на рынке действуют «медведи», то есть, игроки, действующие на понижение, а акции наиболее успешных компаний, торгующиеся на бирже, сравниваются с голубыми фишками, использующимися в казино; таким образом, бизнес сравнивается с азартными играми и с животным миром, с агрессивными хищниками).

The sheer speed of these falls has been unnerving. Companies that were healthy just moments ago, it seems, are suddenly at death's door. But this impression may be misleading. Consider, for instance, a certain Houston institution we've heard so much about. There was no one moment when its managers sat down and conspired to commit wrongdoing... (компания здоровы, а потом – при смерти, а их менеджеры-«конспираторы» замышляют заговор).

... This is not a full list of corporate sins. ... Softened by success. "Those whom the gods would destroy," Euripides wrote nearly 2,500 years ago, "they first make mad." In the modern update, the gods send their victims 40 years of success. Actually, it's a proven fact: A number of studies show that people are less likely to make optimal decisions after prolonged periods of success. NASA, Enron, Lucent, WorldCom – all had reached the mountaintop before they ran into trouble. Someone should have told them that most mountaineering accidents happen on the way down (компания грешат, смягчаются и расслабляются от успеха, пока боги посылают им – своим жертвам – долгие годы благополучия; фирмы, как альпинисты, лезут в горы и достигают вершин, но там с ними происходят и несчастные случаи).

... The rosy assumptions, moreover, persisted even when evidence to the contrary started piling up. Customers began going bankrupt. Suppliers warned of a coming dropoff in demand. Competitors stumbled. Even Wall Street wondered if the Internet equipment market was falling apart (компания предаются розовым мечтам, в то время как проблемы скапливаются кучами, другие тоже спотыкаются, и весь рынок разваливается).

... Back in 1985, competition from Japan was turning Intel's memory chips into cheap commodities, and observers were all but writing the company's obituary. ... By the time Xerox President (and now CEO) Anne Mulcahy came out and spoke the truth ... Xerox was flirting with bankruptcy (одной компании уже пишут некролог, другая – «флиртует» с банкротством).

... Fear can have its uses, of course; Andy Grove has long espoused the value of competitive paranoia. But in unhealthy situations, employees come to worry more about internal factors – what the boss might say, what management might do – than about threats from the outside world. ... The same problem hampered Samsung Chairman Lee Kun Hee in 1997 when he decided to take Samsung into the auto business. Knowing the car industry was a crowded field plagued by overcapacity, many of Samsung's top managers silently opposed the \$13 billion investment (метафоры здоровья и болезней: компании и их руководители испытывают «конкурентную паранойю», складываются нездоровые ситуации, целые отрасли поражает чума).

... Overdosing on risk. Some companies simply live too close to the edge. Global Crossing, Qwest, 360networks – these telecom flameouts chose paths that were not just risky but wildly imprudent. Their key mistake: loading up on two kinds of risk at once (компания передозируют риск, как наркоманы, и живут на краю, перегружая себя).

The first might be called “execution risk.” In their race to band the earth in optical fiber, the telco upstarts ignored some key questions: Namely, would anyone need all of this fiber? Weren’t there too many companies doing the same thing? ... “Everyone thought they were immune” (телекоммуникационные компании, как пауки, обматывают землю опτικο-волоконной паутиной и думают, что они в безопасности).

... Acquisition lust. WorldCom founder Bernard Ebbers liked to eat. He ate MCI. He ate MFS and its UUNet subsidiary. He tried to eat Sprint. Wall Street helped him wash it all down with cheap capital and a buoyant stock price. Pretty soon WorldCom was tipping the scales at \$39 billion in revenues. But there was a problem: Ebbers didn’t know how to digest the things he ate ... And like Ebbers, whose WorldCom stock has lost 98% of its value, few wonder if their eyes might be bigger than their stomachs. ... (компании испытывают вожделение к поглощениям, пытаются съесть друг друга, хотя иногда не могут переварить проглоченное, ведь их желания – глаза – больше, чем их возможности – желудок).

... Wall Street turned McGinn and his team into rock stars. For a bunch of former Bellheads, it was intoxicating stuff... It could only last so long. After Lucent stock had lost more than 80% of its value and he had replaced McGinn as CEO, Schacht sat down with FORTUNE to ponder some hard-earned lessons. “Stock price is a byproduct; stock price isn’t a driver,” he said. “And every time I’ve seen any of us lose sight of that, it has always been a painful experience” (управленцы превращаются в рок-звезд, и это отравляет компании, которые должны извлечь урок из болезненно опыта).

Lurching from one silver bullet solution to another, the company never gained any traction (считается, что серебряной пулей убивают вампиров).

Collins calls it the “doom loop,” and it’s a killer. Kmart is another victim. ... That lasted for a while, until a new CEO, Chuck Conaway, decided that, actually, Kmart would try to beat Wal-Mart at its own game. This unleashed a disastrous price war that in the end proved to be one mistake too many (компании попадают в смертельную петлю, становясь жертвами киллеров).

... A dangerous corporate culture. Arthur Andersen, Enron, and Salomon Brothers were all brought down, or nearly so, by the rogue actions of a tiny few. But the bad apples in these companies grew and flourished in the same kind of environment: a rotten corporate culture (гнилая корпоративная культура создает атмосферу, где растут дурные плоды).

Salomon’s culture of swashbuckling bravado encouraged risk taking without accountability. Enron’s culture encouraged profit taking without disclosure. Andersen’s culture engendered conflicts of interest without safeguards. Rotten cultures produce rotten deeds. The new-economy death spiral. Alan Greenspan has his own theory on failure. Testifying about Enron in February, he noted, “A firm is inherently fragile if its value-added emanates more from conceptual as distinct from physical assets.... Trust and reputation can vanish overnight. A factory cannot.” The speed of some recent crackups would seem to confirm his

thesis. The first domino falls when questions are raised, sometimes anonymously. Wrongdoing is suspected. Customers delay new orders. Rating agencies lower their debt ratings. Employees head for the exits. More customers defect. And voila, you have what former Enron CEO Jeff Skilling has called “a classic run on the bank” (хвастовская бравада ведет к неоправданному риску без предохранителей, в результате раскручивается смертельная спираль, компания становится все более хрупкой, затем происходит эффект падения домино, служащих отравляют за дверь, компания подвергается разграблению / ограблению).

Is it possible to halt one? Yes, but only if you stop the spiral from building up speed. Salomon broke the cycle by hiring Warren Buffett as interim CEO – essentially a giant credibility infusion. By waiting several months to step down, on the other hand, Arthur Andersen CEO Joseph Berardino lost whatever chance he had to avoid disaster. Once started, the spiral can bring a company whose main assets are people and ideas to its knees with breathtaking finality (смертельная спираль все раскручивается, несмотря на меры по лечению, и компания опускается на колени, то есть, сдается и погибает).

A dysfunctional board. What was Enron’s board thinking? Of all the infamous moments in the company’s demise, perhaps the least explicable was the board’s decision to waive Enron’s code of ethics to accommodate CFO Andrew Fastow’s partnerships. “A red flag the size of Alaska,” says Nell Minow, founder of the board watchdog group Corporate Library. Even Enron directors belatedly agreed with this assessment. “After having authorized a conflict of interest creating as much risk as this one,” the board’s special investigation committee wrote in a February report, “the board had an obligation to give careful attention to the transactions that followed. It failed to do this.... In short, no one was minding the store”(в условиях кризиса некоторые руководители не замечают огромных проблем, в то время как ответственные руководители все же бьют тревогу, пытаются остановить разрушительную пружину, формируют «сторожевые группы» и стараются «подремонтировать» компанию).

Paul O’Neill may have been wrong about his assessment of Enron, but he was right about something else. “The great companies don’t make excuses,” he said recently, “including excuses about how they didn’t do well because the economy was against them or prices were not good. They do well anyway.” It’s true. And it’s something to think about the next time you hear a CEO railing at the gods (в финале возникает образ смерти – когда слабых руководителей увольняют, они отправляются к богам).

Приведенный пример доказывает, что медийный бизнес-дискурс может иметь высокую степень метафоричности: в оригинале рассмотренный текст содержит 3674 слова, 256 предложений, 40 абзацев. Мы обнаружили не менее 122 случаев использования метафор (и близких к ним тропов), т.е., метафоры встречаются почти в каждом втором предложении, в среднем по 3 метафоры на абзац.

В целом, анализ метафорики англоязычного медийного бизнес-дискурса позволяет лучше понять и природу деловых процессов, и почувствовать красочность и образность языка бизнеса.

<http://money.cnn.com/magazines/fortune>

<http://global.nytimes.com/?iht>

www.businessweek.com

www.economist.org

В.В.Косенкова

Оценочная лексика в рекламном тексте

Предметом нашего исследования являются слова с оценочным компонентом значения. В.И. Шаховский в своей работе «Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка» (Шаховский 1987) определяет оценку в составе слова как микрокомпонент, участвующий в реализации аксиологической функции слова, т.е. квалификации обозначаемого предмета или его свойств, признаков как «хорошие» или «плохие» по отношению к социальной норме; имеет два знака: «плюс» и «минус», может быть рациональной и эмоциональной (в последнем случае тесно взаимодействует с эмотивными семами), экспрессивной и неэкспрессивной.

Цель нашей работы – рассмотреть оценочную лексику в рамках рекламного текста с точки зрения употребления ее для создания положительного образа товара или услуги. В качестве материала взяты тексты реклам из разных средств массовой информации.

Прежде всего, очевидно, что в рекламных текстах употреблены оценочные слова, принадлежащие к трем основным частям речи: имена существительные, прилагательные и глаголы: «Мы стремимся **обеспечить превосходное** качество, **безопасность**, **инновационность**. Шины Bridgestone», «Nivea. **Красивые** волосы – **восхитительное** чувство».

Оценка в слове может быть выражена в денотате и в коннотате. В первом случае это собственно оценочная лексика, а во втором – лексика с оценочным компонентом. Разделить лексику таким образом позволяет нам анализ дефиниций, данных в словаре.

Рассмотрим примеры:

1) «**Современные** технологии и **безупречный** комфорт слились в **новом** внедорожнике. Новая KIA.»

Современный – прил., 1. кому-чему. Относящийся к одному времени, к одной эпохе с кем-чем-н. 2. Относящийся к настоящему времени, теперешний. 3. Стоящий на уровне своего века, не отсталый.

Из трех значений в рассматриваемом примере реализовано третье, причем слово несет положительную коннотативную оценку: «идущий в

ногу со временем, с достижениями технического прогресса, и это хорошо».

Безупречный – прил., Ничем не опороченный, отличный. Сама дефиниция содержит оценку, сему «на порядок лучше других, вне всяких похвал». Следовательно, это собственно оценочное слово с оценкой в денотате.

Новый – прил. 1. Впервые созданный или сделанный, недавно появившийся или возникший (взамен прежнего), вновь открытый. 2. Относящийся к ближайшему прошлому или к настоящему времени. 3. Недостаточно знакомый, малоизвестный.

Актуализируется первое значение с новыми семами «лучший, модернизированный, превосходящий то, что уже есть, по основным характеристикам».

2) «**Настоящие** внедорожники Мицубиси – формула **уверенности**».

Настоящий – прил. 1. Теперешний, происходящий в настоящее время. 2. Этот, данный. 3. Подлинный, действительный, не поддельный. 4. Действительно такой, какой должен быть, представляющий собой лучший образец, идеал чего-н. 5. Полностью подобный кому-чему-н., несомненный (неодобр.).

Денотативная сема одобрения здесь содержится в значении «лучший образец, идеал».

Уверенность – сущ., 1. см. уверенный (твердый, не колеблющийся, не сомневающийся). 2. Твердая вера в кого-что-н.

Коннотативная сема одобрения заключена в значении «твердая вера».

3) «Моменты **совершенного наслаждения** вместе с кофе Чибо».

Совершенный – прил., 1. Являющийся совершенством, превосходный. 2. Полный, несомненный.

Одобрительная денотативная оценка заложена в семе, сформулированной в первом значении: «идеальный, лучший».

Наслаждение – сущ. Высшая степень удовольствия. Слово в данном контексте приобретает значение, которое сближает его в сознании адресата с определением счастья. Оно выражает безусловную положительную оценку.

4) «Эти минуты принадлежат только мне. Dove – и мой мир превращается в сплошное **шелковое** удовольствие. Dove – мой **шелковый** шоколад»

Шелковый – прил., 1. см. шелк. 2. перен. Послушный, кроткий.

В данном примере мы наблюдаем перенос значения по качеству, причем параллельно приобретает положительная коннотативная оценка. В первой части текста слово приобретает значение «приятное, нежное, доставляющий высшую степень блаженства», это новое значение, не зафиксированное в словаре.

Таким образом, при рассмотрении приведенных и подобных примеров можно сделать вывод о том, что реклама с успехом использует ресурсы языка, такие как оценочность и эмоциональность. Однако, этот процесс

двусторонний, так как сам язык развивается за счёт возможностей рекламы. Расширяется сфера оценочности лексики, появляются изменения в семантике слов, удачные находки языка рекламы переходят в бытовую лексику, а затем и в литературную сферу, как, например, стало повсеместно употребляемым выражение «всё будет в шоколаде», прозвучавшее впервые в рекламе шоколадного батончика. Вызывает интерес дальнейшее изучение оценочной лексики, систематизация её именно в рекламном аспекте употребления, выявление принципов появления речевой оценки у неоценочных слов для создателей рекламных текстов.

Ожегов С.И. Словарь русского языка /С.И.Ожегов. – 24-е изд., испр. – М.: ОНИКС. Мир и Образование, 2005. – 1198 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Лексическая система языка. – Изд.2. – М.: URSS, 2010.

Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова. – Воронеж, 1979. – 156 с.

Стернин И.А. Значение слова и его компоненты /И.А. Стернин. – 2-е изд., испр. и доп. – Воронеж: изд-во «Истоки», 2008. – 20 с.

Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка /В.И. Шаховский. – Воронеж: изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1987. – 190 с.

Е.В.Пикалова

Лексика тематической группы «Медицина» в публицистическом дискурсе

Одной из лексических особенностей публицистического дискурса является использование лексики, репрезентирующей любую сферу жизни социума. Употребление лексических единиц, относящихся к определённой научной или профессиональной области, может обуславливаться как причинами объективного характера, то есть темой текста, так и стремлением к созданию экспрессии. В первом случае лексические единицы выступают в прямом значении, являясь лишь средством номинации, во втором – семантически трансформируются, актуализируя свой прагматический потенциал. Введение специальной терминологии в публицистический текст с целью создания экспрессии может осуществляться различными способами. Чаще всего это сравнение (явление вроде *пульса*) или переносное значение (*организм Европы, история-организм*).

Анализ публицистического дискурса показал, что в нём активно используется лексика, составляющая тематическую группу «Медицина». В статье исследуются процессы вовлечения терминов языка медицины в публицистический дискурс, механизм и сущность трансформации семантики лексических единиц данной группы и актуализации

экспрессивно-оценочного потенциала медицинской лексики в современных СМИ.

Такому тематическому классу (группе), как «*Медицина*», в целом соответствует некая обобщенная ситуация, выражаемая, в той или иной форме, всеми словами этого класса. Вслед за Е.В. Падучевой, можно сказать, что данному тематическому классу свойственна «*своего рода контекстуальная структура*» (Падучева 2000, стр.402). Обобщенную ситуацию тематического класса мы получаем не из наблюдения над ситуациями действительности, а путем обобщенного толкования соответствующих слов данной тематической группы. Попадая в несвойственные элементам данной тематической группы контексты, они подвергаются так называемой семантической деривации, которая характеризуется двумя видами: 1) метонимические сдвиги и 2) метафорические переносы.

По нашим наблюдениям, словам, входящим в тематическую группу «*Медицина*», более свойственна метафоризация, чем метонимизация.

Сегодняшний публицистический дискурс активно пополняется метафорическими моделями, среди которых важную роль играет медицинская метафора следующего типа:

Мир – это организм.

Общество – это организм.

Например:

*Мы довольно долго изучали хилый **организм** Европы. (АиФ № 4, 2002)*

*Наука - живой **организм**, которым развивается истина. (К.П. №2, 2001)*

В этих примерах лексема «*организм*» использована для наименования понятий, имеющих сложную структурную организацию.

Введение термина в несвойственное ему словесное окружение создает социально острые характеристики обычно отрицательного плана:

*Сначала меня принял какой-то шпионствующий юноша, с бородкой, усиками и со всеми приемами **недоношенного** фельетониста и неудавшегося демократа» (К.П. №2, 2001)*

Термины «*патология*», «*патологический*» употребляются, например, только для обозначения уродливых, ненормальных явлений в общественно-политической или интеллектуальной жизни человека, то есть наблюдается некоторое расширение значения этого слова по отношению к медицинскому терминологическому значению - наука о болезненных процессах в организме. *Любому организму может быть свойственна патология.*

Интересно отметить, что данный термин как средство создания экспрессии употреблялся ещё А.И. Герценом:

*Начинается зловещее раздумие и **патологический разбор**. Книга моя замечательна как **патологический факт**, показывающий, какой беспорядок вносит в русскую голову немецкая философия и французская революция (Письма из Франции и Италии Г.С.224.)*

Кроме того, в его работах используются такие сочетания, как *патологическое благоразумие, патологический интерес, патология революции*.

Тенденция к использованию общенаучной и, в частности, медицинской метафоры в публицистике характерна для отечественных средств массовой информации как предшествующих исторических этапов, особенно периода «холодной войны», «перестройки», так и для современных СМИ. Период 60-70 гг. в отечественной публицистике примечателен тем, что основные метафорические ресурсы целенаправленно сосредоточивались на негативной оценочной характеристике капиталистического мира. Показательны следующие примеры: антикоммунистическая *истерия, болезнь* доллара, послевьетнамский *синдром*, искаженный *спазм* насилия.

Эти метафоры не только экспрессивны, но и образно - наглядны. Зачастую они построены по принципу олицетворения, когда слово, обычно сочетающееся с одушевленным предметом, используется в переносном значении для характеристики неодушевленного явления или предмета.

С начала перестройки негативно-оценочные метафоры стали использоваться для характеристики внутрироссийских проблем. При этом журналисты оперировали готовым устойчивым набором метафор, встречавшимся в газетной публицистике ранее и активизирующимся по мере возникновения адекватных ситуаций, например, кровавые *психозы* гражданской войны, *метастазы* беззакония, политическая *истерика, паралич* власти.

Однако поскольку метафора активно реагирует на изменения, происходящие в жизни общества, метафорический фонд, почерпнутый из подъязыка медицины, пополняется новыми образными лексическими единицами. Так, под влиянием тематически близких существительных, называющих части тела человека, слагаемые организма, имеющих прочные традиции метафорического бытования в языке, развилось переносное значение у слова, например, «*подбрюшье*»:

Азиатское подбрюшье России, от Карибского бассейна до Южного подбрюшья азиатского континента. (К.П. № 25, 1995, АИФ №4, 2003).

Метафорические контексты привлекают внимание к словам, с которыми сочетаются медицинские и общенаучные термины. Для 60-х годов первой половины 80-х годов такими ключевыми словами были *антикоммунизм, антисоветизм, империализм, агрессия, гонка вооружений* и т.п., для современной публицистики - *бюрократия, власть, коррупция, идеология, политика, терроризм*. Подобные слова призваны обозначать те реалии, которые с помощью метафоры надлежит негативно оценивать, обличать.

Наиболее широко в новых контекстах в публицистическом дискурсе наименования болезней и болезненных проявлений человеческого организма используются в нравственных и общественно-политических сферах. Вследствие сочетания слов разного семантического плана создаются меткие выражения, острые политические формулы: «*подагра*

нравственного мира», «припадок цензурной болезни», «белая горячка самовласти», «мир агонии».

Вспомним аристократизм, эту застарелую подагру нравственного мира, иудейскую проказу исключительной национальности. (АиФ №6, 2003)

У него была белая горячка самовласти. Тогда в России был сильнейший припадок цензурной болезни. (К.П. №3, 2002).

В указанных примерах связь с терминологическим значением слова не утрачивается.

Таким образом, сложились 2 типа метафорических контекстов. Первый тип представляют сочетания, в которых метафора - величина переменная, а базовое слово - величина постоянная: *реанимация* нацизма, фашизма, тоталитаризма, антикоммунизма, культа личности; *паралич* власти, *агония* власти, *атрофия* власти, *анатомия* власти. Он иллюстрирует штампованное (клишированное) применение метафор.

Второй тип свидетельствует о том, что число определяемых объектов относительно стабильно, а ряды метафор неизменно пополняются. Такие понятия, как «власть», «политика», «экстремизм», «инфляция», «идеология», определяются посредством метафор из самых разных сфер. Однако следует подчеркнуть, что медицинский метафорический контекст в публицистике - это одно из наиболее сильнодействующих средств, апелляции к чувствам и эмоциям читающих. Одно лишь обращение к медицинской лексике предопределяет направление и характер метафоризации, например: состояние (*духовное здоровье*, *духовная смерть* нации, *патологическая жадность*, *хирургическая честность*, *эмбрион* партии, *симптомы звездной болезни* и т.д.), отклонение в развитии (*аллергия* на политику, *зарождение* вражды, *вирус* стяжательства, *флюс* инфляции, *бацилла* холодной войны) и т.д..

В целом посредством медицинской метафоры актуализируется негативное отношение к политическим, социальным явлениям, неприятие тех или иных высказываний, позиции, направлений. Об остроте и глубине проблем современного российского общества свидетельствует актуализация использования в переносном значении медицинских терминов, особенно из области онкологии:

Террариум - это злокачественная опухоль, которая трансформируется и адаптируется, прежде чем разложиться, рак совести, метастазы коррупции.

При внешнем различии лексического наполнения между контекстами, содержащим одну и ту же метафору, возникает «духовная общность» прямого содержания или предполагаемого подтекста.

Углубляющийся политический, экономический и духовный кризис современного общества позволяет сделать вывод о том, что метафорический фонд медицинской лексики в сфере публицистики будет востребован и в дальнейшем.

Падучева С.В. О семантической деривации: слово как парадигма лексем //Русский язык сегодня.- Вып 1.- М.: «Азбуковник», 2000.- С. 395

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивные исследования политической метафоры. - Екатеринбург, 2001. – с. 106

Политический дискурс

А.А.Бурашникова

Композиционные особенности текстов новогодних обращений президента (на материале новогодних обращений президентов России и США с 1998 по 2009гг.)

Наступление нового года можно рассматривать как кризис (период, когда с активных действий внимание общества переключается на осмысление итогов прошлого; обостряются отношения между властью и обществом, поскольку это наиболее удобное время для критики действий носителей реальной власти: здесь четко прослеживается разница между обещанным и выполненным). В это время человек испытывает естественный сакральный страх перед чем-то новым, непонятным, возможно опасным, тем, что может произойти с ним в новом году (этим отчасти объясняется повышение «спроса» на предсказания, гороскопы, советы, характерное для конца декабря).

Наступление нового временного периода может нести в себе слом традиционных устоев, смену приоритетов. В этой ситуации носители власти не имеют других рычагов воздействия на население, кроме слов. Их выступления сопровождаются определенными ритуальными действиями, которые в древности имели практическое значение, но под влиянием времени трансформировались в этикетные нормы, соблюдение которых легитимизирует процесс произнесения обращения. Таким образом, выступление, игравшее ранее второстепенное значение, стало ключевым событием новогодней ночи.

Новогоднее обращение представляет собой атрибут политического ритуала («формализованного действия, имеющего символическое значение, и лишённого, на первый взгляд, рациональной целесообразности» (<http://www.emc.komi.com/01/15/124.html>) – ритуальный жанр, в котором фатика замещает информативность, вербальные компоненты и риторические стратегии подчинены форме сообщения и отличаются незначительностью (Гудков 1998, с.45). Отсутствие новизны (низкая новостная ценность) позволяет говорить о том, что факт произнесения текста оказывается важнее, чем содержание.

Структура текста обращения включает традиционно следующие элементы: (1) обязательные рамочные компоненты (обращение к адресату и оптатив), (2) конгратуляционную часть (повод и собственно поздравление), (3) констатирующую часть (описание достижения всего народа за прошедший период). Соотношение этих элементов (композиция текста) варьируется в зависимости от культурных особенностей конкретного государства, от личности выступающего.

Одной из основ композиции является отчетливая мотивированность всех идей, высказываний, действий. Именно это, по словам Н.Г.Чернышевского, дает автору возможность «безукоризненно группировать фигуры» (Чернышевский 1949, с.67), т.е. самой группировкой отразить авторское видение мира.

Композиция обладает самостоятельной содержательностью, ее средства и приемы преобразуют и углубляют смысл сказанного.

Согласно В.Шкловскому, композиция есть последовательность подачи событий и их подробностей в тексте (Тимофеев 1971, с.171). Именно это определение будет использовано в данной работе в качестве рабочего.

Композиция обуславливается материалом, объектом, мировоззрением автора, его видением мира, конкретной идеей, лежащей в основе текста и жанровыми задачами, поставленными автором (Левитан 1969).

В целом композиционная организация новогоднего обращения достаточно предсказуема: в самом общем виде она представляет собой последовательно сменяющие друг друга блоки, содержащие (1) приветствие, адресованное аудитории и призванное привлечь первичное внимание; информацию о (2) итогах прошедшего года; информацию о (3) приоритетах власти в новом году; (4) собственно поздравление с наступающим праздником (Кривоносов 2002, с. 193).

Текст обращения может быть разбит на структурные части соответственно прагматическим установкам: в российской традиции обращение к адресату всегда начинается текст и отделяется интонационно («дорогие россияне», «дорогие соотечественники» Б.Ельцина, «дорогие друзья», «уважаемые граждане России» В.Путина и Д.Медведева), а собственно поздравление (оптативный компонент) всегда завершает обращение:

«С новым годом, дорогие друзья!» - Б.Ельцин, 1998.

«С Новым годом вас! С новым веком!» - В.Путин, 1999.

«С Новым годом вас, дорогие друзья! С Новым счастьем!» - В.Путин, 2002.

«Будьте счастливы! С новым, 2009 годом!» - Д.Медведев, 2008.

Подчеркнуто нейтральные номинации, используемые в обращении, максимально расширяют круг возможных адресатов.

Кроме того, российский президент идентифицирует аудиторию как своих близких людей и друзей, обращается к каждому, проводит параллель между собой и аудиторией. Указывает на то, что является таким же членом общества, как и каждый представитель его аудитории. Это

работает на снижение напряженности, некоторую эмоциональную разрядку аудитории, придает выступлению доверительный характер.

«Сегодня в новогоднюю ночь я, как и вы, с родными и друзьями собирался выслушать слова приветствия Президента России Бориса Николаевича Ельцина». – В.Путин, 1999.

«Хочу пожелать вам того, чего обычно желают своим родственникам и друзьям...» – В.Путин, 2000.

«В эти последние секунды 2001 года давайте пожелаем друг другу счастья». – В.Путин, 2001.

«В эту ночь у меня есть несколько уникальных минут, когда я могу обратиться к каждому из вас». – Д.Медведев, 2009.

В американской традиции выступления главы государства с новогодним поздравлением отсутствует прямое обращение к аудитории. Текст начинается контактоустанавливающей фатической фразой, содержащей констатацию факта смены лет:

«The past year has been a time of achievement, progress, and renewed hope for the American people». – G.Bush, 2002.

«The past year has been a time of accomplishment and progress». – G.Bush, 2003.

Как видно, содержание фразы стандартно, представляет собой абстрактную конструкцию без определенного адресата, характеризующую прошедший год как период динамичного изменения и роста. Подобные формулировки полностью соответствуют ритуальному характеру текста, оправдывают отнесение жанра новогоднего обращения к числу жанров «безопасной риторики», поскольку, не имея информативной ценности, не содержат идей и выводов, противоречащих общепринятым политическим взглядам и установкам.

В обращениях российских президентов подобные речевые формулы также присутствуют, но носят более пространственный характер, представляют собой логическую связку между приветствием и основным текстом.

Здесь указываются атрибуты праздника, обозначаются действия, совершаемые аудиторией в момент произнесения обращения, актуализируются национальные ценности. Президент отождествляет себя с народом («мы», «наше»). Формулировки просты по форме, носят доверительный характер.

«На пороге новый 1999 год. До его прихода остались считанные минуты. Позади предпраздничная суeta. Все собрались за новогодним столом и с волнением ожидают боя курантов. В такие минуты мы вспоминаем год уходящий, вспоминаем все хорошее, что он нам принес, и надеемся, что все плохое останется позади» – Б.Ельцин, 1998.

«В эти минуты мы не только сверяем наши часы, мы сверяем наши помыслы и чувства, сверяем ожидания, наши ожидания, с тем, что мы имеем в действительности» – В.Путин, 2000.

«Через несколько минут наступит самый любимый, теплый, традиционно семейный для нас праздник – Новый год. Для каждого из нас это особое торжество, это праздник мечты. И всех нас – таких разных – сейчас объединяют надежды на добрые перемены, объединяет чувство принадлежности к одной большой семье, имя которой Россия» – В.Путин, 2006.

«В эту ночь у меня есть несколько уникальных минут, когда я могу обратиться к каждому из вас» – Д.Медведев, 2009.

Основной текст включает приблизительно равные по объему структурные части, первая из которых посвящена достижениям уходящего года и планам на будущее (констатирующая часть), а вторая содержит конгратуляторный компонент. В текстах российских президентов это разделение может быть представлено, например, как повторное обращение к адресату в середине текста:

«Сегодня, 31 декабря 1999 года, первый Президент России принял решение уйти в отставку. Он просил меня обратиться к стране. Дорогие россияне! Дорогие соотечественники! Сегодня на меня возложена обязанность главы государства...

...Новый год – это самый светлый, самый добрый, самый любимый праздник на Руси. В Новый год, как известно, сбываются мечты. А в такой необыкновенный Новый год – уж тем более. Все доброе и все хорошее, задуманное вами, обязательно случится.

Дорогие друзья! До наступления 2000 года остались считанные секунды. Давайте улыбнемся нашим родным и близким» – В.Путин, 1999.

«И на очередной вызов террористов мировое сообщество ответило небывало интенсивным международным сотрудничеством. Государства сплотились и вместе с Россией встали на защиту мира, спокойствия и самой жизни.

Дорогие друзья! Не все, что мы планировали, уже сделано. Нерешенного пока еще больше, чем достижений» – В.Путин, 2001.

«И я желаю и детям, и родителям приносить друг другу только радость. Понимать и беречь друг друга. Жить в мире, любви и согласии.

Дорогие друзья! Новый год – это праздник, который был и останется символом добра и надежд. И мы с полным на то основанием верим в лучшее. И надеемся сделать все, что еще не успели или пока не смогли» – В.Путин, 2003.

Наличие в тексте нескольких наименований адресата оправдано необходимостью структурирования текста, членения его на четкие смысловые блоки. Здесь обращение к аудитории исполняет роль связки. В текстах американцев такие связки отсутствуют. Кроме того, наличие дополнительных обращений актуализирует внимание реципиентов. Следует обратить внимание и на предпочтение речевых форм обращения – «дорогие друзья» - наиболее нейтральная, абстрактная, соответствующая ситуации праздника формулировка, лишенная политического и идеологического ореола (ср. «товарищи», «дамы и господа»). Наличие подобных переходных элементов позволяет варьировать взаимное расположение смысловых блоков, нарушать перспективу изложения материала.

В текстах обращений американских президентов прямое обращение к аудитории отсутствует. Адресат обращения упоминается как «*our citizens*», «*American people*», «*americans*». За редким исключением в аудитории выделяются социальные группы, непосредственное обращение к которым оправдано жанровыми задачами:

«We are grateful to the men and women of our Armed Forces who serve and sacrifice to defend our liberty. These heroes and their families have the thanks and respect of our entire Nation» – G.Bush, 2004.

Таким образом, композицию обращений американских президентов можно рассматривать как развертывающуюся в прямой перспективе – от частного (интересов одной страны) – к общему (грядущим изменениям в

мировом распределении политических сил); от национальных ценностей – к общемировым.

Членение аудитории на группы в текстах российских президентов оправдано приоритетом в обществе социальных ценностей: «*наши родители*», «*наши дети*», «*те, кто встречают праздник в кругу семьи*» и «*те, кто сейчас далеко*».

Одной из характерных особенностей обращений российских президентов является заигрывание с аудиторией:

«Я знаю, что все вы сейчас уже поглядываете на часы» – В.Путин, 2000.

«Давайте улыбнемся нашим родным и близким» - В.Путин, 1999.

«Пора встречать Новый год» – Д.Медведев, 2008.

Это снижает степень формализации текста.

Оптативная часть, обязательная для текста поздравления, также имеет особенности реализации в речах президентов. Оптатив, пребывающий в постпозиции, представлен преимущественно перформативными высказываниями:

«Я желаю вам, чтобы все намеченное получилось» - В.Путин, 2003.

Кроме того, пожелания могут иметь различные формы речевой реализации, сохраняя перформативный характер: «С Новым годом! Пусть этот год ознаменуется новыми свершениями и победами!», «Успехов вам и удачи» и т.п. Таким образом, новогоднее обращение содержит перформативы двух типов – поздравления и пожелания, речевая форма которых соответствует определенным ритуальным действиям.

В структуре обращения американского президента присутствует элемент, не характерный для российской культуры – апеллирование к прецедентным религиозным текстам:

«*Saint Matthew's Gospel tells us...*» - W.Klinton, 1999.

Каждое новогоднее обращение американского президента заканчивается формулировкой:

«*wife joins me in sending our best wishes for a Happy New Year. May God bless you, and may God continue to bless the United States*»..

что также отражает сакральный ритуальный смысл выступления.

Это позволяет говорить о том, что структура и содержание новогоднего обращения напрямую зависит от системы ценностей, разделяемых аудиторией.

<http://www.emc.komi.com/01/15/124.htm>

Гудков Д.Б. Ритуалы и прецеденты в политическом дискурсе // Политический дискурс в России – 2: Материалы раб. совещания // М.: Диалог-МГУ, 1998.

Земская Е.А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь // М.: Языки славянской культуры, 2004.

Кривоносов Д. PR-текст в системе публичных коммуникаций // СПб.: Петербургское востоковедение, 2002.

Левитан Л.С. О некоторых соотношениях фабулы, сюжета и композиции // Сб.: «Вопросы сюжетостроения». - Рига, 1969.

Тимофеев Л.И. Основы теории литературы. - М., «Просвещение», 1971.

Чернышевский Н.Г. Полн.собр.соч. Т.2. - М., Изд-во АН СССР, 1949.

Шейгал Е. Семиотика политического дискурса // М.: Гнозис, 2004.

Шкловский В. Заметки о прозе русских классиков. - М., «Художественная литература», 1955.

Тексты выступлений президента РФ взяты с сайта www.kremlin.ru

Тексты выступлений президента США взяты с сайта www.whitehouse.gov

С. Г. Киселева

Виды оценки в политических текстах

Анализом политических текстов занимается политическая лингвистика, центральным понятием которой является политический дискурс. На сегодняшний день исследование этой проблематики актуально (в связи с возрастающим влиянием средств массовой информации, развитием политических технологий и т.д.) и им занимаются многие лингвисты, например, такие как А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский, А.П. Чудинов и др. Рассматривая политический дискурс в разных аспектах, они сходятся в определении данного понятия. Например, А. Н. Баранов считает, что политический дискурс - это «совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом» (Баранов, Казакевич 1991, с.6).

Политики, опираясь на ряд определенных правил выбора тех или иных речевых средств, используя разнообразные приемы речевого воздействия, способны представлять свои идеи в наиболее выгодном свете, вызывать необходимые положительные или отрицательные эмоции у реципиентов. Задача политического дискурса - не просто «описать (то есть, не референция), а убедить, пробудив в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию» (Демьянков В. З.).

Особый интерес в связи с этим представляет рассмотрение категории оценки в политическом дискурсе. По данной проблематике существует большое количество научных работ, так как в этой области остается еще много спорного и неоднозначного.

Объектом нашего исследования являются виды оценок политических текстов. Сначала необходимо дать определение оценочности. Под этой сущностью мы вслед за И. А. Стерниным понимаем наличие в слове положительной или отрицательной характеристики предмета, человека или явления, что считается немаловажным для любого текста и политического в особенности.

Многие лингвисты, разграничивают системную и несистемную оценочность. Системной считается оценка, которая присутствует в денотате и коннотате слова, ощущается носителями языка и представлена в словарных статьях. Она может подразделяться на денотативную (оценочное слово) и коннотативную оценки (слово с оценочным компонентом), которые могут существовать одновременно; а также оценку ядерную и периферийную. Дифференциация денотативной и

коннотативной оценки осуществляется следующим образом: «если можно сформулировать значение слова без оценочных слов и добавить тестовую фразу «и это хорошо/плохо», то оценка коннотативна; если такая процедура невозможна, то денотативна» (Стернин 2008, с.4). Говоря о ядерной и периферийной оценке, необходимо отметить, что ядерная оценочность, представленная ядерными оценочными семами, очевидна, понятна, в отличие от периферийной, которая обнаруживается с трудом и не всеми носителями языка.

Несистемная оценка возникает в речи, то есть, в тех ситуациях, когда неоценочное слово приобретает оценочность.

В словарях оценочные компоненты значения принято маркировать как «одобр.» и «неодобр.» и «неоцен.». В общем виде оценку принято считать положительной (мелиоративной) или отрицательной (пейоративной).

В политическом дискурсе существуют различные приемы повышения эффективности текста. Употребление «положительно-оценочных» слов в текстах политических выступлений позволяет создать благоприятную атмосферу, нацеленную на оптимистичную, позитивную реакцию реципиентов, и наоборот, насыщенность речи «негативными словами и выражениями» вызывает эффект угнетенности, подавленности.

Говоря о политических текстах, необходимо отметить, что существуют две основные категории выступлений политических деятелей: речи политиков, находящихся у власти, и речи их оппонентов, то есть политиков, стремящихся завоевать власть. Хотя общей задачей всех политических деятелей является оказание определенного воздействия на реципиента, призывая и побуждая его к каким-либо действиям, привлекая его на свою сторону, все ораторы достигают этой цели по-разному.

Рассмотрим в этом аспекте текст публичного выступления Медведева Д. А. «Заседание Государственного совета по вопросам развития политической системы России» (22.01.10, Москва, Кремль) и речь его оппозиционера Зюганова Г. А. на том же заседании.

В тексте Медведева Д. А. мы встречаем следующие слова и фразы, дающие положительную оценку политической жизни страны: «мы поддерживаем политическую *стабильность*, наша политическая система *хорошо работает*, показатели *роста* партийных структур *впечатляют*, *ответственный* подход, граждане станут *богаче*, *умная* экономика и политика, *процветание* России, *мирная* жизнь, *целостность* государства, социальная *стабильность*, *свобода* и *справедливость*». Также, хотя и значительно реже, в его речи встречается негативная лексика: «на практике мы сталкиваемся с процессами *примитивного* управления, *тупого* администрирования, заявления о массовых злоупотреблениях».

Анализ выступления Зюганова Г. А. показал, что его речь не так насыщена положительной лексикой, хотя она и встречается в его выступлении: «показали *высокую эффективность* развития, *честный* диалог, *объективный* и *серьезный* разговор». Напротив, слова с отрицательной оценкой встречаются гораздо чаще: «*тяжелейшие аварии*,

ни одна из этих задач *не решится* успешно, *гибель* многих людей, *дефицит* ответственности, *износ* производственных фондов, наша политическая система *неэффективна*, господствует *криминал*, *уклонились* от расследования, *тяжелый кризис*, мы в *трудном* положении, исполнительная власть *разлагается* и *разрушается*, мы *потеряли* половину своего национального богатства и капитала, массовые *преследования* и *гонения* на честных политиков».

Очевидно, что Медведев Д. А. (политик у власти) старается показать состоятельность, эффективность своего управления, используя выражения с положительной оценкой, вызывающие у реципиента чувство уверенности, стабильности. Зюганов Г. А. (политик, стремящийся к власти), наоборот, доказывает несостоятельность правящей партии, формируя определенное эмоциональное и психическое состояние у аудитории посредством активного использования лексики с отрицательной денотативной оценкой.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что оценка (положительная или отрицательная) широко и умело используется политиками и играет важную роль в политическом дискурсе.

Баранов А. Н., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. М.: Знание, 1991. - 64 с.

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Современная политическая лингвистика. - (philology.ru/linguistics1/budaev-chudinov-06a.htm)

Демьянков В. З. Интерпретация политического дискурса в СМИ. - (<http://www.infolex.ru>)

Стернин И. А. Значение слова и его компоненты. Изд. 2-е. Исп. и доп. Воронеж, 2008, 20 с.

Стернин И. А. Оценочность слова в языке и речи // Исследования по семантике. УФА, 1990, С. 18 - 26

Деловой дискурс

А.О. Стеблецова

**Дискурсивное событие *интервью* в англоязычном дискурсе
трудоустройства образовательной сферы**

Дискурсивное событие *интервью* (далее ДС интервью) занимает особое место в англоязычном дискурсе трудоустройства в силу следующих причин:

- ДС интервью является первым непосредственным коммуникативным контактом между участниками дискурса трудоустройства, когда их коммуникативное взаимодействие не отложено во времени и пространстве, но осуществляется в едином контексте места и времени;
- ДС интервью является первым (и единственным) устным коммуникативным взаимодействием между участниками дискурса;
- ДС интервью имеет разнообразные организационные формы в зависимости от состава участников, обстановки, канала коммуникации, сферы профессиональной деятельности, типа организации и др.;
- ДС интервью является прагматически наиболее значимым этапом дискурса, так как именно оно завершает процесс отбора кандидатов на должность.

В образовательной сфере ДС интервью имеет свои особенности, которые будут рассмотрены в ситуативно-прагматическом, содержательно-тематическом и лингвостилистическом аспектах.

В ситуативно-прагматическом аспекте ДС интервью дискурса трудоустройства образовательной сферы существует в трех основных формах:

- (1) короткое предварительное интервью, имеющее место на ежегодных научных конференциях \ конвенциях (conference \ convention interview или off-site interview);
- (2) предварительное интервью по телефону (phone interview);
- (3) интервью на территории университета \ колледжа (on campus interview), обычно в сочетании с открытым уроком, методической демонстрацией, презентацией или лекцией.

Необходимо отметить, что эти формы интервью в академической сфере различаются не только по месту и времени проведения, но и функционально: (1) off-site interview или (2) phone interview интервью, носящие предварительный характер, используются для сужения списка потенциальных кандидатов на должность, то есть являются инструментом отбора. По их результатам отборочный комитет приглашает двух-трех кандидатов на (3) campus interview. (3) Campus interview, в свою очередь, тоже является инструментом отбора единственного наиболее подходящего кандидата на должность. Таким образом, *целью* off-site interview и phone interview является предварительный отбор нескольких кандидатов из большого числа соискателей, подавших документы, для их последующего приглашения на campus interview. *Целью* campus interview является окончательный выбор кандидата, наиболее соответствующего должности, за которым следует предложение должности.

Участниками ДС интервью является соискатель должности (applicant) и отборочный комитет (search committee), выступающий как представитель

потенциального работодателя. В ходе дискурсивного события они выступают в *ситуативно-ролевых статусах* интервьюируемого (interviewee) и интервьюера (interviewer) соответственно. В зависимости от количества интервьюеров интервью может проводиться «один на один» или с несколькими интервьюерами (panel interview).

Необходимо отметить *асимметричность ролей* участников интервью. Интервьюер находится в доминирующей коммуникативной позиции, так как он координирует и контролирует ход интеракции, определяет темы обсуждения, выносит оценку интервьюируемому соискателю. Последний должен отвечать на предлагаемые интервьюером вопросы и задавать свои, только получив разрешение от интервьюера.

Дискурсивный *жанр* интервью реализуется в устной вопросно-ответной форме (диалог).

В содержательно-тематическом аспекте ДС интервью образовательной сферы имеет следующие особенности.

Тематическое содержание интервью обязательно включает в себя следующие *тематические блоки*:

- беседа о соискателе (биографические сведения);
- беседа об исследовательской деятельности (тема исследования, диссертация (завершенная, выполняемая в настоящее время или планируемая), финансирование исследования, необходимое оборудование и др.);
- беседа о преподавательской деятельности (какие курсы, лекции, семинары соискатель вел, мог бы вести, какие методики использовал, педагогические взгляды, опыт и др.);
- беседа о мотивах соискателя работать именно в данном учреждении (что привлекает соискателя именно в данном учебном заведении, какое вклад он мог бы внести в его процветание, что он ожидает от работы здесь и т.п.);
- вопросы интервьюируемого (в этом блоке соискатель может задать несколько вопросам отборочному комитету относительно учебного заведения, факультета или кафедры, должности, на которую он претендует и т.п.).

Композиционная структура интервью обычно состоит из трех частей: вступительной, основной, завершающей.

1) *Вступительная часть* подготавливает соискателя к интервью, создающая доверительную атмосферу:

Interviewer: Ms Jayson, isn't ?

Applicant: [Eeh, hello

Приветствие, знакомство,

Interviewer: [Hi, I am Daniel Colin. Nice to meet you.

Applicant: Nice to meet you, Mr Colin.

Приглашение присесть,

Interviewer: Why don't you sit down.

Благодарность

Applicant: Thank you.

Interviewer: I am very sorry for keeping you

Извинение за задержку с

waiting... We're a bit running out of time...

началом интервью

Applicant: That's O'K , Mr. Colin. I had a chance to look around a bit.

Принятие извинений.

Interviewer: Oh, did you? Good.... Well, shall we start?

Сигнал к началу основной части

2) *Основная часть* - обсуждение профессиональной деятельности соискателя, то есть беседа по всем обязательным тематическим блокам академического интервью. Впечатление интервьюера, созданное интервьюируемым в ходе этой части, служит основой для оценки соискателя как соответствующего или несоответствующего искомой должности.

- вопросы об исследовательской деятельности:

Could you tell us about your current research?

Can you tell us briefly what theoretical framework you used in developing your research?

What contribution does your dissertation make to the field?

- вопросы о преподавательской деятельности:

How do you feel about teaching required courses?

How would you encourage student to major in our field?

In your first semester you would be responsible for our course in History and Philosophy of Social Welfare. How would you structure it? What textbook would you use?

- вопросы о мотивах соискателя работать в данном учебном заведении:

Why are you interested in our kind of school?

What institutional issues particularly interest you?

- вопросы интервьюируемого:

How is teaching evaluated?

Could you tell me more about tenure requirements at the institution?

2) *Заключительная часть* - завершение интервью, обмен благодарностями; соискателю обычно говорят, как и когда он сможет узнать о результате; прощание:

Interviewer: Okay wonderful,
Um actually that's all of the questions
[I' m supposed to ask you

Сигнал

к окончанию интервью
со стороны интервьюера

Applicant:
[Okay

Interviewer: so we're set

Благодарность

Applicant: [Thank you

соискателя

Interviewer: [Ms Morris will explain what the next step is, I don't know if she did that before you came in or not but that's it

Интервьюер объясняет
соискателю,

so,

кто даст ему инструкции
о дальнейших шагах

[thank you

Applicant: [Thank you very much

Обмен благодарностями

(Demo 2002, с. 586)

В лингвостилистическом аспекте особый интерес представляет анализ диалогических пар (adjacency pair) «вопрос-ответ», коммуникативные стили интервьюера и соискателя, а также используемые ими дискурсивные стратегии.

Диалогические пары «вопрос-ответ» (adjacency pair), составляющее основную часть интервью дискурса трудоустройства, имеют ряд признаков, которые существенно отличают данный дискурсивный жанр от других. Во-первых, вопросы являются частью коммуникативной роли интервьюера, его обязанностью и прерогативой. Во-вторых, вопросы являются основным средством коммуникативного обмена и фокусом интеракции. В-третьих, ответы соискателя оцениваются не только с точки зрения адекватности их содержания, но и с точки зрения их дискурсивной успешности. Наконец, вопросы интервьюера часто построены таким образом, что требуют от соискателя определенных догадок и выводов относительно их содержания, а ответ соискателя должен соответствовать ожиданиям интервьюера (Akinnaso & Ajirofutu 1982, 125).

Интервьюер обычно использует вопросы «открытого» типа или специальные вопросы, отвечая на которые, соискатель может продемонстрировать свои профессиональные и коммуникативные возможности:

What contribution does your dissertation make to the field? How do you feel about teaching required courses?

Interviewer: *How would you describe your teaching philosophy?*

Applicant: Hum, well, I'd mention collaborative learning first... I've always worked hard to make my classroom a space in which students can build on one another ideas... Understanding of a text can be a cooperative group project. I find a *list method* quite a successful technique to elicit responses from students...

Interviewer: *A list method?*

Applicant: It's Eh... what I call a list method is rather than asking my class a question, I provide a topic of focus, and everybody is welcome to contribute observations about the text... During a class devoted to Tony Morrison's *Beloved*, for instance,... (Vick J. & Furlong J 2008, 188).

Использование вопросов «закрытого типа» или общих вопросов обусловлено особыми метакоммуникативными целями, например, для уточнения, подтверждения и т.д. В таких случаях вопросы «закрытого типа» встречаются в заключение ответного высказывания соискателя. Если же пропозициональное содержание вопроса «закрытого типа» вводит новую тему, то нормы ожидания интервьюера допускают возможность или необходимость распространенного ответа соискателя.

Interviewer: *Have you had any experience with the case study method?*

Applicant: Yes, I have... as a Clinical Skills instructor..., it's actually a part of PBL approach- problem-based learning-, y'know... (Demo 2002, с. 586)

С коммуникативно-прагматической позиции все вопросы интервьюера являются дискурсивными стимулами, побуждающими соискателя реагировать в соответствии с желаниями интервьюера (предоставлять требуемую информацию, уточнять, пояснять, приводить примеры и т.д.).

Их речевая реализация происходит с помощью следующих *лексико-синтаксических* конструкций:

а) вопросительные предложения (в классической вопросительной форме): How do you motivate students? Have you taught graduate or professional students?

б) вопросительные предложения, пропозициональное содержание которых содержит интеллектуальный вызов:

In doing your research, why didn't you__?

Of course, you've read __*an unfamiliar article or book related the applicant research*__ haven't you?

в) вопросительные предложения о гипотетической ситуации (в форме сослагательного наклонения): If you could teach any course you wanted to, what would it be?

г) вопросительно-побудительные предложения (просьбы, предложения в форме косвенного вопроса): Could you tell us about your current research?

Why don't you tell us about the project you follow from start to finish?

д) императивные предложения: Tell me about your dissertation

е) повествовательные предложения – намеки: I see you have very few publications...

Необходимо отметить, все вышеперечисленные типы вопросов объединяет общая позиция в интеракционной последовательности – они являются *инициативными дискурсивными актами*, вводящими новый тематический фрагмент интервью.

Однако и в рамках обсуждения одного тематического фрагмента интервьюер при необходимости может использовать дополнительные вопросы с целью:

а) регулирования интеракционного обмена: вопросы – повторы, вопросы – уточнения, вопросы- подтверждения;

б) поддержания доброжелательной тональности и доверительной атмосферы: вопросы, выражающие интерес к высказыванию или рассказу соискателя.

Ответы соискателей обычно представлены в форме нарративов (отчетов и рассказов), дескриптивов, экспозитивов.

Нарративы часто используются при обсуждении профессионального опыта, конкретного достижения соискателя (Cook-Gumperz J. & Gumperz J.1997, 303).

Interviewer: Um describe a project that followed from start to finish.

Applicant: Oh well that would be my intranet probably.

Interviewer: Mokay

Applicant: Um as I said my boss came to me and knowing that I'm English major and rather language oriented, asked me to head up this project and just kinda take it on for the summer. Mm and I was obviously a little hesitant to say 'oh yeah sure y'know I can do it this no problem' because I had no idea I had never taken a computer science class I'd never looked at a line of code in my life

Interviewer: Mm-hmm

Applicant: And I was very straightforward with him, and I said “ John, I don’t know how to code, I’ve never y’know... I click I point and I click but that ‘s about... (Cook-Gumperz J. & Gumperz J.1997, 306).

Дескриптивы используются соискателями при описании своих взглядов, например, на преподавание, исследовательскую деятельность, при ответах на вопросы о гипотетических ситуациях, наконец, как речевые формы, иллюстрирующие свои профессиональные и личностные качества:

Applicant: One course I would like to teach would explore the representation of the globalized subject in Latin American literature, film, and cultural criticism. Such a course would examine the experience of affective self... A course along these lines would focus on Latin American literature and film, for instance , novels by Cesar Aira and Diamelia Eltit, films such *Suite Habana*, *21 Grams*, *Dependencia sexual*), though I would also like to incorporate US films to give the course a comparative bent...(Vick J. & Furlong J 2008, 204)

Использование дескриптива при ответе на вопрос «Какой курс вы хотели разработать и преподавать?»

Экспозитивные формы используются при обсуждении более узких научных, а также вопросов, связанных с необходимой для исследования аппаратурой или оборудованием.

Использование определенных лексических, синтаксических и других языковых средств определяет *коммуникативный стиль* и тональность интервью. Так, если интервьюер отдает предпочтение лексике формального регистра, прямым специальным вопросам, императивным конструкциям личному местоимению 2-го лица, то этими языковыми средствами создается формальный стиль:

Interviewer: Like we always ask the same questions of everybody that interviews, um, and we grade you independently based on your answers, based on your personal experience to be more specific. Uh, question begins...

Interviewer: Answer as thoroughly as you can , as detailed as you can but be more specific...

Interviewer: What do you feel your duties and responsibilities will be in this position and what skills do you possess that will aid the ground department? (Gumperz J.1992, 320).

Однако для академического интервью особенно при соискательстве преподавательских и исследовательских должностей формальный коммуникативный стиль не является типичным. Ведь отбор на подобные должности предполагает наличие у соискателя коммуникативных навыков и компетенции высокого уровня, которые легче выявить в интервью *неформального стиля*, проходящем в атмосфере доброжелательности и солидарности. К тому же, несмотря на приоритетность дискурсивной позиции интервьюера, профессиональные статусы интервьюера и соискателя могут быть равными, или заинтересованность потенциального работодателя в соискателе очень высока. Поэтому для интервью в сфере образования характерно использование таких языковых средств как

использование личного местоимения 1-го лица единственного числа, служебных частей речи (междометия, союзы, частицы), которые являются дискурсивными маркерами, использование эмфатических синтаксических конструкций (включая конструкции с частицей *not*).

Вышеперечисленные языковые средства создают неформальный коммуникативный стиль (*involved style*), тональность доброжелательности и солидарности. Ниже предлагаем фрагмент интервью *неформального коммуникативного стиля*, представляющий собою *co-membership talk*, то есть коммуникативного обмена, направленного на установление атмосферы доверия и солидарности между коммуникантами посредством поиска общих интересов, общности происхождения и т.п.

Interviewer: And where are you from?	Вопрос о происхождении соискателя
Applicant: I'm from <i>West Chester New York</i>	Респектабельный пригород Нью-Йорка
Interviewer: <i>Okay</i>	
Applicant: <i>Please don't hold it against me</i>	Шутка соискателя, призванная показать, что он \ она с юмором относится к своему респектабельному месту рождения
Interviewer: I don't. Northern suburb if I remember? Your senator your junior senator' s residence is in West Chester in as town called Chappaqua?	Вопрос-утверждение интервьюера, что этом районе расположена резиденция в то время сенатора Хилари Клинтон
Applicant: Yes, indeed. And actually, <i>that's where my best friend lives</i> so I know it quite well.	
Interviewer: <i>Okay</i> (Fiksdal S. 1990, 153)	Соискатель подтверждает свою осведомленность по этому поводу, к слову упоминая, что его \ ее лучший друг живет неподалеку.

В заключение отметим, что интервью является ключевым событием англоязычного дискурса трудоустройства. Мы исходили из гипотезы, что определенная сфера профессиональной деятельности может приносить в данный дискурсивный жанр некоторые особенности. Выбрав в качестве материала исследования интервью в сфере образования, мы попытались выявить эту специфику. Предварительные результаты дискурсивного анализа показали, что ДС интервью в сфере образования демонстрирует определенную прагматическую (виды, обстановка, участники и др.), тематическую (темы вопросов, речевые формы ответов и др.) и лингвостилистическую (лексико-синтаксические средства, коммуникативный стиль, дискурсивные приемы и др.) специфику. Ее дальнейшее изучение представляется актуальной задачей социолингвистики и теории дискурсивного анализа.

Cook-Gumperz J. & Gumperz J. Narrative explanations: Accounting for past experience in interviews// *Journal of Narrative and Life History*, 7, 1997. pp. 291- 298

Demo D. Interactional competence in gatekeeping encounters: A discourse analysis of cross-cultural employment interviews// *Research and Practice in Professional Discourse*. – Hong Kong: City University of Hong Kong Press, 2002. С.568- 606

Fiksdal S. The right time and pace: A microanalysis of cross-cultural gatekeeping interviews. Norwood, NJ: Albex Publishing, 1990.

Gumperz J. Interviewing in intercultural situations// *Talk at work: Interaction in institutional settings*. - Cambridge: Cambridge University Press, 1992. pp. 302-327.

Vick J. & Furlong J. *The Academic Job Search Handbook* (fourth ed.) –Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2008.

Детский дискурс

О. В. Кошечева

Жанр ссоры в детском дискурсе

Дискурсивный переворот в гуманитарных науках конца XX века обусловил мощное развитие антропоцентрического направления в языкознании. Разностороннее изучение речевой деятельности людей стало одной из актуальнейших проблем современной лингвистики. Исследование дискурса как целостного речевого произведения в многообразии его когнитивно-коммуникативных функций отражено в многочисленных трудах таких отечественных и зарубежных ученых как Н.Д. Арутюнова, М.Я. Дымарский, В.И. Карасик, М.Р. Макаров, А.А. Кибрик, В.В. Красных, Е.В. Падучева и многих других.

В последние годы возрастает интерес исследователей к изучению детского дискурса и выявлению особенностей становления дискурсивной и в целом коммуникативной компетенции личности в процессе онтогенеза. Данной проблеме посвящены работы К.Ф. Седова, Е.И. Исениной, Д. Слобина, А.М. Шахнарович и других ученых. Особое значение приобретает жанровая составляющая дискурсивной деятельности человека. Как указывает К.Ф. Седов, «фактически жанр – это единица дискурса, позволяющая членить его на разные по объему речевые произведения» (Седов 2008, с.147).

Жанроведение представляет собой одно из перспективных и актуальных направлений современной лингвистики. Его активное развитие подтверждается многочисленными научными исследованиями в данной области (см., например: (Антология речевых жанров 2007; Вежбицка 1997; Дементьев 1997; Дементьев, Седов 1999; Жанры речи 1-6 1997, 1999, 2002, 2005, 2007, 2009; Седов 2001, 2008; Шмелева 1995) и мн. др.).

Речевой жанр определяется как «вербально-знаковое оформление типических ситуаций социального взаимодействия людей» (Антология речевых жанров 2007, с.8), и в настоящее время достаточно широко изучаются отдельные жанры повседневного общения, проводится их

классификация. Обращение к данной проблеме привело к появлению в лингвистической науке особого термина – «жанровая компетенция», которая выступает составной частью общей коммуникативной компетенции личности и отражает степень владения человеком нормами и правилами речевого поведения в обществе.

При этом очень актуальным и не достаточно изученным остается вопрос об особенностях становления жанровой компетенции личности в онтогенезе. В предложенной работе представлен сравнительный анализ использования детьми различного возраста (дошкольники 4-5 лет и школьники 9-11 лет) речевого жанра «ссора».

Как известно, ссора в большинстве случаев возникает в рамках устного неофициального, личностно-ориентированного общения в результате несогласованного дискурсивного поведения партнеров по социально-коммуникативному взаимодействию. Согласно определению К.Ф. Седова, ссора – это «речевой жанр, который отражает и оформляет в знаковых (вербальных и невербальных) формах типические ситуации бытовых социально-психологических конфликтов» (Антология речевых жанров 2007, с.259). Ссоры относятся к первичным нериторическим речевым жанрам. Они имеют исключительно фатическую направленность с четким отрицательным акцентом. В основе речевого жанра ссоры лежит концепт «агрессия».

Психолингвистической характеристикой ссоры следует считать спонтанность протекания интеракции и спонтанную речь. Поэтому в данном речевом жанре наиболее ярко и отчетливо проявляются как отдельные свойства речевого стиля каждого из коммуникантов, так и степень сформированности у них общей жанровой компетенции.

Жанр ссоры появляется в детской речи довольно рано. Его оформление происходит в том момент, когда дети начинают общаться между собой и это общение уже можно назвать вербальным по преимуществу, то есть ближе к 2,5-летнему возрасту. Для детей, особенно младшего дошкольного возраста ссоры являются довольно привычным явлением и случаются чаще всего при коммуникативном контакте со сверстниками, братьями, сестрами. Школьники также активно используют этот речевой жанр в повседневном дискурсе.

Для изучения особенностей применения речевого жанра ссоры детьми разного возраста были использованы метод наблюдения и специальные задания:

- ролевое описание сюжетной картинки «Ссора детей»;
- инсценировка ссоры при помощи игрушек.

Данные задания проводились как среди детей одного возраста, так и в парах, где один ребенок относился к младшей, а другой – к старшей возрастной категории.

В ходе проведения данного исследования выявились некоторые общие и отличительные черты речевого поведения в ссоре детей разных возрастных групп.

В частности, для обеих указанных возрастных групп оказалось характерным использование инвективной стратегии агрессивного поведения и прямых инструментальных форм агрессии. Это проявлялось в частом применении тактик угрозы, инвективы, отсыла, оскорбления (обзывания) и грубом прерывании контакта. Однако в речи детей 9-10 лет уже были отмечены элементы куртуазной и рационально-эвристической стратегии поведения в конфликте (констатация некомпетентности, упрек, насмешка, колкость и др.), что отражает качественно более высокий уровень владения ими речевой или жанровой компетенцией.

В речи дошкольников почти не встречаются примеры не прямой коммуникации, а к 10-11-летнему возрасту социальный и речевой опыт школьников, несомненно, позволяет им понимать скрытый смысл косвенных фраз и применять их в собственных высказываниях. Дети этого возраста с удовольствием используют в своей речи тактики или субжанры колкости и завуалированной насмешки по отношению к младшим собеседникам, осознавая, что смысл этих высказываний те понимают более конкретно.

Для иллюстрации этого явления приведем пример ссоры 10-летней девочки (А) со своим 5-летним братом (Б):

А.- Зачем ты испортил мой альбом?// Кто тебя просил рисовать здесь эти каракули?//

В.- Это мне нужно было// смотри/ вот какую я машину нарисовал!//

А.- Ой/ красота!// Художник //

Р.- Ты так не сможешь/ да?//

А.- Куда уж мне такое нарисовать// Отдай сейчас же мой альбом и не хватай мои вещи!//

Интеракция, составляющая основу жанра ссоры, строится по принципу симметричного, статусно равноправного взаимодействия. Но одной из отличительных черт поведения детей разного возраста в ссоре является то, что дети младшего возраста воспринимают себя как равноправного участника взаимодействия, в то время как старшие дети претендуют на руководящую, управляющую роль. У подростков уже достаточно четко сформировались представления об этических нормах поведения и взаимодействия в социуме, о том, с кем можно, а с кем нельзя вступать в ссору; в указанном возрасте уже наблюдается склонность к определенному типу речевого поведения в процессе коммуникации. У детей дошкольного возраста эти понятия сформированы недостаточно.

По мнению К. Ф. Седова, конфликтность / кооперативность выступают важнейшими характеристиками языковой личности, которые определяют как уровень коммуникативной компетенции, так и доминирующую в речевом поведении установку по отношению к участникам общения. На основе вышеуказанной бинарной оппозиции К.Ф. Седов выделяет три типа языковых личностей: конфликтный, центрированный и кооперативный. «Конфликтный тип демонстрирует установку на себя и одновременно против партнера по коммуникации... Центрированный тип характеризуется установкой на себя при игнорировании партнера по коммуникации...

Кооперативный тип в качестве доминирующей установки общения демонстрирует установку на партнера коммуникации» (Проблемы речевой коммуникации 2000, с.6). Кроме того, К.Ф. Седов выделяет и подтипы указанных вариантов речевого поведения (там же).

В дошкольном детстве склонность к конфликтам и эгоцентризм выступают отражением возрастных особенностей, и в этом случае преждевременно говорить о сформированности того или иного типа языковой личности согласно приведенной классификации. К подростковому возрасту, напротив, уже наблюдаются тенденции к доминированию определенного типа речевого поведения, предпочтениям в выборе коммуникативных стратегий фатического дискурса и общей направленности общения.

Приведем примеры различных типов речевого поведения детей подросткового возраста с дошкольниками 4-5 лет в ссоре:

Пример 1.

(Подросток): - *Опять приперся/ надоел//Что тебе опять надо?// Иди в свою комнату//*

(Младший брат) – *Дай мне поиграть в компьютер//*

(Подросток) – *Вали отсюда/ А то опять сломаешь что-нибудь//*

(Младший брат) – *Я маме все сейчас расскажу!//*

(Подросток) – *У-У/ Ябеда// Только это и можешь//*

В приведенном примере старший участник коммуникации еще до начала разговора занимает агрессивную позицию и переводит разговор в конфликтное русло, что даже в единичных случаях может говорить о психологических проблемах подростка, возможной ревности к младшему брату или других особенностях семейного общения. Старший ребенок проявляет явную конфликтно-агрессивную позицию в общении с братом.

Пример 2.

Две девочки в возрасте 10-ти лет в игре:

(А) – *Я сейчас буду пока план готовить/ а ты иди/ скажи Ленке что мы с ней теперь играть не будем//*

(В) – *А может не будем пока//*

(А) – *Ты что/ совсем ненормальная// может еще извинишься к ней сходишь//*

В данном случае одна из девочек (А) строит свое общение, применяя конфликтно-манипуляторский тип речевого поведения согласно классификации К.Ф. Седова.

Использование детьми конфликтно-агрессивного или конфликтно-манипуляторского типов речевого поведения в некоторых случаях могут являться единичными проявлениями, а иногда выступают достаточно устойчивыми показателями, характеризующими склонность к формированию конфликтного типа языковой личности и приводящими к частым ссорам со сверстниками и с представителями других возрастных категорий. В общении с детьми младшей возрастной группы подростки способны выстраивать процесс коммуникации как в конфликтном, так и в кооперативном русле.

Как известно, в жанре ссоры активно применяются и вербальные, и невербальные компоненты. При этом непосредственно речевая агрессия проявляется в виде оскорблений, угроз, злопожеланий, а невербальные проявления заключаются в использовании разнообразных жестов, соответствующей интонации, мимики. В ходе проведения исследования выяснилось, что для обеих возрастных групп характерно активное использование невербальных компонентов общения, но для дошкольников они играют более значимую роль.

В интеракции ссоры детей чаще, чем в других возрастных категориях, используется инструментальная форма агрессии. С позиции дошкольника это объясняется недостаточным опытом в использовании речевых средств при взаимодействии с другими людьми, а с позиции подростков – нежеланием им уступать.

Вербализация ссоры в основном осуществляется старшим ребенком и включает в себя тактики оскорбления, угрозы, отсылы, констатации некомпетентности. Дети младшего возраста предпочитают действовать непосредственно «кулаками», хотя на уровне повторения активно применяют тактику угрозы и инвективы.

Рассмотрим особенности использования детьми отдельных речевых тактик или субжанров в ссоре, выделенных К.Ф.Седовым (Антология речевых жанров 2007, с.264).

1. Тактика оскорбления (инвективы) широко применяется детьми обеих возрастных групп на всех стадиях развития ссоры. В речи дошкольника она часто носит характер повторения только что услышанных от собеседника оскорблений, использования выражений из хорошо знакомых мультфильмов, книг:

- К. (4 года) - *Сама ты балда!!!*
- Л. (4 года) - *Это ты курица безмозглая!!!*
- А. (5 лет) – *Тупица!!!*

Эти оскорбления в большинстве случаев не наполнены для ребенка каким-либо конкретным содержанием и никак не связаны с недостатками партнера по коммуникации, а иногда и вовсе не понятны ему. Часто дети младшего дошкольного возраста применяют слова, которые по своему смыслу никак не могут являться инвективой, но, произнесенные с соответствующей интонацией и в нужном контексте, именно для младшего участника ссоры они приобретают характер оскорбления («самовар», «пингвин», «кукуня»...).

В подростковом возрасте дети пытаются в своих оскорблениях высмеять или отметить реально существующие у собеседника свойства личности или возрастные особенности, подчеркивая тем самым свое превосходство:

- М. (9 лет) - *Малявка бестолковая!!!*
- О. (10 лет) – *Карпузина/ толстяк!!!*

К подростковому возрасту арсенал инвективной лексики у детей может быть уже достаточно широк.

2. Тактика угрозы занимает едва ли не лидирующее место среди других речевых средств в ссорах детей. По своему содержанию угрозы мало

отличаются на разных возрастных этапах, но у дошкольников они чаще перерастают в непосредственную инструментальную агрессию:

А. (4 года) - *Я тебе сейчас по башке дам!!!*

В. (5 лет) – *Ты у меня сейчас получишь!!!*

М. (9 лет) – *Я как тресну тебе сейчас по лбу!!!*

Д. (10 лет) – *Отстань/ а то как дам сейчас//*

3.Тактика злопожелания у детей далека от аналогичных примеров во взрослой речи. Она довольно редко используется детьми, связана с какой-либо конкретной ситуацией и направлена не на собеседника, а на определенный объект окружающей действительности:

- *Пусть твоя машина сломается сразу/ раз ты не дал мне ее посмотреть//*

- *Пусть все твои дурацкие игрушки испортятся//.*

4. Тактика отсыла в речи детей в большинстве случаев не содержит никакой табуированной лексики и чаще является прямым выражением желаемого действия:

- *Отвяжись от меня!!!*

- *Уйди отсюда!!!*

5. Тактики констатации некомпетентности, насмешки и колкости, а также тактика молчания и демонстрации обиды имели место лишь в речи детей старшей возрастной группы, что связано с более высоким уровнем развития их жанровой компетенции. Проиллюстрируем это на примере ссоры детей 10-летнего (А) и 4-летнего (Б) возраста:

А.- *Перестань махать мне перед лицом своей палкой!!!*

Б.- *Это не палка/ это мой меч// Я со всеми справлюсь//*

А.- *Ну смельчак/ герой!!! Алеша Попович нашелся//*

Б.- *Я сильнее всех!!!*

А.- *Да что ты можешь сделать?// Разве что с букашкой справиться!!!*

6.Тактика возмущения активно используется в речи как дошкольников, так и подростков, обычно применяется в начале ссоры и связана с конкретным поступком:

- *Зачем ты взял мою тетрадь?//*

- *Положи мою игрушку!!!*

- *Это ты опять ко мне лезешь?//*

7. Тактика грубого прерывания коммуникативного контакта вербально проявляется чаще у детей старшего возраста. Приведем примеры заключительных фраз ребенка старшей возрастной группы в ссоре:

- *Не буду больше тебя слушать, глупыша мелкого!!!*

- *Замолчи, ты мне не указ!!!*

- *Хватит кричать!!! Я с тобой больше не разговариваю!!!*

8. Тактики упрека и обвинения применяются в речи детей в разных формах.

Девочка (9 лет) своему брату:

- Ты что / забыл/ что обещал вести себя хорошо?// Теперь из-за тебя в магазин не пойдём и мороженое не купим!//

Мальчики (4 года) при игре в песочнице:

А.- Если бы ты не махал своей лопатой/ наша башня бы не упала// Это ты все виноват//

Б.- Нет/ это ты все всегда ломаешь//

9. Тактика проклятья не использовалась детьми изучаемых возрастных групп.

Различия в проведении ссоры обычно наиболее ярко проявляются к моменту ее завершения: в 9-10-летнем возрасте итогом ссоры чаще является тактика демонстрации обиды («Ну и пусть! Теперь вообще не буду с тобой играть!»), а в дошкольном детстве она перерастает в субжанр жалобы по второму типу (согласно классификации А. Вержбицки (Антология речевых жанров 2007, с.75)):

- по вине кого-то у меня происходит нечто плохое
- чувствую себя плохо по этой причине
- говорю это потому, что хочу, чтобы ты сделал этому кому-то нечто плохое.

Таким образом, в результате проведенных исследований, мы можем сделать выводы о том, что в детском дискурсе жанр ссоры является едва ли не самой распространенной формой речевого общения, что во многом отражает несформированность умения строить эффективное речевое взаимодействие с окружающими людьми.

В дошкольном детстве конфликтность и эгоцентризм детей является проявлением возрастных особенностей их психического развития, если, конечно же, они не усугублены повышенной семейной гиперопекой и вседозволенностью. К подростковому возрасту дети учатся не только контролировать свои эмоции и, следовательно, реже обращаются к прямой инструментальной агрессии, но и качественно изменяется само речевое оформление конфликтных ситуаций. По характеру поведения подростка в ссоре уже можно говорить о его тяготении к конфликтному, центрированному или кооперативному типу языковой личности согласно классификации К.Ф. Седова.

Наблюдения показывают, что овладение речевым жанром «ссора» происходит от прямых, инициативных форм к более сложным проявлениям агрессии, которые характеризуются применением косвенных и непрямых высказываний, появлению в речи детей старшего возраста таких внутрижанровых тактик, как колкость и насмешка. Ссора детей 9-10-летнего возраста друг с другом уже приобретает черты спора, где дети обосновывают свою позицию и отстаивают свое мнение, пытаясь доказать собеседнику правоту своей позиции. При этом в ссоре с детьми дошкольного возраста подростки с легкостью возвращаются к прямым инструментальным формам агрессии. Все эти проявления в свою очередь отражают определенный уровень сформированности жанровой и коммуникативной компетенции детей каждой возрастной группы.

-
- Антология речевых жанров: Повседневная коммуникация.- М.: Лабиринт, 2007.
- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки рус. культ., 1999. – 896 с.
- Бахтин М.М. Проблемы речевых жанров // Социальная психоллингвистика: Хрестоматия. М., 2007.
- Вежбицка А. Речевые жанры // Жанры речи. Саратов, 1997. Вып. 1.
- Дементьев В.В., Седов К.Ф. Теория речевых жанров: социопрагматический аспект // Stylistika VIII. Opole, 1998.
- Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Саратов. Ун-та, 2000. – 184 с.
- Седов К.Ф. Жанры повседневного общения и хорошая речь // Хорошая речь. Саратов, 2001.
- Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции.- М.: Лабиринт, 2004.
- Седов К.Ф. Онтопсихоллингвистика: становление коммуникативной компетенции человека.- М.: Лабиринт, 2008.
- Шмелева Т.В. Речевой жанр: опыт общепилологического осмысления // Collegium. Киев. 1995. № 1-2.

Содержание

От редколлегии	3
-----------------------	---

Вопросы теории

Припадчев А.А. (Воронеж) Речевая системность текста в данных смыслов	4
Стернин И.А. (Воронеж) О понятии эффективного делового общения	13
Лысенко С.А. (Воронеж) Функциональные стили литературного языка и разговорная речь. Вопросы взаимодействия и классификации	20

Национальная картина мира и её языковая репрезентация

Белоусова О. А. (СПб) Лексико – фразеологическое поле «работа» в русском языке	25
Виноградова О.Е. (Воронеж) Значение глагола «говорить» в современных текстах	30

Ларионова Д.Г. (СПб) Концепт «родина» в русской и американской лингвокультурах (сопоставительный аспект)	37
Лопарева Ю.В. (Воронеж) Белый цвет в сознании этноса (по данным ассоциативного словаря)	40
Маклакова Е.А. (Воронеж) Проблемы описания семантики собирательных наименований лиц на основе контекстов	48
Ротмистрова О. В. (СПб). Особенности лексики, репрезентирующей оценочное восприятие географического пространства страны в русской языковой картине мира	55
Федотова Н.В. (Воронеж) Гендерная специфика концепта «отдых» (по данным свободного ассоциативного эксперимента)	58
Чан Тхи Нау (СПб) Фитонимы «берёза» и «бамбук» в русской и вьетнамской лингвокультурах	63
Ян Лю (СПб) Состав лексико-семантических групп наименований профессий в русском и китайском языках	66

Художественный текст

Лынова Н.Л. (Воронеж) Альтернатива как текстообразующая категория в Слове «Въ великийи четвъртъкъ» Иоанна Златоуста.	68
Морозова Т. В. (Воронеж) Концепция народной жизни в романе Хосе Луиса Сампедро «Река, что нас несёт»	72
Панкова Т.Н.(Воронеж) Роль метафоры и метонимии в понимании художественного текста	75
Пророкина Е.А. (Воронеж) Гласные в поэтическом тексте А.С. Пушкина (на материале текстов «Слеза», «Зимняя дорога» и «Зимний вечер»)	80
Пророкина Е.А. (Воронеж) Ритмико – мелодический и просодический аспекты поэзии А.С. Пушкина в данных музыки	88
Путилина Ю.А. (Воронеж) К вопросу о переводе заглавий автобиографических произведений Грэма Грина	95
Свистова А.К. (Воронеж) Функции синестезии в лирике А. Ахматовой	
Соловьева И.Ю.(Воронеж) Тема природного начала в человеке в романе Д.Г. Лоуренса «Сыновья и любовники». Поль Морел и его отношения с Мириэм	104
Чунослова А.А.(Воронеж) Стилеобразование поэтических текстов Г.Р.Державина и А.В.Кольцова	109
Широкова Е.Н. (Н.Новгород) Языковая экспликация двух систем временных координат в современной прозе	115

Художественный дискурс

Тихонова О.В. (Воронеж) Социальная и гендерная проблематика в «младогерманском» дискурсе (на примере прозы К. Гуцкова)	120
Чарыкова О.Н. (Воронеж) Флористическая лексика в современном поэтическом дискурсе	123
М.И.Черкашенко (Воронеж) Индивидуально-авторские образования в современном поэтическом дискурсе	127

Художественная картина мира

Арязмова О.В. (Воронеж) Синтаксис прозы В. С. Маканина как отражение художественной «картины мира»	135
Литвинова Ю.А. (Воронеж) Концепт «город» в русском художественном тексте	139
Тимошина Т.В. (Воронеж) Соотношение национального и личностного в художественном концепте (на примере концепта <i>любовь</i>)	142

Медиадискурс

Гапоненко Л. А. (Саратов) Языковая картина виртуального мира	150
Данюшина Ю.В. (Москва) Метафоры бизнеса (на материале англоязычных электронных деловых СМИ)	154
Косенкова В.В. (Воронеж) Оценочная лексика в рекламном тексте	159
Пикалова Е.В. (Воронеж) Лексика тематической группы « <i>Медицина</i> » в публицистическом дискурсе	161

Политический дискурс

Бурашникова А.А. (Саратов) Композиционные особенности текстов новогодних обращений президента (на материале новогодних обращений президентов России и США)	165
Киселева С. Г. (Воронеж) Виды оценки в политических текстах	170

Деловой дискурс

Стеблецова А.О. (Воронеж) Дискурсивное событие <i>интервью</i> в англоязычном дискурсе трудоустройства образовательной сферы	173
--	-----

Детский дискурс

Кощеева О. В. (Саратов). Жанр ссоры в детском дискурсе	180
--	-----

Содержание	188
-------------------	-----

